

Евгений Девяткин

ГОРЬКИЙ-17:

Операция О.Д.И.У.М.

По мотивам видеоигры Gorky-17

ГОРЬКИЙ-17: ОПЕРАЦИЯ «O.D.I.U.M.»

Автор: Евгений Девяткин

Благодарности: боевому камраду Арнольду и моей жене Ксении

Посвящается Артуру Миросу

Внимание: текст содержит ненормативную лексику и откровенные сцены насилия 18+

Предисловие от автора:

Впервые я сыграл в Gorky-17 (в легендарном переводе от Гоблина) еще в 2001 году — и игра поразила меня навсегда. Мрачная, гнетущая атмосфера, интригующий сюжет, гротескные монстры, от которых мурашки бежали по коже... Всё это влюбило меня в игру с первых же секунд.

Прошли годы, но Горький-17 не отпускал. Как и Snowball и Гоблин в своё время, я решил переосмыслить историю игры — но не просто пересказать её, а пересобрать заново. Я углубился в лор, переработал предысторию, добавил новых персонажей и конфликтов, чтобы события обрели большую цельность и драматизм.

Это не литературное прохождение. Многие сюжетные линии, мотивы героев и даже сама природа катастрофы были переписаны. Можно сказать, что перед вами — альтернативная версия вселенной Gorky-17, этакий литературный римейк, где знакомые элементы сплетаются в новую историю.

Надеюсь, вам понравится то, что получилось.

V.1.1.

Проведена повторная вычитка, поправлены некоторые недочеты и неточности, улучшены описания, в диалоги были внесены изменения. Добавлено несколько новых сцен и глав:

- В сцене инструктажа Ламар объясняет, почему не отправили дронов.
- Переработана сцена с уничтожением Ската и падением Ярека с моста.
- В техническом помещении музея Ярек рассказывает о своих имплантатах.
- Добавлена сцена, в которой Коул более подробно объясняет, почему ему не удаётся наладить дружеские отношения с солдатами.
- Более подробно описаны мутации Куратса в главе "Последний Денек в Аду".
- Добавлен полноценный спин-офф про Добровского под названием "Искушение"
- Добавлены полноценные иллюстрации.
- Добавлен раздел "История создания"

ПРОЛОГ

ГДЕ-ТО В ПОЛЬШЕ. 18 ОКТЯБРЯ 2035 ГОДА

«Бежать. Не сбавлять темп. Не оглядываться. Никогда не оглядываться.»

Джоан МакФадден мчалась сквозь кошмар, едва не спотыкаясь о разбросанный по асфальту хлам. Где-то позади, в кромешной тьме между домами, *оно* преследовало её — невидимое, неосоздаемое, но смертоносное. Пустые окна пятиэтажек зияли, словно глазницы черепов. Где-то в их глубине шевелились тени — Джоан знала, что это лишь игра света, но спина всё равно покрывалась мурашками. Перед глазами снова всплыл Лейф: его лицо, искаженное ужасом, кожа, покрываемая черными жилками, пальцы, впивающиеся в горло так, что ногти рвали плоть...

«Не думай. Беги!»

Она свернула в узкий переулок. Стены, испещренные граффити, смыкались над головой, превращая путь в туннель. Где-то позади раздался металлический скрежет — будто что-то тяжёлое упало на крышу машины.

«Они прыгают. Как пауки. Боже, как они прыгают...»

Сердце тридцати четырехлетней женщины колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвет ребра. Джоан вбежала в двор-колодец, заплетаясь ногами в разбросанном мусоре, и прижалась к стене, покрытой гигантским рисунком — уродливый двухметровый демон в майке Sepultura, оскаливший клыки. На секунду ей показалось, что он шевельнулся.

«Дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.»

Она зажмурилась, пытаясь заглушить панику.

Рыжие волосы, ранее собранные в тугой хвост, теперь слиплись от пота. Лицо — бледное, с острыми скулами и тонкими губами, плотно сжатыми в ниточку. Глаза — зелёные, но сейчас почти серые от ужаса. Форма — заляпанная грязью и кровью. Бронежилет из лёгких полимеров трещал при каждом движении.

Нашивка с красным крестом на руке — потертая, но гордая. Последний символ человечности в этом аду. Сумка с медикаментами на поясе.

Она была полевым медиком. Лучшим. Она шила раны под обстрелом, откачивала бойцов, у которых не осталось лица.

Но сегодня... сегодня она ничего не могла сделать.

Шаги. Близко.

Они преследовали её. Сколько их? Несколько пар? Десяток? Она не могла понять — звук рассеивался, как эхо в туннеле. То глухо стучали по асфальту, то царапали железные двери подъездов, то прыгали по крышам машин. Ближе. Ближе. Джоан замерла.

"Вдыхай носом. Выдыхай ртом."

Но дыхание не слушалось. Сердце бешено колотилось, будто пыталось вырваться из груди. Затаившись за мусорным баком, она вжалась в стену, стараясь слиться с ней.

Оно вошло во двор.

Двухметровая тень двигалась странно - не шагала, а скорее перетекала от одного пятна темноты к другому. Джоан зажмурилась. Перед глазами всплыл вопрос: куда направить ствол? В это... или себе в висок? Она боялась не смерти. Она боялась, что в последний миг её сознание захлестнет безумие, как это случилось с Лейфом.

Существо замедлилось у разбитого зеркала. Раздался хруст - оно наклонилось, рассматривая свое отражение. В щель между баками Джоан увидела:

Кожа, покрытая двигающимися волдырями. Слишком длинные пальцы с когтями, царапающими собственное лицо. Что-то вроде рта, раскрывающегося вертикально.

Пистолет был наготове. Но тут взгляд зацепился за спасительную деталь - полуоткрытые ворота в соседний двор. Всего пятнадцать метров рывка...

В этот момент где-то рядом затрещали автоматные очереди.

"Кристенсен!" - мысль пронеслась как спасительный луч. Существо взвыло и бросилось прочь, оставив после себя зловонный шлейф.

Не раздумывая, Джоан рванула к воротам. Ноги подкашивались, но страх придавал сил. Стройплощадка встретила её зловещей тишиной: Замершие экскаваторы с ковшами, полными земли. Горы ржавых труб, сложенных в жутковатые скульптуры.

И главное - ни единого следа людей. Куда же подевался стрелявший?
— Джоан! — хриплый шёпот вырвался из темноты.

Девушка вздрогнула, едва не выронив пистолет, прежде чем узнала измождённое лицо капитана Нильса Кристенсена. Но это был уже не тот холодный, невозмутимый командир, которого она знала. Видавший виды солдат с обветренным лицом — грубые черты, сломанный в нескольких местах нос, жёсткая недельная щетина. Глаза, привыкшие к опасности, сейчас пристально сканируют пространство, выдавая страх, который он отчаянно пытается подавить. Он напуган. По-настоящему. Но не позволяет себе дрожать.

— Нильс! Я думала... — её голос сорвался на полутоне.

— Тише! — он схватил её за плечо, пальцы впились в ткань формы. — К канализации. Сейчас же.

Люк оказался завален мусором. Нильс, рыча сквозь зубы, отшвырнул ржавую крышку. Его движения были резкими, нервными — солдат, который ещё держится, но уже на грани.
— Проверь, что внизу, — его голос звучал хрипло, почти срываясь. Сам он прикрывал её, ствол винтовки метался от крыш к подъездам. Слишком тихо... В прицеле мелькнула грязная кукла в разбитом окне. Кристенсен почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Чисто! Никого! — Джоан выдохнула, но тут же снова напряглась.

Он резко развернулся и впихнул ей в руки потрепанную папку:
— Сохрани это. Любой ценой.

Документы. Единственное доказательство. Джоан судорожно затолкала папку в рюкзак.
— А теперь — вниз! Я следом...

Она не заметила, как его взгляд задержался на чем-то позади нее.

То, что нельзя увидеть... пока не поздно. Джоан уже спускалась по ржавым скобам, когда воздух за спиной Кристенсена вдруг задрожал — будто над раскаленным асфальтом. Он успел понять.

— МакФадден, уходи! Не жди! — его крик прозвучал так резко, что она едва не сорвалась с лестницы.
— Закрывай люк! — он кинулся вперёд, но невидимые когти уже впились в его плечи, откидывая назад.

Крышка с грохотом захлопнулась. Автоматная очередь. Хруст костей. Звук рвущейся плоти.

Джоан прижалась спиной к мокрой стене, закусив кулак, чтобы не закричать. В ушах стоял звон.

"Любой... ценой..."

Скрип металла по бетону заставил её вздрогнуть. Этот скрежещущий, неестественный звук, будто кто-то проводил когтями по школьной доске, моментально вернул Джоан в жестокую реальность. Ладонь сама потянулась к пистолету на бедре, пальцы нервно обхватили рукоять. Три глубоких вдоха - носом, выдох ртом, как учили на курсах выживания.

"Не сейчас, черт возьми, не сейчас..."

В полумраке слева мелькнула металлическая дверь, вся покрытая ржавыми подтеками. Джоан метнулась к ней, оценивая взглядом: петли прогнили, замок заело, но выбить можно. Размахнулась - удар армейским ботинком пришелся точно под замок. С треском дверь поддалась, открыв узкий проход в соседний отсек.

"Соберись, Джоан! - мысленно кричала она себе, протискиваясь в щель. - Коллектор ведет к бомбоубежищу. Ты сможешь дождаться подмоги."

Длинный коридор встретил её смрадом затхлой воды и чего-то ещё, более острого - возможно, разлагающихся тел. Джоан автоматически прижала воротник куртки к носу, но это мало помогало. По стенам тянулись трубы, покрытые странными слизистыми наростами.

На полпути раздалось глухое урчание - труба справа вздулась, как переполненный кишечник. Джоан едва успела отпрыгнуть, когда ржавый металл лопнул, выпустив клуб раскалённого пара. Обжигающая волна ударила в лицо.

"Чёрт! Чёрт! ЧЁРТ!"

Она откатилась по мокрому полу, слепящая боль заставила глаза наполниться слезами. Когда зрение немного прояснилось, перед ней стояла новая проблема - коридор перекрывала стена шипящего пара.

Джоан схватилась за следующую дверь. Заперто. Два точных выстрела - и замок разлетелся на куски.

Тоннель за дверью оказался ещё уже, с низкими сводами, заставлявшими идти согнувшись. Вода под ногами хлюпала странно густая, будто смешанная с чем-то вязким.

Выбравшись к водостоку, Джоан наконец смогла выпрямиться. Здесь воздух был чуть чище - старые очистители ещё работали, фильтруя самые опасные газы. Она опустилась на платформу, чувствуя, как дрожь пробегает по измождённым мышцам.

"Чёртов приют... Чёртов Дублин... Чёртов выбор..."

Мысли метались, цепляясь за прошлое, лишь бы не думать о том, что могло быть сейчас у неё за спиной. Перед глазами вспыхнули воспоминания.

Приют Св. Бригитты.

"Ты крепкая, Джоанн. Выживешь." — слова сестры Марии, когда в 12 лет она отбила у старших мальчишек свой ужин. Тогда она впервые поняла: мир даёт только тем, кто берёт сам.

"Вот и сейчас... Выживу."

Её пальцы дрожали, перезаряжая пистолет на ходу.

Армейские будни.

"Медкорпус? Серьёзно?" — смеялся инструктор, глядя на её худенькую фигуру. Через год этот же усатый мордатый преклонил колени, когда она под огнём вытащила его взвод из-под обстрела.

"Я спасала их от пуль... А теперь мне нужно спастись от этого?!"

Первая смерть. Сжимает руку своей матери.

"Я тогда поклялась... Больше никого не потерять."

А теперь Лейф и Тротти... Крики всё ещё звенели в ушах.

"Но как спасти от того, чего не понимаешь?!"

Она резко остановилась, зажмурив глаза.

"Соберись, МакФадден. Ты не та девчонка из приюта. Ты не та санитарка, что боялась крови. Ты..."

Из темноты донеслось шуршание.

"...единственная, кто выжил."

Правую щёку пекло - кожа покраснела, но ожог, кажется, был неглубокий. Девушка провела ладонью по лицу, смахивая пот и грязь, затем проверила оружие: три патрона в стволе, два полных магазина на поясе.

На противоположной стене мерцало что-то белое. Фонарь осветил потрёпанную карту коммуникаций. Джоан подошла ближе, стирая с пластикового покрытия слои грязи.

"Так... Значит я здесь..."

Она провела пальцем по карте, когда отмечала маршрут. Сбилась с пути, но не критично. Главное - тоннель в пятидесяти метрах отсюда должен вывести прямо к...

Новый звук заставил её резко обернуться. На этот раз - мокрый хлюпающий шаг где-то в темноте позади. Ближе, чем было скрежетание. Гораздо ближе.

"Не смотри в темноту. Не всматривайся. Там может что-то смотреть в ответ."

Вода хлюпала под сапогами, ледяная влага просачивалась сквозь прорезиненную ткань. Аварийные лампы, редкие как звезды в дождливую ночь, мерцали, бросая на стены пульсирующие тени. И повсюду - следы. Глубокие царапины, будто оставленные чем-то массивным, что регулярно

протискивалось через эти узкие проходы. Металл был исцарапан до блеска на уровне человеческого роста.

"Аллигатор? - мелькнула мысль, и Джоан тут же мысленно выругала себя за глупость. - В польской канализации?"

Рык раздался внезапно, заставив ее кровь застыть в жилах. Это не звук, а какое-то извращение природы - будто кто-то пропустил запись рептилии через синтезатор, добавив к ней жужжание высоковольтных проводов. Он шел со всех сторон сразу, отражаясь от труб, усиливаясь, наполняя тоннель жуткой какофонией.

Тень метнулась впереди - огромная, бесформенная, на мгновение перекрыв свет дальнего фонаря. Джоан прислонилась к колонне, ощущая, как холодный пот стекает по спине. Ее пальцы сами собой нашли ржавую дверную ручку.

Дверь не поддавалась, будто приросла к раме. Джоан уперлась плечом, почувствовав, как ржавые петли скрипят, крошатся, но наконец уступают. Она протиснулась в щель, в последний момент услышав, как что-то тяжелое шлепнулось в воду прямо за ее спиной.

Комната отопительных котлов встретила ее гробовой тишиной. Темнота здесь была абсолютной, словно материальная субстанция. Фонарь выхватил из мрака лишь ближайшие трубы, покрытые толстым слоем какой-то слизи.

"Недалеко уже," - мысленно ободрила себя Джоан. В этот момент что-то маленькое и стремительное впилось ей в ногу.

Боль пришла мгновенно - острая, жгучая, заставившая вскрикнуть не столько от ощущений, сколько от неожиданности. Нога сама дернулась в ответ, и тьма перед ней взорвалась визгом, когда существо ударилось о котел.

Луч фонаря зацепил мелькнувший силуэт - что-то между крысой и ящерицей, мелькнули когти, хвост. Пуля ударила в бетон, осыпав их обоих осколками. Второй выстрел нашел цель - раздался влажный хлопок, и тьма снова поглотила все.

Щиколотка горела огнем. Джоан нащупала дыру в сапоге - клыки пробили даже кевларовую прослойку. Шприц-пистолет щелкнул, впрыскивая обезболивающее. Холодок пошел по вене, притупляя боль, но не страх.

"Не смотри на рану. Не думай о заражении. Доберись до убежища - тогда разреши себе испугаться."

"Три шага. Ещё три. Ты переживала хуже. В тот день в Сирии... В приюте, когда..."
Волна боли вернула её из воспоминаний в реальность.

Джоан стиснула зубы, перезаряжая пистолет. Патроны входили туго — пальцы скользили по металлу, покрытые липкой смесью крови и пота.

"Двигайся... Просто двигайся..."

Опираясь на холодную бетонную стену, она заковыляла к едва заметному просвету в конце тоннеля.

Даже собственное дыхание казалось оглушительно громким. Джоан замерла у вентиляционной решетки.

Сердце бешено колотилось в груди.

И тогда она услышала ЭТО - хриплое, гортанное пыхтение по ту сторону решетки. Что-то большое. Что-то голодное.

Решетка вылетела с оглушительным грохотом. Из черного квадрата вентиляции вырвались лапы - не руки, нет, нечто костлявое, покрытое шершавыми наростами. Пальцы с когтями впились в ее плечо, разрывая ткань и кожу.

"НЕТ!" - ее крик эхом разнесся по тоннелям.

Пистолет выстрелил вслепую - пуля рикошетом отлетела в потолок, осыпая их искрами. Тварь зарычала, и звук этот был словно из самых кошмарных снов - низкий, грудной, с булькающими нотками.

Она чувствовала, как ее тащат в черную пасть вентиляции. Ноги бессильно били по металлическим стенкам шахты, когти впились в лицо - теплая кровь залила правый глаз. В ушах стоял звон, смешиваясь с ее собственными воплями, зловонное дыхание чудовища обжигало кожу.

Выстрелы. Один. Два. Три.

Тишина.

Только капли её крови падали на металл. Где-то в темноте журчала вода. А потом — шаги. Не её. Не человеческие.

Лидер, берсерк и ученый.

**Неделю спустя.
Канада. Торонто. Раннее утро.**

Коул Салливан проснулся от того, что бутылка, зажатая в руке, выскользнула и разбилась об пол. Липкий виски растекся по деревянным доскам, смешиваясь с пылью и осколками. Он даже не пошевелился, чтобы убрать их. Зачем? Все равно никто не придет.

По телевизору в соседней комнате бормотал репортёр:

—...новые случаи заражения в Восточной Европе. Число жертв вируса «Декстера» превысило 15 тысяч. Сегодня в Гааге состоится суд над одним из лидеров «Новой Земли» ...

Флэшбек. 2030 год. Вечер.

Он стоял в дверях больничной палаты, сжимая в руках бумагу. "Код 451. Вирусная пневмония. Прогноз неблагоприятный."

— Это же просто грипп! — он почти срывался на крик. — Какого чёрта?!

Врач, усталый мужчина в защитном костюме, лишь покачал головой.

— Раньше это был просто грипп. Теперь — смертный приговор.

Коул не верил. Не мог поверить. Но через три дня его жена Сара задохнулась в реанимации.

Через неделю — сын Джейкоб.

Флэшбек.

Новости, 2030 год.

Экран телевизора мерцал в темноте пустого дома.

"...группировка "Новая Земля" взяла на себя ответственность за серию атак в крупных городах. По данным ООН, террористы распылили неизвестный патоген, который..."

Кадры сменялись: люди в масках, горящие лаборатории, трупы в коридорах больниц.

"...вирус взаимодействует с обычными респираторными инфекциями, превращая их в смертельно опасные заболевания. Уровень летальности достигает 60%..."

Коул выключил телевизор.

Он вернулся в настоящее. Коул сжал голову в ладонях, словно пытаясь раздавить глухой гул в висках — смесь похмелья, усталости и ненависти к самому себе.

Черные короткие волосы, когда-то аккуратно подстриженные под армейский устав, теперь торчали в беспорядке, будто и они устали от всего этого. Лицо — обветренное, с резкими чертами, изборожденное морщинами, которые легли глубже, чем должны были в его сорок лет.

Но больше всего выделялся шрам.

Грубая белая полоса пересекала левую щеку, от скулы почти до подбородка — память о Северном Кавказе, осколок прошлого, который он так и не смог вырвать. Иногда, в редкие моменты трезвости, он ловил себя на том, что водит пальцами по этому шраму, будто пытаясь стереть его. Но шрамы, как и воспоминания, не стираются.

Он больше не был солдатом. Не был героем. Теперь он был просто пустой оболочкой.

Пять лет. Пять лет прошло с тех пор, как мир изменился. Пять лет с тех пор, как "Новая Земля" выпустила этот проклятый вирус.

Они называли себя "спасителями планеты". Говорили, что человечество — это болезнь, а они — лекарство.

Их лидер, некий Доктор Эмиль Декстер, заявил в своём манифесте:

"Мы не убиваем людей. Мы лишь ускоряем естественный отбор."

Естественный отбор.

Его семья не была "слабым звеном". Они просто жили. А теперь их не было.

А мир...

Мир катился в пропасть. Вирус мутировал. Учёные не успевали создавать вакцины. Каждый год — новая вспышка. Каждый месяц — новые смерти.

Человечество вымирало. И Коул...

Коул просто существовал. Дни сливались в алкогольный туман. Ночные кошмары. Пустые бутылки. До сегодняшнего дня.

Он потянулся за новой бутылкой, но его пальцы наткнулись на фото в рамке. Они. Жена — улыбается, солнце играет в ее каштановых волосах. Сын — всего восемь лет, щербатый, в кепке «Blue Jays». Коул резко перевернул фотографию лицом вниз.

Базз... Базз... Базз...

Раздражающий звук. Где-то рядом вибрирует телефон. Он не берёт трубку. Голова раскалывалась, будто внутри нее медленно взрывалась граната. Он закрыл глаза, не хотел видеть этот мир. Звонок повторяется. Пятый раз. Коул срывается, хватая телефон.

— Кто?!

— Салливан. Это Ламар.

Голос генерала чёткий, без эмоций. Коул замирает.

— Я на пенсии, сэр.

— Знаю. Но ты мне нужен.

— Увольте. Я больше не солдат.

— Ты будешь валяться тут, пока не сдохнешь?

Коул молчит. Смотрит на фотографию.

— Я не буду уговаривать. Есть миссия. Ты либо в деле, либо дальше будешь топить себя в этом дерьме. Твой выбор.

— Какая миссия?

— Не по телефону. За тобой выехали. Через двадцать минут будут.

Коул хочет бросить трубку, но...

— Почему я?

Пауза.

— Потому что ты — тот, кто выжил в той мясорубке в Северном Кавказе. Потому что тебе плевать на правила. И потому что...

Ещё пауза. Генерал вздыхает.

— Потому что если ты не возьмёшься, то кто?

Коул смотрит на пустую бутылку. Потом на фото.

— Хорошо.

Он бросает телефон на кровать. Встаёт, идёт к окну. За ним — пустой дом, пустая жизнь.

А впереди — бой с неизвестностью.

Чёрный внедорожник уже стоит у подъезда.

Польша. Шорзов. Бар "Гризли".

«По жизни, как по болоту — идти трудно», — эта фраза крутилась в голове Ярека Овича, пока он поднимал очередной стакан поздней ночью.

Бар был набит под завязку: густой табачный дым, гул голосов, тяжелый рок хрипит из колонок. Ович сидел в углу за стойкой, окруженный своими ребятами — такими же отставными «волками», как и он. Они отмечали успешное завершение контракта: ликвидацию группы наемников, пытавшихся угнать груз с военного склада. Операция прошла чисто, практически без особых проблем. А значит — можно было напиться в хлам.

Светлые, выгоревшие на солнце волосы торчали короткими прядями, будто их стригли ножом. Шрам над правой бровью — старый, белесый, рассеченный когда-то то ли осколком, то ли кастетом — белел на смуглой коже, словно отметина былых разборок. В его голубых глазах, обычно холодных, как февральский ветер над деревенским полем, сейчас плавал хмельной огонёк.

Тело — крепкое, жилистое, без лишнего жира, но и без показной горы мышц: сила в нём была рабочая, выкованная суровой жизнью в деревне, а потом — в казармах и наемных стычках, в свои

тридцать пять лет он был в отличной форме. Руки в царапинах и синяках, пальцы — с обломанными ногтями, будто он вечно что-то ковырял, чинил или вцеплялся в чужие глотки. Даже в потрёпанной кожаной куртке и растянутом свитере он выглядел крепко сбитым, как будто его вырубили топором из дубового полена и забыли отшлифовать. Под свитером проглядывали бледные шрамы — следы вживлённых имплантов. Они слегка поблёскивали на запястьях и ключицах, будто напоминая, что под этой кожей — не просто плоть, а оружие.

Голос у него был хриловатый, с характерным придыханием — будто смесь сигарет и старого коньяка. Говорил громко, с налётом похабного юмора, но в каждом слове чувствовалась цепкость ума. Лингвист, блин. Мог цитировать Мицкевича между двумя драками и тут же отпустить похабный анекдот про сержанта и медсестру.

Ярек уже изрядно нагрузился — водка, виски, пиво — всё смешалось в горячем тумане. Рядом с ним сидела девушка с неестественно яркими рыжими волосами и губами, подведенными дешевой помадой. Ярек уже полчаса пытался завести с ней разговор, но та лишь кокетливо хихикала, бросая взгляды на своего ухажера — здорового мужлана с перекошенным носом и татуировкой в виде змеи на шее.

— Эй, красотка! — Ович встает, слегка пошатываясь, и подходит к ней. — Ты случайно не из спецназа? Потому что ты только что подорвала мое сердце.

Девушка улыбается, а ее спутник резко встал, стукнув коленом о стол.

— Отвали, падла, — рычит он, толкая Овича в плечо.

Резкий удар в нос и ухажер валится на пол, а трое его друзей вскакивают со стульев.

— Ой, простите, у меня рефлекс, — усмехается Ович.

Первый — коренастый, с бритым черепом — бросается с кулаками. Ярек, не теряя равновесия, хватая бутылку со стола и бьет ему в висок. Стекло разлетается, мужчина падает, хрипя.

Второй — долговязый, с пирсингом в брови — пытается схватить его сзади. Ович резко разворачивается, хватая его за воротник и швыряет в окно. Стекло трескается, тело проваливается наружу под визг посетителей.

Третий — самый крупный — уже занес кулак. Ярек ловит его руку, резко дергает на себя и с размаху бьет головой об стойку бара. Раз — второй. Мужчина оседает без сознания.

— Ну что, еще кто-то хочет поучить меня манерам? — Ович вытирает ладонь о брюки, оглядывая зал.

Бармен, седой детина с татуировками на руках, только вздохнул.

— Опять, блять, Ович?

— Расслабься, старик, — Ярек достал пачку купюр и шлепнул её на стойку. — За всё заплачу.

Он допил остатки виски, смачно крякнул и, пошатываясь, направился к выходу.

Холодный воздух бьет в лицо. Ярек закуривает, вдыхая дым глубоко в легкие. Голова гудит, но он еще держится.

— Господин Ович.

Голос сухой, без эмоций. Из тени выходит мужчина в военной форме — не польской, а с нашивками ООН. Худощавый, с короткой стрижкой, глаза как у снайпера — холодные и неподвижные.

— О... ещё один желающий получить по морде? — Ярек неуверенно пошатнулся, но тут же выпрямился, пытаясь собраться.

— Ваши навыки впечатляют, — сказал незнакомец, игнорируя его слова. — У нас для вас предложение. Важная миссия. Совершенно секретно.

Ович фыркает, выпуская дым колечком.

— Я уже отслужил. И вообще, я в запое.

— Мы знаем. Но вы единственный, кто говорит на русском, украинском и еще на пяти языках. Плюс ваш... уникальный опыт.

— Ага, уникальный, — усмехается Ярек. — То есть вам нужен тот, кто может и стрелять, и материться на разных языках?

Военный не улыбается.

Ярек задумывается на секунду, затем резко выбрасывает сигарету.

— Окей. Где мой вертолет? — он расхохотался, но в глазах уже не было пьяного блеска.

— Садитесь в машину, господин Ович.

Ярек на секунду задумался. Потом плюнул, достал еще одну сигарету, закурил и, небрежно махнув рукой своим ошарашенным товарищам в баре, шагнул к машине.

— Ну что ж... Похоже, игра начинается.

Франция. Нанты. Закрытая лаборатория «Онирикью Индастриз».

Тусклые неоновые лампы мерцают под потолком лаборатории, отражаясь в стеклянных колбах с мутноватыми растворами. Воздух пропитан запахом стерилизаторов и едким химическим послевкусием — будто кто-то смешал хлорку с пережжённой пластмассой. В центре зала — массивная герметичная камера из армированного стекла и стали, внутри которой ещё клубится бледно-жёлтый дым.

"Дезинфекция завершена" — раздаётся механический голос из динамика.

Дверь камеры с шипением расходится, выпуская наружу человека в громоздком защитном скафандре, больше похожем на космический. Его движения медленны, будто он борется с невесомостью. Учёные в белых халатах тут же окружают его, откручивают болты, снимают перчатки, проверяют датчики.

Когда наконец снимают шлем, из-под него появляется худощавое лицо с острыми скулами и бледной кожей, покрытой испариной. Тьерри Трантин, 30 лет, один из ведущих биохимиков комплекса. Его голова полностью выбрита — не из эстетических соображений, а из-за строгих протоколов безопасности. Глаза, серо-голубые и усталые, моментально щурятся от яркого света.

— М-м-минуточку, Жанна, — он слегка заикается, нервно проводя рукой по лицу, словно проверяя, целы ли черты. — Нужно внести данные в протокол. Т-третья фаза испытаний прошла успешно. Нейтрализация газа — 98,7%. Повторные тесты завтра.

Женщина с тугой коричневой косой кивает, спешно записывая в планшет. Тьерри глубоко вдыхает.

Он сбросил скафандр, оставшись в потном сером комбинезоне, и достал из кармана круглые очки в тонкой металлической оправе. Надев их, он тут же выглядел более собранным — словно очки были его щитом от внешнего мира.

Тьерри направился к аварийному выходу — узкой металлической двери в конце коридора. Он обещал себе бросить курить после смерти отца. Рак легких. Шесть лет назад. Но стресс брал свое.

Холодный вечерний воздух ударил в лицо, когда он распахнул дверь. Крыша лабораторного корпуса была пустынной — только вентиляционные шахты да пара прожекторов, освещавших периметр. Тьерри достал смятую пачку «Gitanes» и замер, разглядывая ее.

— Обещание — это ведь просто слова, да? — пробормотал он себе под нос, представляя, как сейчас затянется сигаретой.

На мгновение ему показалось, что он снова видит отца — того же худого, лысеющего мужчину в очках, кашляющего кровью в больничной палате.

— Поздравляю с успехом, доктор, — раздался за его спиной низкий голос с легким акцентом.

Тьерри резко обернулся. В проеме двери стоял высокий мужчина в форме офицера ООН, но поверх нее был накинута белый лабораторный халат — словно он только что вышел из операционной. Его лицо было скрыто в тени.

— М-можно узнать, кто вы? — Тьерри попытался скрыть нервозность, но пальцы снова потянулись к мочке уха.

Незнакомец шагнул вперед, и свет прожектора осветил значок на груди — черный щит с аббревиатурой «UNSOG» (United Nations Special Operations Group).

— Капитан Рейес, — представился он. — Можно прикурить?

Тьерри молча протянул пачку. Рейес ловко поймал одну сигарету, зажег и сделал глубокую затяжку.

— Вы провели впечатляющую работу. Ваша формула нейтрализует газ за считанные минуты. Таких результатов нет даже у американцев. — сказал он, выпуская дым.

Тьерри промолчал. Compliments всегда смущали его.

— Но у меня к вам другой разговор, — Рейес достал из кармана планшет и включил его. На экране мелькнула карта Польши с пометкой «Горький-17». — Вам предлагают место в спецгруппе. Миссия — высший приоритет.

Тьерри почувствовал, как мурашки пробежали по спине.

— Я... я не военный. Я ученый, — пробормотал он.

— Именно поэтому вы и нужны, — Рейес ухмыльнулся. — Там есть кое-что, что требует вашего... экспертного взгляда.

— Ваши коллеги уже проинформированы. Ваш рейс — через три часа.

Тьерри замер. Он понимал, что это не просьба.

— А если я откажусь?

Рейес медленно потушил сигарету, раздавив ее каблуком.

— Вы ведь читали контракт с «Онирику», да, доктор? — его голос стал тише, но жестче. — Раздел 2-В. Научный персонал может быть мобилизован в случае глобальной угрозы. А то, что там, в Горьком-17... Он сделал паузу. — Это и есть угроза.

Тьерри поправил очки.

— Что там происходит?

Рейес развернулся к выходу, но перед тем, как уйти, бросил:

— Конец света, доктор. И вам решать — помочь его остановить... или стать его частью.

Дверь захлопнулась. Тьерри стоял один, смотря на погасший окурок на полу. Он раздавил пачку в кулаке. Обещания подождут.

Военная база "Вальтер", граница с Польшей и Германией.

Полдень. Солнце палило немилосердно, превращая асфальт плаца в раскаленную сковороду. По периметру маршировали новобранцы, их сапоги гулко стучали в такт сержантским командам. Где-то вдалеке ревели двигатели бронетехники, готовящейся к учениям.

Рев мотора. Черный военный фургон с затемненными стеклами въехал на территорию базы, подняв клубы пыли. За ним, как тень, следовали два джипа с вооруженной охраной.

Дверь открылась. Из фургона вышел Коул Салливан. Он стоял секунду, прищурившись от солнца, затем достал сигарету, закурил и медленно выдохнул дым, окидывая взглядом казармы, ангары, проволочные заграждения.

"Как будто ничего не изменилось."

Только он изменился.

Коул направился к штабному зданию — массивному бетонному блоку с колоннами и флагом НАТО у входа. Охранники у дверей узнали его сразу — по взгляду, по осанке, по тому, как он держался, будто даже сейчас был готов к перестрелке. Они отсалютовали. Он не ответил.

Коридоры штаба. Прохлада. Запах кофе, пороха и металла.

Коул шел по длинному коридору, его тяжелые ботинки глухо стучали по линолеуму. На стенах — портреты генералов, карты операций, фотографии "героев". Он не смотрел на них. Дверь в конце. Он толкнул ее плечом и вошел.

Зал инструктажа. Прохладный полумрак. Большой экран. Стол с картами.

Тьерри не сводил глаз с Салливана. Он слышал о нём — не просто слухи, а досье, которое ему как консультанту ООН однажды мельком показали. Майор Коул Салливан. Бывший спецназовец с позывным «Белый Лис», операций — не счесть, награды — не перечислить. Блестящий тактик, хладнокровный, расчётливый. Но пять лет назад он подал в отставку. После того, как "Новая Земля" убила его семью.

Помимо них, в зале были и другие солдаты:

Антон Вазовски, щуплый медик с потрёпанной аптечкой и вечно усталым взглядом.

Шеймус Тартаковски, угрюмый стрелок с татуировкой "GROM" на предплечье. Ветеран, который слишком много курил и слишком мало говорил.

Марк Новак, бородатый пулемётчик, похожий на медведя в бронежилете.

Генерал Ламар готовился к инструктажу.

Молчание разорвал Ярек Ович, развалившись на стуле, как будто это была барная стойка, а не совещание перед миссией с уровнем угрозы "Чёрный Феникс".

— Так, и почему мы здесь? Чью-то богатенькую дочку похитили сомалийцы?

Его голос гулко разнесся по кабинету, и Марк Новак, массивный бородач, фыркнул, прикрыв рот ладонью. Коул лишь слегка дрогнул уголком губ. Он знал Овича — они служили вместе. За внешним балагурством скрывался хладнокровный профессионал, способный разобрать и собрать пулемёт с завязанными глазами.

Генерал Гордон Ламар, худощавый и с орлиным профилем, словно не услышав реплики, нажал кнопку проектора. На экране всплыли спутниковые снимки — развалины Горького-17, оцепленные колючей проволокой и знаками «БИООПАСНОСТЬ».

— Город официально уничтожен. По версии СМИ — утечка химического оружия, — сухо докладывал Ламар. — Но три недели назад мы засекли аномальные радиосигналы из зоны. Затем пришло сообщение — обрывки текста о "неконтролируемых экспериментах". Группа "Альфа" отправилась на разведку, но связь с ними пропала. Их последний сигнал — портовая зона. Ваша задача — найти их и выяснить, что там произошло.

— Генерал, разрешите вопрос. — раздался голос Тьерри. — После потери связи с «Альфой», вы отправляли разведывательные дроны?

Ламар смерил его оценивающим взглядом, затем кивнул.

— Да, мы пытались. Но как только оба наших аппарата вошли в зону, смогли передать лишь около пятнадцати секунд помехового видео — и затем исчезли с радаров. Их не сбили, они просто... отключились. Как будто кто-то щёлкнул выключателем.

Ярек повернулся к Тьерри, ехидно прищурившись:

— А что, яйцеголовых тоже приглашали?

Новак и Шеймус фыркнули. Тьерри медленно поднял голову. Его глаза сузились, будто он только что обнаружил под микроскопом особенно мерзкую бактерию.

— Putain militarisé, (шлюха в погонах) — прошипел он сквозь зубы.

Ламар резко оборвал атмосферу:

— Мсье Трантин — один из лучших специалистов по биохимическому оружию. И если там действительно что-то вырвалось на свободу, его знания нам понадобятся.

Тьерри перевел дух, заставив себя сосредоточиться. На полях блокнота его рука сама вывела карикатуру: уродливый монстр отрывал голову человечку со спущенными штанами, под которым было подписано: "Ович".

— Задача ясна? — Гордон обвел взглядом комнату.

— Так точно! — хором ответили бойцы.

— Ович, тебе всё понятно?

Поляк щёлкнул языком:

— Да, пока вопросов нема. Ярек Ович к бою готов!

Генерал медленно кивнул, затем добавил, понизив голос:

— Будьте готовы к худшему.

Ярек ухмыльнулся:

— К худшему? Ого, мы даже сможем пострелять, парни!

Он толкнул локтем Шэймуса, тот тихо засмеялся. Марк лишь мрачно крикнул. Коул не присоединился к смеху. Его взгляд скользнул по остальным лицам:

Медик Антон Вазовски — молча проверяет аптечку, словно мысленно уже представляет раны, которые ему предстоит лечить.

Тьерри — всё ещё сжимает кулаки, но его глаза уже анализируют карты на экране.

И только Ярек вел себя так, будто это обычная вылазка. Но Коул знал — за этой бравадой скрывалось что-то ещё. Перед тем как отпустить их, Ламар добавил:

— И ещё кое-что... Если увидите что-то... необъяснимое — не пытайтесь разобраться сами. Отступайте и докладывайте.

В его голосе прозвучала нота, которую Коул раньше не слышал. Страх.

"Что-то не так", — подумал Коул, глядя на проектор. "Они что-то скрывают... Что за чертовщину они там нашли?".

Где-то за пределами базы ветер завыл, словно предупреждая их.

Завтра они войдут в ад.

ГЛАВА 1 — Добро пожаловать в Горький-17

Густой, молочный, мертвый туман окутал порт, словно саван. Он не просто висел в воздухе — он полз, цеплялся за кожу, забивался в легкие, оставляя на губах привкус металла и гнили.

Шум мотора — тихий, приглушенный — разрезал тишину. Из белой пелены медленно выплыла моторная лодка.

— Новак, сбавь ход до минимума, — Коул не повышал голоса, но каждое слово звучало четко, как команда перед штурмом.

Он приподнял тепловизор, глядя в белесую мглу. Экран устройства мерцал, показывая размытые очертания — брошенные катера, перевернутые рыболовные суда, что-то... Что-то еще. Но сигнал плыл, искажаясь, будто сам туман был живым и мешал технике. Тьерри сидел, сжавшись. Его пальцы дрожали — не только от холода. Его экипировка — термостойкая, герметичная — не помогала. Мороз проникал внутрь, обволакивал кости, грыз плоть. Он вздрогнул, когда в воде — рядом с лодкой — что-то шевельнулось. Не рыба. Крупнее. Медленнее.

Он зажмурился, встряхнул головой. "Воображение. Только воображение."

Но когда он открыл глаза, на поверхности воды оставались круги.

Он не должен был быть здесь. Он — биохимик, доктор наук, человек, который три года назад разгадывал структуру белков в чистой лаборатории с кондиционером и кофемашиной. А теперь — этот порт. Почему он? Почему не прислали кого-то другого?

Ярек кемарил, развалившись на сиденье. Его тяжелая голова клонилась то вправо, то влево. Остальные молчали. Шэймус сжимал винтовку. Антон безучастно смотрел в туман, его глаза — пустые, будто он уже видел то, что ждет их впереди.

Лодка тихо причалила к полуразрушенному пирсу. Доски скрипели под их весом, прогибались, будто гнили изнутри.

Коул первым сошел на берег, проверил периметр — никаких следов.

"Где "Альфа"? Где хоть кто-то?"

Марк Новак поднял рацию:

— "Тромбон", это "Флейта". Прием. Группа "Бета" на месте. Как слышите?

Только помехи — шипение, скрежет, что-то...
Будто чье-то дыхание.

— Бесполезно, — Тьерри перехватил рацию, проверил настройки. — Электромагнитные помехи. Все частоты заглушены. Марк попробовал еще раз:

— "Тромбон", прием!

Ответа не было. Только эхо его голоса, растворившееся в тумане. Туман над водой сгущался, словно живая стена, но на суше он рассеялся, оставив после себя липкую дымку, сквозь которую проступали очертания мертвого города.

— Да, ты прав, — пробормотал Марк, все еще всматриваясь в помехи на рации. Пальцы Тьерри нервно перебирали частоты, но кроме шипящего белого шума и редких искривленных голосов, будто доносящихся из-под толщи воды, ничего не ловилось.

Ярек ухмыльнулся, развалившись на ржавой тумбе, и стукнул прикладом по металлу, привлекая внимание:

— Ага, сейчас Профессор Икс потрет свои яйца и выйдет на связь со сверхразумом, да? Все организует?

Тьерри не поднял глаз, но сжал рацию.

— Ага, первое, что я у него попрошу — чтобы ты научился шутить.

Он встряхнул прибор, словно надеясь, что это исправит помехи, затем вздохнул:

— Помехи слишком мощные. Нам нужен ретранслятор с усиленным сигналом.

Ярек приподнял бровь, насмешливо оглядев ученого:

— У нас он есть, профессор?

Тьерри не ответил сразу. Вместо этого он медленно поднял руку и указал в сторону высокой радиовышки, возвышающейся над крышами заброшенных складов.

— Нет. Но мы можем подключиться к.... к той вышке.

Она высилась в отдалении, неестественно прямая среди разрушенных зданий. Но что-то было не так.

— Она накрыта брезентом, — пробормотал Тьерри, поправляя очки.

Странно. Кому понадобилось забираться наверх и накрывать ее? Да еще таким образом — будто скрывая что-то?

Коул подошел, хлопнул его по плечу, прервав размышления:

— Мсье Трантин, уверены, что через нее получится связаться с базой?

Тьерри достал прибор — громоздкий, с мигающими датчиками, напоминающий устройство для ловли призраков, но более грубый, словно собранный на скорую руку.

— Мой измеритель показывает... 70% успеха.

Коул усмехнулся:

— Что ж, радует, что не 7%.

Он оглядел группу, голос стал жестче:

— Слушайте все. Идем к вышке. Не отставать. Никаких "посмотрю тут". Все в поле зрения.

Город молчал. Остовы кораблей ржавели у причала, их каркасы торчали из воды, словно кости великана.

Но главное — тишина. Слишком тихо. Даже ветра не было. И ощущение... Ощущение, что они не одни. Что-то было здесь. Незримое. Скрытое в тумане. Наблюдающее.

Отряд "Бета" двигался тихо, цепочкой, прижимаясь к стенам зданий.

Коул шел первым, его тепловизор выхватывал из серой мглы размытые силуэты — пустые машины, развороченные мусорные баки, что-то... Что-то, что быстро скрывалось за углом.

Разбитые витрины. Стекло хрустело под ботинками, как кости.

— Перекур, — Коул махнул рукой, и бойцы рассыпались по периметру, проверяя подъезды, окна, темные проходы.

Тьерри присел у стены, достал свою самодельную коробку с проводами и начал подключать ее к рации.

Провода не замыкались. Разъем не подходил.

"Merde..."

Ярек прислонился к стене рядом, достал сигарету и усмехнулся:

— С бабами так же долго пыхтишь, профессор? Или только с техникой?

Тьерри не поднял глаз, но его пальцы сильно сжали провод.

— Раз уж ты тут... — он резко повернулся, протянув Овичу оголенный провод. — Поддержи-ка. Нужно переподключить. Ярек не задумываясь взял его.

ЩЕЛК.

Разряд прошелся по его телу, заставив мышцы дернуться. Тьерри быстро выдернул провод, надев резиновую перчатку.

— Заметил в твоём теле импланты от "Онирикью". Они отлично проводят ток. Мне как раз нужен был источник питания. Ярек замер. Его глаза сверкнули яростью, но через секунду он сипло рассмеялся, оскалив зубы:

— Чертов мозгляк. На кой хер ты нам тут сдался...

В этот момент Тьерри что-то увидел. Краем глаза. Туман колыхнулся. Там, между разбитыми фонарями, стоял человек.

Или не человек.

Очертания были почти правильными... но слишком высокими. Слишком неестественными. Ович тоже заметил.

— Что за... — он резко присел, хватая винтовку. — Майор! У нас тут "гражданский"!

Коул развернулся, подняв руку — знак стоп.

Фигура не двигалась. Только туман стелился вокруг нее, будто обтекая что-то невидимое. Сначала казалось, что он просто ранен.

Бледная, почти серая кожа, покрытая язвами и желтыми, сочащимися наростами вдоль позвоночника. Его спина дышала, пульсировала, будто под кожей копошилось что-то живое.

— Не приближаться! — Коул резко поднял руку, сигнализируя остановиться.

Отряд мгновенно замер, стволы винтовок направились на странную фигуру.

— Назови себя, — резко скомандовал Коул.

В ответ — лишь булькающее бормотание, словно горло существа было заполнено жидкостью.

— Кажется, у него шок, — Антон, не дожидаясь приказа, бросился вперед, схватил запястье существа, ища пульс. Его лицо исказилось.

— Пульса нет, майор...

И тут пальцы "человека" сомкнулись вокруг его руки.

— БЛЯТЬ! — Антон закричал, пытаясь вырваться, но хватка была нечеловеческой.

Кожа существа начала двигаться. Пузыри. Вздутия. Трещины.

— Ты слышал, что тебе сказано, ублюдок? — Ярек уже прицелился, его палец лег на спуск.

— Нет, не стреляйте! — Тьерри бросился вперед, но было поздно.

Выстрел. Пуля вошла в лоб с мокрым чавкающим звуком. Но существо не упало. Горло его разорвалось по швам, обнажив два ряда острых, кривых зубов, как у глубоководной рыбы.

— ЧТО ЗА ХЕРНЯ?! — Ярек отпрянул, сжимая винтовку.

Существо впилось зубами в руку Антона. Кровь брызнула на асфальт. Антон завизжал, бешено дергаясь, но чудовище не отпускало.

Коул выстрелил — два раза, три. Тело дернулось, но не остановилось.

Мутация ускорилась. Голова раскололась пополам, вывернувшись, превратившись в нечто среднее между ящерицей и богомолем с красными глазами, мерцающими, как разбитое стекло.

Спина вздулась, кости ломались и перестраивались, вытягиваясь в длинный, сегментированный хвост, покрытый хитиновыми шипами.

Кожа лопнула, обнажив мышцы, слизистые мембраны, пульсирующие вены. Оно встало на четвереньки, его новые лапы сгибались в обратную сторону, как у саранчи, издавая пронзительный, нечеловеческий визг.

Кошмарный Сфинкс из плоти, костей и хитина.

Существо — теперь уже окончательно оформившееся кинулось к отряду.

— ОГОНЬ! — громогласно скомандовал Коул.

Стена свинца обрушилась на тварь. Пули рвали ее тело, вырывая куски мяса, но оно продолжало двигаться, будто боль была ему незнакома.

Антон, корчась от боли, вскинул пистолет —

Два выстрела в голову. Череп треснул, существо лишь дернулось, прежде чем рухнуть наземь.

— А-а-а, сука, как же жжется, черт...

Антон сжимал раненую руку, кровь сочилась сквозь пальцы. Тьерри стоял с пистолетом, его лицо было белым как снег. Все молчали. Даже Ович.

— Святая Матерь Божья! — Тартаковски не мог поверить своим глазам, его голос дрожал. — Что это, черт возьми, такое?!

Коул медленно перезаряжал винтовку, его глаза не отрывались от трупа чудовища.

— Это и есть то самое "худшее", что нас ждало.

Он вдохнул глубже.

— Мы не знаем, на что они способны. И сколько их здесь. Один неверный шаг — и мы трупы.

Тьерри и Марк уже возле Антона, перевязывают рану. Антон трясущейся рукой вкалывает себе морфий, шепча:

— Только не ампутация... Только не ампутация...

Ович хлопнул его по плечу:

— Да не ссы ты, Вазовски. С рукой все будет нормально. Еще бабам сиськи мять будешь. А нет — наш яйцеголовый тебе протез смастерит. Будешь как терминатор.

Антон усмехнулся сквозь боль.

И тут — Вой.

Где-то близко. Еще один. Еще. Коул резко поднял голову:

— Наша стрельба их привлекла.

Он быстро оценил ситуацию:

— Трантин, Новак — вы с Антоном. Ович, Тартаковски — со мной. Тартаковски, прикрываешь тылы.

Ович усмехнулся, проверяя боезапас:

— Что, босс, заварушка как в старые времена?

Коул вставил новый магазин в винтовку.

— Похоже на то.

Где-то в тумане нечто зашевелилось.

Отряд двигался короткими перебежками, прикрывая друг друга. Туман сгущался, превращаясь в молочную пелену, сквозь которую едва просматривались очертания заброшенных домов.

Шарканье ботинок по мокрому асфальту да прерывистое дыхание Антона, который, стиснув зубы, держал окровавленную руку.

— Держись, старина, — прошептал Марк, оглядываясь.

Но что-то уже следило за ними. Тартаковски поднял кулак — сигнал "стоп".

— Проверю обстановку, — бросил он и рывком рванул к грузовику с дровами, что стоял поперек дороги.

Дерево сгнило, разбухло от влаги, покрылось черной плесенью. Шэймус присел у кабины, прислушиваясь. И тут — металл заскрипел.

Машину качнуло. Он медленно поднял голову.

На крыше сидело ОНО. Треугольная голова поворачивалась на неестественно длинной шее, глаза — как лужи бензина, переливающиеся в тусклом свете.

Оно урчало. Заметило.

— КОНТАКТ, ВОСЕМЬ ЧАСОВ! — Тартаковски вскинул винтовку, открыл огонь.

Три выстрела. Попадание. Пули вонзились в торс и гребень на голове, разбрызгивая густую черную слизь.

Существо взревело, прыгнуло с грузовика прямо перед ним. Шэймус не успел перезарядиться — хвост свистнул в воздухе, сбивая его с ног. Удар был сокрушительным. Тело отбросило на дверь машины, спина онемела от боли. Зубастая пасть раскрылась, брызгая слюной.

— Получай, долбаный Сфинкс!

Армейский ботинок врезался в морду твари, ломая хрящи. Коул уже бежал, автомат на изготовку.

— Огонь!

Шквал свинца. Пули разорвали незащищенную спину мутанта, разбрасывая куски плоти. Тартаковски вскочил, досылая очередь прямо в голову. Череп разлетелся, брызги черной жижи заляпали асфальт. Тварь дернулась в последней судороге и затихла.

Коул подошел, пинком перевернул труп.

— Совет на будущее, Тартаковски, — сказал он, перезаряжая магазин. — В следующий раз — зови меня.

Шэймус вытер кровь с губ, усмехнулся:

— Да, сэр.

Коул едва успел крикнуть "Кругом!", как двое сфинксов молниеносно вклинились между бойцами, отрезав Тартаковски и Коула от основной группы. Их движения были неестественно плавными, словно кости в суставах вращались на 360 градусов.

Тьерри, срывая предохранитель на своем пистолете, сделал выстрел практически в упор. Пуля со свистом прошла в сантиметре от левого сфинкса, оставив после себя звон в ушах.

—Merde! — выругался он, чувствуя, как ладони становятся влажными от пота.

Правый мутант использовал этот момент. Три прыжка - первый на бочку, второй на стену, третий прямо на Овича. Они с грохотом рухнули на землю, подняв облако пыли. Ярек оказался под тварью, чувствуя ее горячее, зловонное дыхание.

—Что, гнида, думаешь на меня лезть?! — его голос превратился в животный рык.

Левой рукой он блокировал клыки, едва не вонзившиеся в его горло, правой выхватил боевой нож. Хруст рассекаемой плоти, поток теплой слизи и полупереваренной массы хлынул на его камуфляж.

Резким движением он развернул клинок на 90 градусов и потянул вниз, распарывая брюшную полость. Внутренности вывалились ему на грудь с мокрым шлепком.

"Стреляй уже, яйцеголовый!" - рявкнул Ярек, откатываясь в сторону.

Тьерри, сделав глубокий вдох, принял устойчивую стойку. Второй выстрел - точное попадание в выпуклый фасеточный глаз. Хрусталик лопнул, выпуская струю желтоватой жидкости.

Тьерри подошел на три шага, приставил ствол к основанию черепа.

—Au revoir, monstre.

Выстрел. Голова разлетелась на куски. Тело дернулось в последней судороге и затихло. Коул быстро оценил обстановку

— Статус?

Ярек, вытирая окровавленный нож об штанину:

— Все в ажуре, босс. Просто решил вспомнить молодость - рукопашка, кровь, адреналин...

Антон сидел, прислонившись к стене, сжимая окровавленную повязку на руке:

— Рука... немеет. Температура поднимается. Но жить буду.

Коул кивнул, отдавая приказы четко и быстро:

— Ович, Тартаковски - сектор А. Новак - сектор Б. Трантин - со мной. Доктора прикрывать. Передвижение перебежками, интервалы 5 метров.

— Тьерри, сзади. Не отходи.

Ученый кивнул, стиснув пистолет. Грузовик с дровами, будто его не просто бросили — а швырнули с чудовищной силой. А за ним... Канава. И в ней — тела.

Коул взмахнул рукой, указывая Тьерри оставаться у грузовика, сам же пригнулся, продвинулся вперед, винтовка наготове. Хлюпанье воды под сапогами.

Он подошел ближе, осмотрел первое тело.

— Эй, парни! Сюда! Похоже, это "Альфа".

Носком сапога он перевернул труп. Лицо. Распухшее. Зеленовато-серое, с лопнувшими капиллярами, застывшее в немом крике.

Коул осматривает его.

— Это... Лейф Соренсен.

Он был одним из лучших техников. Теперь он был мертв, а глаза смотрели в никуда.

"Боже... Сара... хоть ты так не умерла."

Он резко тряхнул головой, прогнав мысли.

— Что за, мать его, тут происходит?

Второй труп в потрёпанной форме ООН лежит лицом вниз. Тьерри, нахмурившись, переворачивает его — и застывает.

Тьерри (тихо, будто самому себе):

— Джанкарло... Чёрт.

Джанкарло Тротти, когда-то крепкий, невозмутимый итальянец, теперь лежит в неестественной позе, лицом в грязь.

— Ты его знал? — спрашивает Коул, опуская ствол.

— Да, знал. Учились вместе в университете. Он был само спокойствие — Тьерри сжимает кулаки. Он мог играть в шахматы под миномётным обстрелом и смеяться. Ничто не выводило его из себя.

Ярек, стоящий чуть поодаль, хмыкает.

— Ну, я смотрю, твой дружок теперь совсем успокоился.

Тьерри медленно поворачивается. Его лицо — маска.

— Повтори.

Ярек усмехается, широко и нагло.

— Что, плохо слышно? Говорю, твой дружок теперь окончательно...

Удар приходит неожиданно. Тьерри разворачивается всем телом — левая нога вперёд, плечо в движении, удар, отточенный в городских подворотнях, кулак врежется в челюсть Овича с мокрым хрустом.

Поляк отлетает назад, спина его ударяется о ржавый автомобиль. Он сплевывает кровь, медленно поднимает голову. В глазах — не злость, а уважение.

— Хорошо бьёшь, сучара.

— Следующая шутка и я вырву твой язык. — шипит сквозь зубы француз.

Тьерри уже делает шаг вперед, но между ними резко встает Коул. Его лицо искажено яростью.

— ХВАТИТ! — его голос прозвучал, словно выстрел. — Никакого произвола в моём отряде!

Тьерри тяжело дышит, его кулаки все еще сжаты.

— Да как он смеет так говорить о моем погибшем товарище...

— Ты подставляешь нас всех, устраивая драку в открытом месте! — шипит Коул. — Хотите выяснять отношения — делайте это после миссии.

Ярек медленно поднимается, вытирает кровь с губ.

— Ладно, ладно...

Ярек отступил, плечи напряжены. Тьерри стиснул зубы, но опустил руки. Коул резко повернулся к трупам.

— Посмотрите внимательнее. Здесь что-то не так...

Ярек посмотрел на француза, затем наклонился, всмотрелся.

— Кожа... Совсем зеленая. Это не просто разложение.

Тьерри присел, коснулся тела, отдернул руку.

— Она... липкая. И холодная.

Шеймус напрягся.

— Что же, черт возьми, с ними случилось?

Ветер прошелестел в траве. Ответа не было. Только мертвые смотрели на них пустыми глазами. Коул медленно провел ладонью по лицу, стирая капли чужой крови. Его голос звучал глухо, словно из глубины шахты:

— Хороший вопрос. Если такие крепкие бойцы умерли такой смертью... кто знает, что ждет нас.

Тартаковски, пригнувшись, быстро осмотрел периметр через прицел своей винтовки. Его пальцы нервно постукивали по цевью.

— Группа «Альфа» - четыре бойца. Нет тел МакФадден и Кристенсена. — Его голос был ровным, но глаза бегали от тени к тени.

— Найти их. Только живыми. Это приказ. — Голос Коула прозвучал резко

— Этот город явно не фанат гостей. Особенно живых. — ядовито процедил Ярек, поднимаясь с колен.

Прежде чем Коул успел ответить, мир сотряс грохот.

ВЫСТРЕЛ.

Точный. Холодный. Профессиональный.

Голова Новака разорвалась как перезрелый плод. Кости черепа разлетелись веером, превратившись в дождь из острых осколков. Мозговая масса шлепнулась на асфальт с мокрым звуком, брызги теплой крови окатили Тьерри и Тартаковски.

Француз застыл, его зрачки расширились. Лицо, шея, грудь - все было в багровых пятнах. Он не дышал, не моргал - просто смотрел на то, что секунду назад было его товарищем.

ВЫСТРЕЛ. Затем еще один.

Тартаковски среагировал на грани рефлекса - его рука впилась в плечо Тьерри, с силой швырнув ученого на землю. Пуля прошла воздух там, где секунду назад была голова француза.

— СНАЙПЕР! ВСЕ В УКРЫТИЕ! — крикнул Коул.

Движения, отработанные до автоматизма:

Коул и Ярек кувырком - за перевернутый "Трабант", металл зазвенел от удара. Тартаковски накрыл собой Тьерри, втопав его в грязь. Антон нырнул под грузовик, его раненная рука оставляла кровавый след.

Третий выстрел.

Пуля ударила в ржавый кузов, высекла сноп искр в сантиметре от головы Коула. Он не моргнул, только сузил глаза, анализируя:

Интервалы - ровные, перезарядка 3-4 секунды. Траектория... Оттуда. Пятиэтажка с выбитыми окнами.

Ярек, не отрываясь от прицела, прошипел:
— Какого хрена стрелок ждет?

Коул медленно покачал головой:
— Он не ждет. Он... перезаряжается

Тень в окне. Мелькнул отблеск оптики.

Грохот выстрелов разрывал тишину мертвого города. Осколки кирпича и стекла сыпались на асфальт после каждого разрывного патрона.

Ярек Ович прижался к разбитой бетонной плитке.

— Этот ублюдок на втором этаже, пятый подъезд, — прошипел он, перезаряжая магазин. — Стреляет из AS Val с разрывными. Судя по звуку, ствол засран так, что скоро заклинит.

Коул кивнул, оценивая ситуацию.

— Магазин на три патрона, перезарядка 15 секунд. Даем ему выстрелить — и сразу бегом туда, валить ублюдка.

Еще один выстрел. Разрывная пуля врезалась в бетон в полуметре от Ярека, осыпая его осколками.

— Ну всё, падла!

Ович резко высунулся и дал очередь по окнам второго этажа. Стекло разлетелось, где-то внутри что-то упало.

— Клинь да! — Коул побежал вперед, перекатываясь к подъезду.

Ярек прикрывал его, поливая окна второго этажа бешеным огнем.

— Прикройте нас! — крикнул он оставшимся в укрытии бойцам.

Коул с разбегу выбил плечом дверь в подъезд. Вонь ударила в нос — прорванная канализация, плесень. Сверху доносились выстрелы — снайпер все ещё вел хаотичный огонь по укрытию Тьерри и Антона.

На площадке между вторым и третьим этажом валялись тела нескольких мутантов.

Сфинкс — его хвост был отстрелен, голова разорвана крупнокалиберным патроном. Что-то с грязно-зеленого цвета с четырьмя лапами, напоминающими клешни богомола, и выгнутым под неестественным углом отростком, напоминающим хвост — лицо со странными наростами, было обезображено дырой в голове. Гуманоид в каких-то лохмотьях, рядом валялась коса — кишки вытянулись по полу, словно черви. Существо с похожее на шершня с человеческой головой и жалом — в груди зияла огромная дыра.

Из квартиры напротив доносился сдавленный шепот, всхлипы. Ярек поднялся за вслед за Коулом, перешагивая через мертвую плоть.

Коул дал знак — "Тише".

Достал газовую гранату. Выдернул чеку и бросил в приоткрытую дверь. Глухой "бух", белый дым заполнил комнату.

Надрывный кашель изнутри. Они ворвались в квартиру.

Ярек ворвался первым, прикладом вырубив обезумевшего человека, который хрипел, царапая себе горло. Винтовка звякнула об пол, Ярек тут же её подхватил.

— Коул, ты глянь! — Ярек отпрянул, прицеливаясь.

Человек сидел в углу, дергаясь. Его кожа была усыпана черно-желтыми пятнами, словно гниущее мясо. Глаза — мутные, слезящиеся, но в них горела какая-то жуткая осознанность.

Стены исцарапаны ножом и ногтями. Мебель перевернута, разломана. В воздухе стояла вонь — экскременты, разложение.

— Оседлай змею, оседлай змею, она длиной семь миль... — бормотал человек, качая головой, слюнявя губы.

Коул медленно присел на корточки, держа палец на спуске.

— Кто вы? Почему стреляли?

В ответ — рвота. Густая, с кусками чего-то, что шевелилось. Ович и Коул отскочили.

— Блядь!

Человек закашлялся, засмеялся, заговорил дрожащим голосом.

— Все будет хорошо... Все в порядке... Я должен жить... а вы умрете.

— Что за херня?! — Коул отвел ствол, пытаясь понять, бредит ли он или это угроза.

— Оседлай змею... вознесись к самоцветам... конец близок...

И тогда он достал гранату и дернул чеку.

— ГРАНАТА!

Коул врезал Яреку в плечо, сбивая с ног. Раздался взрыв. Теплая пелена крови и кусков мяса облепила их.

— Ёб твою ма-а-ать... — Ярек отплевывался, стряхивая с себя кишки.

Коул встал, осматривая комнату. Труп разорван в клочья. Но кое-что осталось.

Сумка. Грязная форма. Коробка патронов. Коул поднял куртку, прочитал имя на рукаве:

— Кристенсен.

— Так это... третий из "Альфы"? — Ярек протер лицо, оставляя кровавые полосы.

— Он самый. — Коул кивнул на пустые ампулы и рассыпанные таблетки. — Держался на уколах. Пока не сломался.

Коул осмотрелся в квартире. По мимо исцарапанных стен он обратил внимание, что окно было забито досками изнутри.

— Он не сбегал. Он забаррикадировал себя здесь.

Ярек проверил магазин у винтовки.

— Хотя её и клинит, но может пригодиться. Да и патроны ещё есть.

Коул уже собирался выйти из квартиры, как замер у окна, упершись руками в подоконник.

— Да вы, мать вашу, издеваетесь, да?

Голос сухой, почти без эмоций, но Ярек мгновенно понял — что-то не так. Он подошел вплотную.

— Что там, командир?

И застыл. Радиовышка. Но не просто вышка.

— Ну и хуйня... — Ярек присвистнул, отшатнулся на секунду, потом снова взгляделся.

Коул вышел первым, пригнувшись, автомат наготове. Его взгляд не отрывался от радиовышки, торчащей вдали.

Жест рукой — всё чисто.

Отряд выдвинулся, рассредоточившись — Ович и Шэймус прикрывают тыл, Антон, бледный, но на ногах, держит пистолет в здоровой руке.

— Как Антон? — Коул не оборачиваясь, проверяет магазин.

— Рука онемела, но стабильно, — Антон попытался улыбнуться, но вышло криво. — Не так плохо, как я думал.

— Радостно. — Коул щёлкнул затвором. — Проверить амуницию. Пересчитать патроны.

— Трантин. — Коул кивнул на вышку. — Ты говорил, что с ней что-то не так.

— Да, майор. И что?

Коул выдохнул, глядя прямо на него:

— Это не кусок брезента.... Это что-то, мать его, живое.

Тьерри достал бинокль, прицелился.

Что-то скатообразное облепило ее целиком — массивное, пульсирующее, грязно-синего цвета, как разложившаяся плоть акулы. Оно медленно шевелилось, волнообразно, будто дышало.

Вокруг — искры статики, мерцающий воздух, как над раскалённым асфальтом.

— Невероятно... — Тьерри прошептал, зрачки расширились. — Оно создаёт электромагнитное поле! Вот почему не работает связь!

Ярек щёлкнул затвором своей винтовки:

— Ну давайте тогда собьём эту херню, чего тут думать.

Коул повернулся к ученому, оценивая его реакцию. В глазах Тьерри читался явный конфликт - научный интерес боролся с инстинктом самосохранения.

— Думаю, это может сработать, — наконец выдавил Тьерри, нервно протирая запотевшие очки.

— Но это же такой ценный экземпляр для науки...

Ярек фыркнул:

— Эй, профессор, мы тут не в зоопарке на экскурсии. Эта дрянь мешает миссии. Уложим её - если что-то останется, можешь забрать с собой.

Коул кивнул:

— Ович прав. Это противоречит целям миссии. И мы ничего не знаем об этих существах.

Разрушенные дворы, разбитые "Жигули", ржавые детские качели - все было пропитано забвением.

Когда показалось здание радиостанции "Заря", Коул жестом остановил группу.

— План такой: я, Тьерри и Тартаковски поднимаемся по пожарной лестнице. Ович, ты с Вазовски остаешься внизу - обеспечиваете прикрытие.

Он перевёл взгляд на Ярека, который уже возился со снайперской винтовкой, перебирая затвор. Ович щёлкнул предохранителем снайперской винтовки, что он забрал у Кристенсена:

— Понял, шеф. — Он протянул её Тьерри:

— Держи, профессор. Доверяю тебе эту малышку, но смотри не отстрели мне чего-нибудь. Я чутка поколдовал над ней, осечек должно быть по меньше. Тьерри принял оружие, коротко кивнув.

Коул шагнул к пожарной лестнице, дёрнул за скобу. Металл противно заскрипел, но выдержал.

Перед подъемом Коул наклонился к Яреку:

— Будь начеку. Чую, эти твари где-то рядом.

Ржавая лестница скрипела под их весом. На втором этаже Коул резко поднял кулак - сигнал остановиться. Из-за угла донеслось булькающее рычание.

Едва Коул встал у стены, как из окна с грохотом вылетело ЧТО-ТО.

Монстр был хуже прежних. Его мутно-зеленая кожа шелушилась, обнажая синеватые мышцы. Голова неестественно вытянулась, нижняя челюсть отвисла, обнажая ряды острых зубов. Лицо настолько заплыло, что глаза едва виднелись — налитые кровью, бешеные. Длинные руки с вывернутыми суставами цеплялись за стены. Монстр зарычал, брызгая слюной, и бросился на Коула.

— КОНТАКТ! — заорал Салливан, вскидывая винтовку.

Три выстрела Коула прошили грудь твари, но она лишь взвыла и впилась зубами в его плечо. Острая боль пронзила тело - будто его ударили током.

Площадка была слишком узкой — ни развернуться, ни отступить. Тьерри и Антон не могли выстрелить, не рискуя задеть Коула. Стиснув зубы, он выхватил нож. Лезвие вспорол брюхо твари, выпуская потоки черной слизи.

Отшатнувшееся чудовище едва не слетело с перил. Коул не дал ему шанса - очередь из автомата разнесла голову, отправив мертвое тело вниз.

— Долбаный гориллоид, — процедил он сквозь зубы, сплёвывая кровь с губы.

Рана на плече горела огнём. Он сунул руку в левый нагрудный карман, вытащил шприц с болеутоляющим и, не глядя, вогнал иглу в плечо. Нажал на поршень.

Холодная волна прокатилась по телу, притупляя боль.

— Смотреть в оба! — рявкнул он, переводя дыхание. — Тартаковски, проверь помещение, — приказал он, кивнув в сторону разбитого окна.

Шеймус шагнул внутрь, переступая через осколки стекла. Винтовка наготове, палец на спусковом крючке.

Когда-то здесь, видимо, записывали новости или местные передачи. Теперь тут остались лишь остовы аппаратуры, опрокинутые офисные столы и груды проводов. Мониторы разбиты, стулья перевернуты.

Чутьё Коула не подвело. В глубине комнаты, у противоположной стены, застыли две фигуры. Те же гориллоподобные твари, с длинными руками и деформированными мордами. Они смотрели в сторону разбитого окна на Шеймуса.

— Вижу двоих противников прямо передо мной! — крикнул он, пятясь к выходу.

В одиночку он против них не выстоит.

— Живо наверх! — рявкнул Коул, перезаряжая винтовку.

Шеймус рванул к выходу, перепрыгнув через опрокинутый стул. В ту же секунду твари сорвались с места. Их длинные руки отбрасывали мебель в стороны.

Шеймус выскочил на лестничную площадку, едва не врезавшись в Коула. Монстры были в паре метров за ним.

Коул и Шеймус открыли огонь почти одновременно. Грохот выстрелов смешался с рычанием тварей. Пули входили в плоть, выбивая клочья шкуры, но монстры продолжали лезть вперёд. Шквальный огонь лишь замедлил их.

Первый гориллоид прыгнул, целясь в Шеймуса. Тот едва успел выставить винтовку перед собой — тварь налетела на ствол, и по оружию прошёл разряд электричества.

— А-а-а, чёрт! — Шеймус дёрнулся, но не выпустил винтовку.

С усилием он ударил прикладом в выпирающую челюсть монстра. Кость хрустнула, тварь отшатнулась, взвыв.

— Эти уроды что, вырабатывают электричество? — выдохнул Тартаковски, пятясь к перилам.

— Вполне возможно, что они долгое время находились под влиянием этого Ската, — озвучил свою теорию Тьерри, выглянув с верхней площадки.

Он обернулся, бросив взгляд вниз и замер. Из соседних дворов, со стороны разбитых гаражей, к зданию радиостанции несло не меньше шести гибридов. Они двигались быстро, перескакивая через обломки, рыча и взвизгивая.

— Ович! Антон! Слева! — крикнул Тьерри.

Солдаты внизу уже заметили опасность.

Ярек вскинул автомат, прижимая приклад к плечу. Первая очередь прошла воздух — пули взрыли асфальт перед бегущими тварями.

— Вазовски, держи строй! — рявкнул Ович, перезаряжаясь.

Антон, сжимая винтовку, выпустил заряд в ближайшего монстра. Пули разворотили твари грудь, и та упала, захлёбываясь кровью. Тьерри дёрнулся было вниз, но Коул схватил его за плечо.

— Стоять!

— Но они...

— Трантин, Ович и Антон справятся сами! — жёстко оборвал его Коул. — У нас нет времени! Как только мы закончим со Скатом, мы их прикроем!

Тьерри хотел возразить, но кивнул. Он побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени. Лестница вывела их на крышу.

Ветер здесь дул сильнее, гоня по бетонному полу пыль и мелкий мусор. Старая вышка возвышалась над ними, уходя в серое небо.

А на ней — Скат.

Тьерри видел его раньше только издали, мельком. Теперь же чудовище было в паре метров. Сюрреалистичное зрелище.

Огромное, четырехметровое бесформенное тело существа тяжело дышало, со множеств отростков, похожих на щупальца, что обвивали конструкцию.

— Боже... — выдохнул Тьерри, застыв на пороге.

— Работаем! — рявкнул Коул, вскидывая винтовку. — Тьерри, подключай аппаратуру!

Тьерри подошел к щитку и начал работать. Провода, разъёмы, тумблеры — он быстро подсоединял кабели, сверяясь с пометками в планшете.

— Готово! — крикнул Тьерри, щёлкнув последним тумблером.

По антенне пробежал разряд. Синяя вспышка осветила крышу. Чудовище дёрнулось, издав протяжный, низкий вопль, от которого заложило уши. Он начал отлепляться от антенны.

— Сейчас! — крикнул Тьерри.

Тартаковски вскинул винтовку, поймал в прицел голову чудовища — если это можно было назвать головой — и нажал на спуск. Пуля вошла точно в центр пульсирующей массы. Скат дёрнулся в последний раз, его тело обмякло, и чудовище полетело вниз.

У здания Ович не видел, что происходит наверху. Он был слишком занят тем, чтобы остаться в живых.

Он отделился от Антона, забежав на недостроенный деревянный мост — наспех сколоченную конструкцию, перекинутую через какой-то овраг. Внизу — грязь, камни и ржавые трубы. Вокруг — монстры.

Он стрелял, перезаряжался, снова стрелял. Двое тварей уже валялись у входа на мост, но остальные напирали.

И в этот момент Ович поднял голову — и увидел, как с крыши радиостанции падает огромная туша. — Да вы, блять, шутите?!

Он бросился бежать в сторону, перепрыгивая через ящики и доски.

Скат с грохотом рухнул в паре метров от него. Мост под Овичем дрогнул, опоры жалобно заскрипели и обвалились. Ович провалился вниз. Над головой с треском ломались доски, вниз сыпались щепки и пыль.

Спустя пару минут Ярек очнулся от пронзительной боли в ноге.

«Вывих... Или хуже.»

Он попытался встать, но острая вспышка боли заставила его упасть обратно, стиснув зубы.

Голоса сверху:

— Ович! Держись, мы уже спускаемся! — послышался далёкий голос Шэймуса.

— Проклятье! Тащите сюда свои жопы, я не хочу сдохнуть в этой дыре! — его собственный голос звучал сквозь зубы, смешавшись с эхом.

Шорох раздался прямо рядом. Ярек замер, рука потянулась к пистолету. Из груды обломков вылезло нечто. Человек? Нет.

Защитный костюм разорван, грубая кожа покрыта язвами. Глаза — желтые, горящие, как у голодного зверя. Респиратор врос в челюсть, став частью лица. Спина уродливо выгнута, на ней — ржавый "панцирь", напоминающий мусорный бак. Правая рука — крюк, обмотанный кровавыми тряпками. Левая — деформированная клешня, покрытая шевелящимися наростами.

Существо повернуло голову, взгляд упал на Ярека. Он был без винтовки. Едва мог двигаться. Пистолет сжат в руке. Выстрел. Еще один. Пули отскакивали от панциря, оставляя лишь царапины.

Ярек скрипнул зубами:

— Сукин ты сын... Бронированный, как танк...

Боль отдалась в ноге, но Ярек стиснул зубы, сделав себе укол морфина и заставил тело ползти вперед.

Взгляд метнулся по сторонам, выискивая хоть что-то полезное в этом аду из металла и грязи.

Он увидел полуразложившийся труп, застывший в предсмертной агонии, мертвые пальцы вцепились в потасканный дробовик КС-23.

«Спасение. Под грудой металлолома — экскаватор, бетонные плиты, арматура. Через разбитый трактор — прикрытие от прямого выстрела. К трупу.»

Ярек отпрыгнул, пригнувшись, как раз в тот момент, когда крюк твари свистнул у него над головой, вгрызаясь в арматуру с звенящим лязгом. Он упал, закатился под разбитый экскаватор, слыша, как монстр рвет металл клешнями, расчищая путь. Лицо мутанта мелькнуло в щели между плитами — искаженное, безумное.

Ненависть сквозь отвращение. Чистая, животная. Ярек плюнул в его сторону, пополз дальше. Он дополз до трупа, вырвал из его рук дробовик. Грязь, кишки, ржавчина — но затвор ходил, патроны на месте.

— С этой крошки и не таких валили.

ГРОХОТ.

Экскаватор возле него взорвался, разлетаясь на куски от удара органического напалма. Горящие осколки упали рядом, осыпав Ярека искрами. "Стреляет воспламеняющейся дрянью... Значит, перезарядка нужна. Не успеет выстрелить сразу."

Тварь увидела его. Двинулась. Медленно. Не спеша. Уверенно. Ярек не стрелял. Ждал. "Ближе... Еще ближе..."

Дистанция сокращалась, крюк уже занесен для удара. Выстрел.

Дробь впилась в грудь твари, отшвырнув ее на шаг, но не убила. Второй выстрел.

Промах. Часть дробы срикошетила от брони.

— Курва!

Третий.

Мутант поднял клешню — броня закрыла голову, дробь отскочила глухо, как от танка. Ярек откатился, чувствуя, как морфин наконец разливается по телу, притупляя боль. Он увидел стоявшие за спиной твари бочки с горючим.

«Теперь мой ход.»

Тварь рычала, готовясь к новой атаке. Но теперь у Ярека был план. Он не успел сделать четвертый выстрел.

Стальной крюк с ржавым скрежетом пролетел в сантиметрах от его виска, вонзившись в бетонную плиту позади. Осколки посыпались на лицо, оставляя кровавые царапины. Он перекатился, пытаясь вскочить, но тварь была быстрее. Клешня врезалась ему в лицо со звуком рвущейся плоти. Кровь залила правый глаз.

Мир на секунду поплыл, но инстинкты включились раньше, чем сознание. Крюк свистнул снова — Ярек резко отклонился, но недостаточно. Острие вонзилось в плечо, пронзив мышцы насквозь.

Боль пронзила тело, как раскаленный гвоздь.

— А-аргх!

Он не выпустил дробовик. Стиснул зубы. Выругался.

Тварь зашипела, подняв вторую клешню — там, внутри раздувшегося мешка плоти, забурлила оранжевая жидкость. Зарядка напалма.

— Обожаю запах напалма по утру...

Выстрел в упор. Грудь монстра разорвалась, обнажив пульсирующие внутренности. Тварь зарычала, отшатнулась — прямо к бочкам с горючим.

Ярек не стрелял. *«Жди... Жди...»*

Монстр пришел в себя, рыча, снова поднял клешню, готовясь сжечь Ярека. На этот раз — точно в голову.

— Ну давай же, ублюдок...Мой ход!

Выстрел. Огненная ловушка. Бочки взорвались ровно в тот момент, когда напалм в клешне начал воспламеняться. Грохот.

Пламя поглотило монстра, разорвав его изнутри. Существо издало истошный предсмертный вопль. Горящая туша билась в агонии, падая на землю.

Ярек ковылял к ней, преодолевая боль. Морфин не справлялся.

Зарядка. Подъем ствола. Выстрел в голову.

Победа.

— Бронированная гнида — ноль, Ярек — один.

Раздалось рычание сзади. Сфинкс. Готовится к прыжку. Ярек уже достал нож.

— Ты тоже хочешь, курва?

Прыжок. Выстрел. Череп Сфинкса разнесен.

Тартаковски стоял с дымящимся стволом, ухмыляясь. Он спустился по груде обломков, с трудом удерживая равновесие. Его лицо было покрыто копотью, а на лбу красовалась свежая царапина.

— Чертовы ублюдки... — он вытер лоб рукавом, — Пришлось попотеть, чтобы спуститься к тебе.

Ярек, прислонившийся к разбитой бетонной плите, приподнял бровь:

— Попотеть? — его голос звучал нарочито медленно, — Я чего-то не вижу на вас пота.

Коул тем временем осматривал место боя — обугленные останки мутанта, развороченный экскаватор, следы крови Ярека.

— А ты, я смотрю, тут зря время не терял, — сухо заметил он.

Ярек усмехнулся, сжимая порванное плечо:

— Ага... завалил тут такого же здорового чертяку, как ты. Боль исказила его лицо, но он сразу замаскировал ее ухмылкой. Коул похлопал его по здоровому плечу, кивнул Антону:

— Медик, залатай бойца.

Тьерри присел рядом с обугленными останками мутанта, внимательно изучая странные наросты на его клешнях. Тартаковски закурил рядом, выпуская дым в сторону мертвого чудовища.

— Ович говорит, эта хуевина стреляла в него какой-то горючей жижей, по типу напалма, прямо из клешни.

Шэймус, скрестив руки, усмехнулся:

— Бредит?

Тьерри не отрывал взгляда от трупа, проводя перчаткой по обгоревшей бронированной пластине.

— Нет, не бредит. — Он вздохнул, — И, сдастся мне, мы еще не такое увидим.

Антон закончил перевязку, крепко затянув жгут на ноге Ярека.

— Готово. Держись, пока не доберемся до базы.

Ярек закурил, морщась от жгучего йода, посмотрел на Коула:

— А тут веселее, чем в той африканской стране, да, Коул?

Коул хмыкнул, поправляя ремень автомата:

— Не то слово, старина.

Тьерри снова попытался выйти на связь, меняя частоты рации. Лишь едва различимый голос прорывался сквозь эфирный мусор. Тьерри стиснул рацию, повторяя кодовые фразы, но ответа не было.

— Проклятье! — он протер глаза, чувствуя, как усталость налипает на веки.

Шэймус выругался:

— Похоже, та летучая тварь повредила антенну. И все это зря, твою мать.

Тьерри покачал головой:

— Нет. Я пробовал на разных частотах. Скат тут ни при чем. Сигнал глушит что-то другое.

Коул внимательно посмотрел на него:

— Тьерри, ты можешь отправить кодовый сигнал?

Трантин набрал зашифрованную комбинацию, но даже не надеялся, что это сработает. Без толку.

Коул вздохнул, поднялся:

— Так, парни, не раскисаем. Нам нужно найти выживших из "Альфы". С базой разберемся позже.

Ярек встал, перезаряжая дробовик:

— Добре.

Отряд двинулся к выходу с моста, когда Антон вдруг замер, вглядываясь вдаль.

— Майор! Смотрите!

Он показал пальцем на одну из пятиэтажек. В окнах пятого этажа мигал свет — три коротких, три длинных, три коротких. SOS.

Коул прищурился, потом резко кивнул:

— Пошли.

— Мы, кажется, нашли "Альфу", — тихо сказал Коул. — Проверьте боеприпасы.

Тьерри задумался.

— Коул, а что, если это ловушка?

Командир не обернулся:

— За сегодня я видел массу странного дерьма. Но сомневаюсь, что эти твари настолько умны, чтобы подавать нам сигнал фонариком.

ГЛАВА 2 – Старик

Отряд двигался медленно, перекрывая сектора, стволы наготове.

Коул шел первым, прикрывая группу, его пальцы лежали на спусковом крючке, глаза сканировали окна, подъезды, переулки.

Тьерри шел в центре, держа в руках портативный детектор излучений — стрелка дергалась, но ничего не показывала.

Ярек прикрывал тыл, дробовик наготове, взгляд холодный, как лезвие. Шэймус шел с фланга, проверяя каждый угол, каждую тень.

Антон хромал, но держался — рана на руке ныла, но он молчал. Ничего. Ни звука. Ни движения.

Только ветер, шепчущий между разбитыми стеклами, да скрип ржавых вывесок. Но напряжение было таким, что казалось — сейчас взорвется воздух.

Дверь не заперта. Скрип петель звучал, как выстрел. Лестница. Темнота. Шаг. Еще шаг. Пятый этаж. Дверь в квартиру приоткрыта. Коул и Шэймус ворвались внутрь, автоматы наготове.

Тьма. Пыль. Разгром. И в углу — фигура. Старик. Сидит возле стены. Грязный серый свитер. Черные брюки. Лицо — в синяках, в пыли. На лице застыл страх. В одной руке — нож. В другой — фонарик.

— Не стреляйте! Я — человек! — голос сорванный, дрожащий.

Отряд не ожидал этого. Стволы все еще направлены на него.

"А если это не человек? Если это... оно?"

— Руки за голову! — Коул не опускал автомат. — Кто вы? Что здесь делаете?

Старик задышался, слова путались:

— Меня зовут... В-Василий... Вы... кто вы? Американцы?

Ярек опустил дробовик:

— Не все. Я поляк...

Коул резко перебил:

— Мы команда спасателей. Больше вам пока знать не надо. Как вы остались в живых?

Василий сглотнул, переводя взгляд от одного бойца к другому:

— Честно говоря... я сам не знаю. Все произошло так быстро...

Он замолчал, потом заговорил снова, словно продираясь сквозь кошмар:

— Я видел, как мои друзья, соседи... на моих глазах превращались в этих... чудовищ. Из самых страшных снов...

Отряд переглянулся.

"Твари... это были люди. Жители города."

Тьерри присел рядом, голос тихий, спокойный:

— Все в порядке. Продолжайте.

Василий вытер лицо грязным рукавом:

— Эти... твари... Я забаррикадировался у себя, но... ошибся. Пришлось бежать сюда.

Он замолчал, и уставился в пустоту.

— Я видел... двоих мужчин. Они сражались... с чем-то. Или друг с другом. Или... с невидимым врагом. Потом... их кожа позеленела. Они хватали воздух... и умерли. Сразу.

— На них была форма? Такая же, как у нас?

Коул не опускал ствола, глаза прищурены, пальцы на спусковом крючке. Василий трясущимися руками схватился за бронежилет майора, сравнивая камуфляж.

— Да... да, в такой же. Старик закашлялся. — Их было только двое...

Тьерри перехватил взгляд Коула — он не верит.

— Если я останусь здесь, эти твари рано или поздно найдут меня. — Василий вытер пот со лба. — Я помогу вам. Я знаю каждый переулок в этом районе.

Коул резко кивнул, хватая старика за предплечье и поднимая на ноги.

— Держитесь сзади. Один неверный шаг — и вы окажетесь на линии огня. Вы уверены, что их было только двое? Среди них не было женщины?

— Совершенно уверен. Старик замотал головой. — Вы — первые живые люди за...

Рев. Нечеловеческий. Где-то за окном.

— О Боже! Они идут! — его глаза вылезли из орбит.

— Отставить панику, дед.

Ярек уже вскинул дробовик, щелкает затвором. — Сейчас Ович разметает этих Фредди Крюгеров, мать их.

— Они на стенах! — крикнул Шэймус, отскакивая от окна.

Стекло разлетелось вдребезги. Врывается оно.

Оранжевое. Приземистое. Морда — сваренные в ухмылку металлические пластины, глаза — две красные щели.

Когти. Длинные, как мачете, торчат из запястий. Василий вопит, падает на спину, когти вонзаются в пол в сантиметре от его горла.

Выстрел. Голова мутанта разлетается в кровавое месиво. Труп падает вниз, проламывая крышу ржавого "Трабанта".

— Их больше, — Ярек подошел к оконному проему, дробовик уперся в плечо. Твари Ползут. Цепляются когтями за кирпич.

— Ебись оно конем...

Выстрел. Дробь срывает кусок плеча у одного, но оно не останавливается. Не чувствует.

— Головы! Целтесь в головы! — орет Коул, разворачиваясь к двери. Мутанты лезут в окна.

— В коридор! Перегруппировка! — Коул тащит Василия, Тьерри бросает дымовую.

Ярек перезаряжает, дрожь в пальцах. Не страх. Ярость.

— Ну давайте, уроды...

Он ждет первую голову в прицеле. Спальня. Окна разбиты. Темнота снаружи дышит.

Ярек щёлкает затвором дробовика, досылая патрон в патронник.

— Так, хлопцы, там еще куча этих тварей. Сваливаем, пока не стало поздно.

Антон прижимает раненую руку к груди, втягивает воздух через зубы:

— Сколько их?

— Насчитал пятерых.

ТРЕСК!

Стекло в соседней комнате разлетается вдребезги. Василий дрожащими руки сжимает нож.

— Они внутри. — Шёпот почти беззвучный. — Увидели мой сигнал... Идут за вами.

Скрип! Царапины по дереву. Дверь вздрагивает — острые, кривые когти протыкают её насквозь, как горячий нож масло. Шэймус не ждёт.

Пистолет вскинут — три выстрела вслепую, через дверь слышны крики боли.

Дверь влетает внутрь, разлетаясь щепками.

Ещё один гибрид вваливается в комнату — коренастый, кривоzubый, с кожей, как мокрая резина.

— Проклятие! — Шэймус отпрыгивает, перезаряжая. — Сегодня точно не мой день.

Ярек смеётся:

— Напоминает засаду в Кашмире...

Коул отстреливается, не оборачиваясь:

— Индийцы были приятнее. И пахли лучше.

Василий ныряет к шкафу, выдёргивает "коктейль Молотова", чиркает зажигалкой. Бутылка летит, разбивается прямо в морду твари. Визг. Пламя вспыхивает, облизывает уродливую кожу.

"Крюгер" мечется, бьётся о стены, но через секунду — атака Шэймуса.

Шесть выстрелов в спину. Пули разрывают позвоночник. Тварь рычит, падает и ломает стол возле окна. Огонь ползёт по занавескам. Дым. Жар.

Коул кричит:

— Отряд, отступаем!

Едва они выскочили на лестничную площадку, как через окон в квартиру ворвались твари. Двое "крюгеров" - и нечто новое. Существо с грязно-желтой кожей, покрытой черными венами. Четыре змееподобных отростка извивались на его голове, а там, где должна быть нижняя челюсть, зиял ряд острых как у пираний зубов. Оно напоминало безумного арлекина из кошмаров.

Тьерри бросился к двери, захлопнув ее как раз в тот момент, когда костяные лезвия, выдвинувшиеся из запястий монстра, вонзились в дерево в сантиметре от его лица. "Лом! Дайте лом!" - закричал он. Шеймус подсунил ему металлический прут, и Тьерри запер дверь.

За дверью раздался яростный рев. Когти снова пронзили дерево, но дверь держалась. "Это их ненадолго задержит," - прошептал Тьерри, - "Но минут десять у нас есть."

Третий этаж. Разрушенная квартира. Дверь проломила, разлетаясь щепками.

Сфинкс — с кожей, покрытой рубцами, вваливается на лестничную площадку, обнажая ряды кривых зубов.

Василий не дрогнул. Взмах ножом — раз, два, три удара в шею. Черная кровь брызнула на стены, но тварь не остановилась. Когтистая лапа взмахнула — старик вскрикнул, отлетая к стене, но успел воткнуть нож еще раз.

В этот момент Ярек, размахнувшись, ударил прикладом по голове чудовища с таким расчетом, чтобы не задеть Василия. Череп хрустнул, но существо продолжало биться. Два метких выстрела в упор - и наконец Сфинкс рухнул, судорожно держа когтистыми лапами.

— Жив? — Ярек хрипит, подхватывая Василия.

Старик сжимает бок, кровь сочится сквозь пальцы, заливая камуфляж.

— Он... меня... достал...

— До пенсии заживет, — Ярек тянет его к выходу, но глаза уже ищут следующую угрозу.

Двор. Ад на земле.

«Крюгер» и «Арлекин» выскакивают из-за угла, двигаясь рывками, как пауки. Первый бросается на Тьерри — когти свистят в сантиметре от его лица. Француз инстинктивно кинулся вперед, вонзив нож в спину чудовища. Лезвие вошло по самую рукоять, но мутант дернулся с такой силой, что клинок сломался, оставив ученого с обломком в руках.

Откатываясь, Тьерри выхватил винтовку. Три выстрела - первый разорвал челюсть, второй вошел в глазницу, третий наконец остановил тварь. Пустой затвор щелкал по инерции, когда монстр рухнул к его ногам. Эти три патрона спасли ему жизнь - Тьерри отчетливо понял это, чувствуя, как дрожь охватывает его руки.

Коул и Шэймус уже разделили второго когтистого монстра на зоны огня. Перекрестный огонь — и пули рвут мутанта на части, но он еще пытается ползти, даже без ног. Шэймус добивает выстрелом в голову, разрывая один из отростков в колчя.

— Нужно отвлечь их! — крикнул Антон, отстреливаясь короткими очередями, держа монстров на расстоянии. Его рана ныла, но он держал строй.

Коул оглядывается:

— Есть идеи?

Шэймус уже роется в рюкзаке, достает пластид, лепит к ржавой "Волге".

— Тридцать секунд!

Дворы. Темные. Узкие. За спиной — рёв, топот, щелчки когтей. Огненный шар вздымается в небо, разрывая двух "Арлекинов" в клочья.

Остальные отступают, шипя, но ненадолго. Старик кричит:

— В портовый рынок! Там есть склад!

Отряд рвется вперед, оставляя за собой только кровь и трупы. Последний поворот — и они оказались на пустынной площади бывшего портового рынка. Прерывистое дыхание да звон опустошённых магазинов в ушах.

Василий осел на разбитый прилавок, сжав зубы от боли. Его лицо — пепельно-серое как его свитер, руки дрожат, как в лихорадке.

— Мы... мы почти пришли... э-эх... — стон вырвался из его груди.

Коул кивнул Антону:

— Окажи помощь старику.

Шприц с морфином вонзился в вену. Бинты пропитались кровью, но рана наконец перетянута.

— Как самочувствие? — Антон похлопал старика по плечу.

Тот закатил глаза, бормоча:

— Ужасно... трясёт... мы были на волосок...

Коул присел рядом, положил руку на его плечо:

— Но мы всё ещё живы.

Василий вдруг вздрогнул, полез в карман.

— Майор... вам... кое-что...

Из замызганных брюк он вытащил диктофон — старый, в царапинах, и записку, испачканную чем-то тёмным. Коул взял, повертел в руках, вопросительно глянул на старика:

— Вы обыскали трупы?

Старик усмехнулся криво:

— Без еды... не выжить... думал, найду хоть патроны...

— Спасибо, Василий. — Коул аккуратно убрал находку в рюкзак. — Изучу позже.

Старик встал, опершись на плечо Коула:

— Мы почти пришли.

Рынок. Когда-то здесь кипела жизнь — крики торговцев, контрабанда. Теперь — мёртвая зона. Разбитые витрины. Опрокинутые лотки. Василий повёл их между руин, бормоча:

— Знавал одного... "Судьёй" звали... держал тут лавчонку...

Остановился перед ржавой дверью с кодовым замком.

— У него была комната... на чёрный день...

Глаза блеснули хитринкой.

— Думаю... нам пригодится...

Магазин хозяйственных и радиоэлектроник "Радиоволна" представлял собой жуткую картину разрушения. Полки опрокинуты, стеклянные витрины разбиты вдребезги, а под ногами хрустели осколки и растерзанные микросхемы, словно кишечник какого-то механического зверя.

Взгляд зацепился за массивную металлическую дверь в глубине зала, заваленную обломками мебели и коробками.

— Вот она.

Над дверью, криво висел потрёпанный плакат — вырванная из старого Playboy страница с полуобнажённой девушкой, её улыбка уже выцвела, а глаза были прожжены сигаретой.

— Ну и наивный ты, дед, — Ярек усмехнулся, плюнув под ноги. — Думаешь, эту дверь ещё не вскрыли?

Василий, не обращая внимания на насмешку, медленно шагнул вперед, разгребая ботинками хлам.

— Сомневаюсь, что он успел воспользоваться припасами, — Василий провёл рукой по кодовой панели, стряхивая пыль.

— Ович, успокойся, — Коул бросил взгляд на поляка, но тот только пожал плечами, отходя к разбитому прилавку.

Старик замер, вглядываясь в цифры.

— Надеюсь, вы знаете пароль, — Тьерри поправил очки, вздрогнув, когда где-то вдали скрежетнуло металлом.

— Да, конечно... — Василий закрыл глаза, вспоминая.

Затем он начал напевать старую мелодию:

— "Pleasure, little treasure..."

Его пальцы забегали по кнопкам.

7-5-3-2-7-8-7-3.

Щелчок замка. Дверь открылась с тяжелым скрипом.

Антон, заглянув внутрь, едва не присвистнул:

— А "Судья" нехило так затарился...

Комната была забита до потолка. Оружие. Патроны. Аптечки. Консервы. Настоящий арсенал последней надежды.

Василий вздохнул:

— Когда в городе начало твориться странное, многие стали делать такие запасы. Но не все смогли ими воспользоваться...

Коул перезарядил пистолет, оценивающе оглядывая добычу.

— Отлично. Это нам понадобится.

Раздался металлический лязг — Василий перезаряжал Магнум точными, выверенными движениями.

— Надеюсь, ты знаешь, как этим пользоваться, — Коул наблюдал за ним, не мигая.

Щелчок барабана.

— Будь уверен. — Голос старика был сухим, как порох. — Знаю.

И вдруг — кашель. Глухой, влажный, будто из разорванных легких. За ним — бормотание, невнятное, словно речь пьяного или умирающего. Отряд замер.

— Мы тут не одни. — Коул поднял руку, жест — "проверить".

Ярек и Шэймус взвели затворы, шагнули к завалу из разбитой мебели и кирпичей.

Шаг. Еще шаг. ВОЙ.

Яростный, звериный, разрывающий тишину, как когти — плоть. Стена взрывается внутрь, кирпичи летят, пыль взмывается к потолку.

— ОТРЯД, ОТСТУПАЕМ! НА УЛИЦУ! — Коул кричит, но голос тонет в грохоте.

Они вылетают из магазина, спотыкаясь, падая, поднимаясь. Пыль оседает.

И оно выходит. Тело — искалеченное, перекошенное, с вывернутыми суставами. Шея — деформированная, вздутая нарывами, из которых сочится густая слизь. Лицо — обожженное, кожа сползла, обнажив желтые зубы и глаза, как у гниющей рыбы.

Левая рука отсутствует. Правая — раздутая, в два раза больше тела, кожа лопнула, обнажив гвозди, саморезы, осколки стекла, вросшие в плоть.

Живая палица. Оружие мутации.

— Бог мой... — Василий отшатывается.

— ОТРЯД, ОГОНЬ!

Автоматы захлебываются очередями. Пули впиваются в шкуру, но не пробивают — слишком плотная, слишком жилистая.

"Судья" ревет, бросается вперёд, рука-палица заносится для удара.

Антон и Шэймус отпрыгивают — смертоносная масса проламывает прилавок, разбрасывая осколки. Дерево трещит, металл гнётся. Они еле успели. "Судья" поворачивается, глаза горят ненавистью. Он не остановится. Он никогда не останавливается.

Ярек первым рванул вперёд, дробовик КС-23 грохнул, выплюнув заряд дроби в спину Судье.

— Мы прикроем вас, хлопцы!

Но Судья развернулся. Его шея вздулась, нарывы лопнули, и из них вырвалось шесть чудовищных насекомых — бескрылых, с мордами пираний, зубами как бритвы.

Они прыгнули.

Первый жук вцепился в Ярека, но тот прикладом выбил ему зубы, ножом вспорол брюхо.

— Ага, а вот и присяжные!

Второй впился в Василия. Старик взвыл, сорвал тварь с руки, оставив на коже рваную рану. Жук упал на спину, стуча лапами, и Василий всадил ему в голову пулю из револьвера.

Третий и четвёртый атаковали Коула и Тьерри.

— Не спускайте с них глаз! — Тьерри отпрыгнул, стреляя вслепую.

— Перебьём этих тварей и поможем остальным! — Коул рычал, расстреливая одного жука в упор.

— Эта мразь нас преследует! — Антон откатывался, стреляя Судье в голову.

— Давай, сделаем его! — Шэймус бил очередями в спину.

Пули впивались в гниющую плоть, Судья застонал, рухнул на колени.

— Получай, тварь!

Щелчок. Пустой магазин.

— Блять!

Шэймус полез за новым, уронил его. Этой секунды хватило. Судья вскочил, палица свистнула, ударив Шэймуса в грудь. Хруст рёбер. Тартаковски рухнул, выронив автомат.

Судья наступил на него ногой, и обрушил на него несколько раз свою палицу. Брызнула кровь.

— ШЕЙМУС!

— ОТРЯД, ОГОНЬ!

Шквал огня обрушился на Судью. Пули впивались в его массивное тело, разрывая плоть. Он шатался, как пьяный гигант, из его пасти хлестала черная слизь, смешанная с чем-то похожим на кровь.

Последняя очередь — и монстр рухнул, обрушившись рядом с телом Шэймуса, словно сама смерть решила лечь рядом со своей добычей.

Василий подошел вплотную. Его лицо было непроницаемо.

— Прощай, ублюдок.

Выстрел из крупнокалиберного пистолета. Грохот оглушил на мгновение. Пуля вошла в глаз Судьи, пробила череп, вырвав кусок затылка вместе с осколками кости.

Тварь дернулась в последний раз — и замерла.

— Антон, к Шэймусу! Быстро!

Медик бросился к товарищу, но уже через секунду его плечи обмякли.

— Майор... Шэймус мертв.

Тартаковски лежал в неестественной позе. Его тело было изломано, как кукла, брошенная разъяренным ребенком. Ребра торчали из разорванной формы, лицо превратилось в кровавое месиво. Один глаз, уцелевший, смотрел в пустоту, застыв в последнем удивлении.

Коул стоял над телом, его лицо было каменным. Только легкая дрожь в сжатых челюстях выдавала то, что творилось внутри. Он достал полевой журнал и зафиксировал дату и время смерти.

— Семь часов тридцать минут.

Коул резко отвернулся, словно боясь, что еще одна секунда — и он не сдержит ярости.

— Есть предположения, где искать оставшихся из "Альфы"?

Василий вытер окровавленные руки о брюки.

— В городе есть бункер. На случай бомбежки. Если кто-то выжил — они там.

— Как далеко?

— Через линию метро. Но...

Он замолчал, обводя взглядом остальных.

— Районы вокруг разрушены. Или кишат этими тварями. Самый короткий путь — через лес возле кладбища.

Антон мрачно усмехнулся, не отрываясь от прицела своей винтовки:

— Выбор небогатый. Заблудиться в лесу или быть сожранными.

— Я знаю эти места, — резко сказал старик. — Выведу.

Коул вздохнул.

— Пять минут на проверку снаряжения. Затем — выдвигаемся.

Его взгляд снова скользнул по изуродованному телу Шэймуса. На этот раз он не отвел взгляд сразу.

Темная каморка с припасами пахла пылью, машинным маслом и смертью. В тяжелом молчании Коул взял в руки найденный огнемет - холодный, тяжелый, смертоносный. Его пальцы скользнули по шершавому металлу, проверяя соединения шлангов.

— Возьми, — голос Коула был глухим, будто доносился из-под земли. Он протянул оружие Тьерри, не глядя ему в глаза. — Сожги тело Шеймуса.

Тьерри замер на мгновение, его ученый ум тут же начал подсчитывать альтернативы:

— Но майор, может стоит... мы могли бы...

— Это приказ! — резко оборвал его Коул, наконец подняв взгляд. В его глазах не было ни злости, ни горя - только стальная решимость.

— У нас нет времени на церемонии. И уж тем более - на могилы.

Тьерри молча кивнул. Его пальцы дрожали, когда он подсоединял шланги к баллону. Отступив на безопасное расстояние, он перекрестился и прошептал: "Au revoir, mon ami."

Огненный смерч вырвался из сопла с шипящим ревом, обрушившись на тело товарища. Пламя лизало плоть, чернеющую и скручивающуюся от жара. Тьерри стоял неподвижно, его лицо искажала гримаса - не от жара, а от осознания того, что он делает.

Октябрьский лес встретил их могильным холодом. Голые ветви сплетались над головой, как кости гигантского скелета. Каждый шаг по хрустящей листве звучал слишком громко в этой гнетущей тишине. Коул и Антон шли впереди, стволы автоматов наготове. Василий тащил рюкзак Шэймуса — лишний груз, но выбросить его было предательством. Ярек и Тьерри замыкали колонну, оглядываясь на каждый шорох.

— Умираю, как хочу кофе... — Антон попытался шутить.

— Не накаркай. — Коул бросил через плечо, не оборачиваясь.

— Эй, Сусанин, долго мы тут будем плутать? — Ярек криво ухмыльнулся, глядя на Василия.

— Нет, нет, мы уже почти... — Василий замолчал, вслушиваясь в шум деревьев. — Странно. Я был готов к тому, что в лесу нас точно ждут неприятности.

— И ты тоже не накаркай. — Коул бросил сухо, но в голосе была усталость, а не злость.

Лес разомкнулся, открыв поляну, заваленную остовами техники. Ржавые корпуса, искореженные металлические скелеты, разбитые ящики — кладбище цивилизации.

И там, будто предупреждение, лежал сбитый Ми-24. Его фюзеляж был разорван, лопасти сломаны, а кабина - темная, как глазница черепа. Он упал с такой силой, что вспахал землю, оставив за собой траншею из грязи и обломков.

— Мать вашу... — Антон замер, глядя на вертолет.

Тьерри подошел ближе, его очки отражали мертвый металл.

— Ни тел, ни следов борьбы, — прошептал он.

Лес вокруг внезапно затих. Даже ветер перестал шевелить ветви. Вертолет лежал перед отрядом, его разорванный корпус неестественно искривлен, словно что-то пыталось вырваться изнутри.

Коул не сводил глаз с обломков. Что-то было не так.

— Ович, проверь.

Поляк неохотно шагнул вперед, дробовик наготове.

— А может, Профессор проверит? Он парень-то славный, и...

— Это был не вопрос, солдат! — Коул резко повернулся, его голос резанул, как лезвие.

Тьерри тем временем уже подошел ближе, его ученый интерес перевесил осторожность.

— Следы коррозии... — он провел пальцем по обшивке. — Но не обычной. Это похоже на... биологическое разложение.

Ович подошел к кабине, прислонился к мутному стеклу. Труп пилота.

Высушенный, покрытый каким-то странным налетом — не плесенью, не мхом, а чем-то живым, пульсирующим.

И вдруг... Труп дернулся.

— Что за херня?! — Ович отпрянул, поднял ствол.

Кабина вертолета содрогнулась. Металл закрипел, застонал, будто что-то ломало его изнутри.

Кабина начала отделяться от корпуса. Не так, как должно было бы. Не так, как бывает при аварии. Медленно. Целенаправленно. Как будто... отрывалась конечность.

— Впервые вижу, чтобы у сбитого вертолета кабина отделялась сама по себе, — Коул не отрывал взгляда, его пальцы уже сжимали автомат.

— Никто не видел, — Ович отходил назад, целясь в движущуюся массу.

Кабина изменила форму. Щупальца. Длинные, гибкие, покрытые металлической чешуей, с когтями на концах — как у раптора. Передняя часть отвалилась, обнажив пасть — широкую, усеянную острыми как бритва зубами.

Обшивка трескалась, отпадала, обнажая красную, блестящую кожу с зелеными, пульсирующими жилами. Существо поднялось, вытягиваясь из останков вертолета, как змея, сбрасывающая кожу.

— Оно живое... — Тьерри застыл, его голос дрожал. — Я... не понимаю. Это кибернетический организм?!

Тварь стояла перед ними — гибрид металла и плоти, кошмар инженера и биолога. Существо повернуло к ним свою новую "голову". Глаз не было. Только пасть. И щелчок когтей по земле. Оно знало, где они.

Корпус Ми-24 расползся, разорвался, переплелся с мутировавшей тканью, словно вертолет пророс сквозь тело какого-то гигантского паразита. Но самое ужасное было в кабине.

Пилот. Его лицо было обезображенным, слитым с приборной панелью. Провода вросли в кожу, трубки торчали из разорванной груди.

— Эта херовина, мало того, что живая, так еще и явно не на нашей стороне, — прошептал Ович, не отрывая взгляда от этого кошмара.

Пилот дернулся, застонал — и тут же пасть под кабиной разверзлась, оголив ряды заржавевших, но все еще острых зубов.

Гатлинг М197, вросший в подбородок монстра, содрогнулся и начал вращаться.

Медленно. Предвкушающе.

— О-о-о!!! Проклятье!!! — Ович отпрянул, инстинктивно пригнувшись.

— ВСЕМ В УКРЫТИЕ!!! — Коул спрятался за ближайшее дерево, его голос потонул в грохоте первых выстрелов.

Свинцовый ливень. Деревья взрывались щепками, кора летела осколками, земля вздымалась фонтанами пыли. Василий прижался к пню, зажал уши, зажмурился — но звук был везде, он проникал в кости, в мозг, в душу.

Антон и Ович спрятались за толстым стволом, чувствуя, как каждая очередь проделывает в дереве новые дыры размером с кулак. Еще секунда — и очередь пройдет сквозь них. Гатлинг замолчал. Ович осторожно высунулся, глядя на монстра.

Он замер. Но пилот в кабине дергался, словно в припадке, его пальцы сжимали рычаги, его губы шевелились — но звука не было. Потом — рык. Глухой, металлический, как скрежет тормозов поезда.

Тварь двинулась вперед, ее клешни царапали землю, оставляя глубокие борозды.

Она шла к пню, за которым прятался Василий.

— Нам нужно грохнуть пилота, — шепотом сказал Ович Антону, — он управляет этой хренью.

Антон кивнул, глядя, как монстр приближается к старику. Василий сжался в комок, его дыхание было частым и поверхностным, пальцы впились в землю. Он слышал, как механические суставы твари клацают в метре от него.

— Выждем, когда он еще чуть подойдет, — прошептал Антон, — тогда он откроется нам с тыла.

Они подождали. Еще шаг. Еще один.

— СЕЙЧАС!

Ович и Антон выскочили из-за укрытия, подняли оружие, нажали на спуск. Пули ударили в кабину — но отскочили от бронированного стекла, оставив лишь белые царапины. Пилот резко повернул голову. Его глаза встретились с Овичем.

И Гатлинг снова завращался. Лес взорвался огнём и рёвом.

Антон прыгнул первым, буквально швырнув себя в укрытие рядом с Василием. В тот же миг дерево, за которым они только что стояли, разлетелось в щепки под шквалом пуль.

— Бежим!

Обломки коры и горячие гильзы дождём посыпались вокруг. Ович метнулся к Коулу, который спрятался за грудой обломком.

— Ты что, хотел замочить эту хрень из обычного автомата?! — Коул огрызнулся, перезаряжая магазин.

Ярек отстреливался, не отрывая глаз от чудовища, которое медленно ползло к ним, раздирая землю когтями.

— Нужно что-то мощнее. Что у нас есть?

Коул расстегнул молнию рюкзака, осматривая содержимое:

— Гранаты РГД-5. Восемь штук. Но броню они не пробьют.

Ович прищурился, оценивая монстра.

— Нам и не нужно. Видишь? — Он ткнул пальцем в стекло кабины пилота, которое мерцало в дыму.
— Если разбить его — можно закинуть гранату прямо в брюхо этой твари.

Француз прислушивался к их диалогу, глаза бегали по развалинам.

И тут он увидел среди брошенной военной техники спасение - Ракетная установка. FGM-300.

— Nom de Dieu... — он прошептал, не веря своим глазам. — Их же сняли с вооружения...

Но две ракеты все ещё были на месте.

План сложился мгновенно. Он подкрутил регулятор огнёмёта, увеличив дальность струи. Потом выдохнул. И выскочил из-за укрытия.

— Pour toi, monstre!

Огненный смерч вырвался из сопла, ударив в морду чудовища. Пламя лизнуло броню, заползло в щели, обожгло глаза пилота.

Тварь заревела, затряслась, но не могла атаковать — огонь ослеплял её, заставляя метаться на месте.

— Трантин, что ты задумал?! — голос Коула прорвался сквозь грохот боя.

Француз, не отрывая взгляда от монстра, крикнул:

— Кто-нибудь, быстрее к ракетной установке! — он резко кивнул в сторону брошенной техники. — Там должна быть боковая панель! Сомкните провода! Красный и...

Огнемёт захрипел, захлебнулся, и последние капли топлива выплеснулись жалкой струйкой.

— Merde...

Тварь, вся в копоти, слепо рычала, размахивая щупальцем-клешней, но не могла видеть — пламя закоптило стекло её пилотской кабины.

Ярек уже побежал к установке, сорвал боковую панель ударом приклада. Внутри — четыре провода: синий, зелёный, красный, жёлтый.

— А какие, блять, провода-то?! — он оглянулся на Тьерри, который откатывался от монстра, пытаясь перезарядиться.

— Ович, зелёный! — прокричал учёный.

— Бля, ну ясен-красен что зеленый, а то сам бы не догадался! — Ович ехидно процедил сквозь стиснутые зубы, его пальцы проворно соединяли провода. В воздухе повисло напряженное молчание, нарушаемое лишь тревожным писком заряжающейся системы.

Раздался оглушительный грохот — ракета с кумулятивным зарядом вырвалась из пусковой установки, оставив за собой дымный шлейф. Смертоносный снаряд впился в бок чудовища, разорвав хитиновый панцирь, словно гнилую ткань. Взрывная волна швырнула тварь в сторону, ее конечности беспомощно забили в воздухе. Осколки разбитого стекла кабины дождем посыпались на землю. Коул, не теряя ни секунды, резко поднялся из укрытия — его движения были отточены годами боев. Граната, брошенная с хирургической точностью, влетела в зияющий проем кабины.

Последующая детонация разнесла пасть монстра в клочья, вырвав из нее кроваво-черные клочья плоти. Броня вокруг кабины начала плавиться, пузыряться и стекая на землю раскаленными каплями. Огонь быстро перекинулся на боекомплект пулемета.

— Быстро, валим отсюда! Сейчас рванет! — Коул побежал вперед, даже не оглядываясь, чтобы проверить, следуют ли остальные.

Они мчались сквозь чащу, спотыкаясь о корни и хватая ртом холодный воздух. Сзади грянул новый взрыв — на мгновение лес осветился ослепительным заревом, тени деревьев изогнулись в судорожном танце.

— Мы уже почти у кладбища! — Василий, задыхаясь, указал вперед. Его палец дрожал — от усталости или страха, было не разобрать.

Ограда возникла перед ними внезапно, как призрак из тумана. Ржавые прутья, обвитые колючей проволокой, казались одновременно и спасением, и новой ловушкой.

Антон споткнулся о что-то мягкое и тяжелое. «Твою... ма-а-ать...» — его ругательство растянулось в леденящем душу осознании. Перед ним лежал обглоданный труп — свежий, еще теплый. Кишки были вырваны через развороченный живот, лицо обезображено до неузнаваемости.

— Антон, ты в порядке? — Коул уже был рядом, его глаза сузились при виде останков.

— Один из жителей города? — Тьерри поправил очки, стараясь не смотреть на окровавленные останки.

Ович пнул валявшийся рядом рваный рюкзак, из которого высыпались украденные ценности.
— Нет, скорее какой-то незадачливый мародер.

Коул молча копался в рюкзаке возле трупа, его пальцы нащупали патроны — тяжелые, холодные, знакомые. «Револьверные. Подойдут.» Он пересчитал их автоматически — шесть в упаковке, еще три россыпью. "Мало. Но лучше, чем ничего."

За спиной Ович что-то бормотал, перебирая трофейную провизию. Консервы, сухари, шоколад.
— Хоть что-то человеческое в этом аду.

Но лес ответил им воем. Не животным. Не ветром. Чем-то другим. Коул не дрогнул, но в груди что-то сжалось — холодное, тяжелое. "Они близко."

— Так, бойцы, ноги в руки и погнали по-быстрому, пока мы не разделили участь этого парня.

Он кивнул на труп у ворот. "Может, один из тех, кого мы ищем? Или просто несчастный, который не успел сбежать?" Неважно. Мертвые не отвечают на вопросы.

Площадь перед ними была как после бомбежки. Машины — перевернутые, с вырванными дверьми. Как будто гигантская рука прошла тут, швыряя все, что попадалось на пути.

— Василий, в какой стороне станция метро?

— Ближайшая — в паре домов отсюда.

Коул кивнул, но краем глаза заметил движение. В переулке. Мусорный бак опрокинулся сам по себе.

Нет. Не сам. Что-то было там. Не сейчас. Не здесь.

Он резко махнул рукой — Вперед, быстро! — и отряд побежал, пригнувшись, стараясь не издавать громких звуков.

"Если оно нас не видит... если мы успеем..."

Но Коул знал — они уже на грани.

Станция "Метрополис" встретила их густой, почти осязаемой тьмой.

Ович высунулся первым, дробовик наготове. Луч фонарика дрожал в его руках, освещая во мраке битые плитки, разбросанные бумаги, пятна чего-то темного на стенах.

— Чисто.

Коул не расслабился. "Здесь слишком тихо."

Он снял рюкзак, достал взрывчатку.

— Ович, Трантин — вперед. Василий, в центр. Антон, замыкай.

— А как же вы? — голос Антона дрогнул.

Коул уже приматывал провода, его пальцы работали быстро, точно. "Старая привычка. Никогда не уйдешь далеко без ловушки."

— Эти мрази наверняка последуют за нами. И нарвутся на наш сюрприз.

Ович усмехнулся:

— Умно.

Коул не ответил. Его мысли уже были там, впереди — в темных тоннелях метро.

"Сколько их? Куда ведут эти пути? И что, черт возьми, мы найдем в конце?"

Но назад дороги не было. Только вперед. В темноту.

ГЛАВА 3 – Во тьме

Застывший эскалатор, словно окаменевший змей, уводил вниз, в непроглядную тьму. Металлические ступени скрипели под сапогами, каждый звук многократно отражался в каменном чреве станции. Фонарики, прикрепленные к плечам бойцов, выхватывали из мрака облупленную плитку стен, разбитые турникеты, разорванные афиши - немые свидетели былой жизни.

Перед спуском в метро Тьерри перераспределил груз — огнемёт теперь болтался за спиной старика, оставляя ему самому руки свободными для винтовки.

Коул остановил отряд в вестибюле, его голос прозвучал глухо, будто приглушенный самой тьмой: "Проверяем оружие и боеприпасы. Подземный бой - не прогулка по парку."

Антон нервно провел рукой по лицу, смахивая несуществующую паутину. Вспомнились катакомбы под родным городом, где он в юности лазил с друзьями - те же сырые стены, тот же гнетущий страх. "Черт возьми, ненавижу подземку," - пробормотал он, сжимая ствол автомата.

— Выбора нет, — коротко бросил Коул, уже направляясь к спуску в туннель.

Тьма поглотила их сразу, как только они ступили на рельсы. Фонарики, обычно такие надежные, теперь казались жалкими свечками перед лицом абсолютного мрака. Свет мерцал на влажных стенах, из темноты виднелись то ржавые трубы, то оборванные провода, то... что-то, что мелькнуло и исчезло.

Шаги эхом разносились по туннелю, смешиваясь с каплями воды, падающими с потолка. Казалось, сама станция дышит - то ли от сквозняка, то ли от чего-то более живого.

После бесконечного марша они вышли на техническую станцию. Коул резко поднял руку - сигнал остановиться. Его фонарик медленно скользил по стенам, будто что-то искал.

— В чем дело, майор? — шепотом спросил Ович, подходя ближе.

— Стены... С ними что-то не так.

Поляк направил свой свет туда же. Сначала ничего - обычная бетонная поверхность. Но при ближайшем рассмотрении...

— Кто-нибудь из вас, засранцев, смотрел «Чужого»? — его голос звучал неестественно спокойно.

— Первого или второго? — машинально уточнил Тьерри, еще не понимая.

— Без разницы. Если смотрел - поймешь.

И тогда ученый увидел. Стены и потолок были покрыты странной субстанцией - нечто среднее между смолой и живой тканью. В ней угадывались очертания коконов, будто гигантская муха устроила здесь свое гнездо. Вещество пульсировало слабым, почти незаметным движением.

— Это... улей, — прошептал Тьерри, с ужасом в голосе. В голове мелькнули образы из фильмов - те самые сцены с ксеноморфами. Но это было кино. А здесь, в этой липкой тьме...

Ович крепче схватил дробовик.

— Вопрос в том, где сейчас хозяйка этого гнездышка.

Туннель внезапно стал густым, будто пропитанным слизью. Василий, дрожал, как осиновый лист. Его пальцы судорожно сжимали револьвер, костяшки побелели.

— О боже... О боже... — его шепот был прерывистым, словно дыхание перехватывало.

Коул почувствовал, как по его спине пробежал холодный пот, но голос его оставался стальным, ровным, командным:

— Без паники.

Он сам не был уверен, что это сработает. Но если они начнут метаться — они мертвы.

— Смотрим в оба. Не шумим. Идем дальше.

Но коконы... Они висели на стенах, на потолке, пульсируя, шевелясь, будто внутри что-то скреблось, пробивалось наружу. Ович прицелился, его палец дрогнул на спусковом крючке.

— Черт, дай я просто...

— Не стрелять! — резко прошипел Коул.

Туннель дрогнул. Она пришла. Сначала была слабая вибрация, как от далекого землетрясения. Потом сильнее. Стены закрипели, с потолка посыпалась пыль.

— Что-то... что-то идет... — голос Антона предательски дрогнул.

Ович резко развернулся, ствол его дробовика направился к пролому в стене.

— Движение в проломе!

Коул тоже прицелился, но не стрелял.

— Не стрелять. Пока я не скажу...

И тогда раздался звук. Что-то среднее между рыком животного или человека — женский голос, искаженный, смешанный с стрекотом цикад и жужжанием мухи.

Из пролома показалась... рука. Человеческая. Но слишком длинная. Пальцы — тонкие, костлявые, с черными когтями вместо ногтей. Потом вторая. Она вцепилась в край пролома, расширяя проход. И тогда она вылезла.

Голова — еще напоминала женщину, но глаза... Их было слишком много. Фасеточные, мерцающие, как разбитое стекло, уставились в темноту. Рот — слишком широкий, растянутый, с острыми зубами. Нижняя челюсть еще не сформировалась до конца — новые клыки прорывали кожу, сочась черной кровью.

Тело — верхняя часть еще сохраняла человеческие черты, но кожа была серой, покрытой хитиновыми пластинами. Брюхо — уже полностью насекомое, раздутое, пульсирующее, с сегментами, как у навозного жука. Ноги — длинные, суставчатые, с шипами, впивающимися в бетон.

Крылья — маленькие, еще не развитые, дрожащие, как у жука. Она выпрямилась, огромная, заполняя собой половину туннеля.

Глотка ее завибрировала, издавая тот самый звук — стрекот, шипение, что-то, напоминающее речь.

"Я дома..."

Ович замер, его губы шевельнулись беззвучно:

— Ебать мой лысый череп...

Коул медленно отступил за колонну, приказав всем отступить к стене.

— Спокойно... — его шепот едва слышен. — Она нас не видит...

Но Муха повернула голову. Глаза мерцали, ловя движение. Она понюхала воздух и сделала шаг вперед. Ович медленно отшагнул назад, его дробовик сжат в руках, взгляд оставался холодным.

— И лучше бы этой суке нас и не увидеть вовсе, — прошептал он, не отрывая глаз от темного пролома в стене, откуда вылезло существо.

За спиной у Василия что-то хрустнуло. Старик обернулся — и застыл. Один из коконов шевельнулся, его оболочка порвалась, и оттуда вывалилось нечто. Личинка.

Но не простая. Получеловек-полу муха.

Голый, влажный череп, покрытый тонкой пленкой слизи. Фасеточные, деформированные глаза, но рот — огромный, с рядами крошечных, острых зубов. Оно пискнуло. Звук был пронзительным, неестественным, словно кто-то скреб ногтями по стеклу.

Василий вскрикнул, вырвал револьвер и всадил в тварь заряд свинца. Тело лопнуло, разбрызгивая желтую слизь.

— Старый ты хрен! — Ович еще не успел крикнуть, как тьма впереди вздрогнула.

Муха увидела их и своего мертвого детеныша. Она взревела, заставив стены содрогнуться. Она кинулась вперед, сметая все на своем пути.

— ОТРЯД, ОТСТУПАЕМ! — Коул рывкнул, открывая огонь.

Пули впивались в хитиновый панцирь, но она не останавливалась. Ограждение разлетелось в щепки, когда она проломила его одним ударом. Василий едва увернулся, упав на пол.

— ОТКРЫТЬ ОГОНЬ!

Ович ухмыльнулся, поднял дробовик.

— Все ждал этого приказа.

Дробь врезалась в морду Мухи. Она взвыла, закрыла лицо когтистыми лапами, отступила. Но ненадолго. Визг. Пронзительный, бьющий по ушам, зовущий на помощь. Она прыгнула на потолок, цепляясь когтями, и исчезла в темноте.

Ович перезаряжался, оглядываясь.

— Эта мразь тут понаделала ходов...

И тут коконы зашевелились. Сначала один. Потом десять. Потом... Сотни. Они лопались, раскрывались, из них выползали личинки. Младенцы с телами насекомых.

Ползущие. Пищащие. Голодные.

Коул застыл, глядя на это море уродцев.

— Мать честная...

Из тьмы донесся новый вопль Мухи. Она зовет их. Всех. И они идут. Туннель метро дрожал от топота сотен хитиновых лап. Фонарики подсветили из темноты лишь жуткие очертания — блестящие панцири, разинутые челюсти, мерцающие в свете выстрелов.

— Эта сука дала им сигнал! — голос Ярека прорвался сквозь грохот стрельбы.

Муха издала пронзительный свист, и армия монстров ринулась в атаку. Они катились волной — по стенам, потолку, рельсам — их тела сливались в единую, пульсирующую массу.

— Огонь! Огонь из всех стволов! — Коул вжался плечом в бетонную колонну, короткими очередями выкашивая передние ряды.

Но на каждого убитого тут же выползло пятеро новых. Группа "Бета" отступала в глубь туннеля, используя каждую возможность:

Тьерри и Антон — расчищали путь, методично стреляя в щели, откуда вылезали новые личинки. Василий — прикрывал тыл, его руки дрожали, но пальцы не отпускали спусковой крючок. Ович и Коул — держали основную волну, отстреливаясь на ходу.

— Они лезут из щелей в стенах! — Тьерри крикнул, указывая на трещины, из которых сочились новые твари.

— Там! — он резко махнул в сторону узкого служебного тоннеля.

Ярек заколебался: "А если там тупик?"

— Хуже уже не будет! — Тьерри отрезал, забрасывая в основную толпу гранату.

Тоннель сужался, становясь клоповником. Стены были живыми — шевелящимися, покрытыми личинками.

Впереди — перевернутый вагон, перегородивший путь. Рядом лежала пожарная лестница.

"Через вагон! Быстро!" — Коул развернулся, прикрывая остальных. Ович остался последним. Его дробовик захлопал вхолостую. Щелчок. Пусто.

"Блядь!" — он втиснул последние патроны, успев дать один выстрел.

Личинки уже были в метре.

"ЯРЕК! БЕГОМ!" — Коул протянул руку, в последний момент выдергивая его из-под клешней.

Из пролома в стене выползла Муха.

Ее крылья, разорванные и слипшиеся, вибрировали от ярости. Глаза мерцали в темноте, следя за каждым движением отряда.

Новый выводок кишел у ее ног.

— А эта сука всё не успокоится, как я погляжу. — Коул спрыгнул с вагона.

Шквальный огонь — Коул, Антон, Тьерри открыли стрельбу, целясь в глаза, соединения хитина. Обход — Коул и Тьерри попытались зайти с тыла, используя вагоны как укрытие.

Жало — Муха развернулась, ударила ядовитым жалом, заставив их упасть в последний момент. Антон огляделся — туннель сжимался, линии отхода перекрыты.

— Мы в западне!

— Прорвёмся! — Ярек расстрелял последние патроны, и схватил армейский нож.

Лезвие блеснуло в тусклом свете.

Муха зашипела, поднялась на задние лапы, крылья расправились — последний бросок. Коул скинул гранату.

— Всем лечь!

Взрыв сотряс туннель. Тьма смешалась с криками, шипением, звуком трескающегося хитина.

Бой продолжался. Ярек стоял, широко расставив ноги, его лезвие сверкало в тусклом свете фонарей, рассекая воздух с свистом смерти.

— Ну, бляди, кто из вас хочет быть первым?!

Он не отступал. Он не прятался. Он рубил — рубил так, будто пытался рассечь саму тьму.

Личинки напрыгивали на него волнами, но он встречал каждую ударом — вниз, вбок, по диагонали. Кровь и слизь брызгали на стены, на его лицо, в рот. Он плевал, хохотал, рубил дальше.

— Давайте же, ублюдки! Я здесь!

Василий стоял на коленях, его глаза — безумные, выпученные — бегали из стороны в сторону.

— О, Боже! Господь милосердный! Мы... все... умрем!

Коул подбежал к нему, схватил за воротник, притянул так близко, что их лбы почти соприкоснулись.

— Старик, возьми себя в руки! СЕЙЧАС ЖЕ!

Но он не слышал. Его разум уже утонул в панике.

— Умре-е-ем!!!

Он дернулся, оттолкнул Коула — и в тот же миг три личинки впились в майора.

— Василий, помоги мне!

Но он уже бежал. Бежал в тьму, крича, рыдая, махая руками, как ребенок во сне.

— СТО-О-ОЙ!

Коул протянул руку, пытаясь схватить его, но бесполезно.

Крики. Долгие, пронзительные, обрывающиеся на полутоне. Коул стиснул зубы. Одна из личинок вгрызлась в его плечо, другая — в ногу. Боль. Ярость.

Он схватил битый кирпич с пола и со всей силы вмазал по голове твари. Хруст. Личинка обмякла, но удар пришелся и по его ране.

Кровь. Боль. Но он не остановился.

— Тьерри, где огнемёт?! — Антон отстреливался, но мутанты продолжали лезть.

— У старика... Где он?!

Коул не глядя ответил:

— Его больше нет.

Кислота ударила в бронежилет Антона с шипящим хлюпанием, словно раскалённое масло, вылитое на кожу.

— А-А-АРГХ!

Он забился, срывая плавящийся кевлар, но расплавленный полимер лип к телу, прожигая плоть до мяса. Тьерри бросился к нему, сорвал тлеющую броню голыми руками — кожа на его ладонях вспучилась от жара, но он не отпустил, пока не отшвырнул её прочь.

Антон лежал, залитый потом и кровью. Грудь — сплошной ожог, лицо — полуслепое от едкого дыма.

— МЕДИК РАНЕН! — Тьерри вопил, разворачивая ствол в сторону Мухи.

Пули впивались в хитиновый корпус твари, разрывая лапы, но не убивая. Муха отпрыгнула, визжа, но не отступая.

Коул и Ович подхватили Антона, но тот вцепился в руку командира окровавленными пальцами.

— Я... отвлеку их... — хрипел он, кашля розовой пеной. — Или я... или все...

Коул стиснул зубы:

— Заткнись. Мы тебя вытащим.

Но глаза Антона уже решили.

— Дайте... гранаты... напалм... — плюнул он кровью. — Устрою... бойню...

Коул замер. Тактический расчёт пронзил мозг:

Антон не дойдёт. Ранения — смертельные. Отряд не выдержит новой атаки. Жертва купит время. Решение пришло как нож в живот. Молча, Коул вложил ему в руки две гранаты и канистру с напалмом. Антон кивнул. Одобрение. Прощание.

— ЭЙ, ГНИДА! — заорал он, поднимаясь на дрожащих ногах. — Я ЗДЕСЬ! ЖРИ!

Выстрел из пистолета — пуля отскакивает от лба Мухи. Сработало. Тварь взвизгнула, развернулась. За ней — полчище сопящих, щелкающих тварюг. Они полезли на него. Тьерри, отступая спиной вперед, первым заметил в глубине туннеля массивную дверь — стальную, с потускневшей табличкой «Служебные помещения».

— Туда! — крикнул он, стреляя очередью из автомата. Огонь вырывался короткими, точными очередями, но Муха и её выводок не останавливались. Они двигались рывками, их хитиновые панцири звенели, как разбитое стекло, когда пули рикошетили от них. Антон, прихрамывая, отстреливался из табельного пистолета. Его рана на груди сочилась кровью. Он прислонился к стене, сжав в кулаках две гранаты.

— Коул! — его голос был полон отчаяния. — Бегите!

Муха, почуяв слабость, кинулась к нему. Её лапы — длинные, заострённые, как скальпели — вонзились ему в живот, проткнув насквозь. Антон ахнул, но не закричал. Вместо этого он дёрнул чеку и разжал кулаки.

Гранаты упали на пол, покотившись под брюхо твари.

— Ну что, мразь... — Антон харкнул кровью прямо в её морду — в эти фасеточные глаза, в щель рта, усеянную зубами.

Муха зашипела, её челюсти раздвинулись, готовые разорвать его пополам.

— Я всё равно дал тебе просрать как следует.

Огненный шар разорвал тьму, смешав плоть, хитин и бетон в единую кровавую бурю. Взрыв, усиленный остатками напалма в туннеле, вырвал кусок перекрытия. Ударная волна прокатилась по туннелю, сбивая с ног бегущих. Коул упал на живот, прикрыв голову руками. Кусочки бетона и арматуры сыпались с потолка, как град.

Когда грохот стих, он с трудом встал и поднял голову.

Тусклая лампочка, свисавшая с потолка, качалась, отбрасывая пляшущие тени. В её свете были видны два тела — Ярек и Тьерри, лежащие без движения. Коул перевернулся на спину, глядя в темноту, откуда они прибежали.

Там теперь была только стена обломков. Антон не придёт. Никто не придёт.

Пыль медленно оседала, застилая воздух серой пеленой. Коул, опираясь на стену, поднялся на ноги, его лицо было покрыто слоем грязи и крови.

— Отзовись, кто цел... — его голос звучал хрипло, продираясь сквозь кашель.

Из темноты послышался ответ:

— Цел... — Ярек сидел на корточках, одной рукой вцепившись в перила.

— Я... кхе-кхе... тоже... — Тьерри попытался встать, но его ноги подкосились, и он снова рухнул на колени.

Коул тяжело вздохнул:

— Отлично...

И тут Ярек взорвался.

— ОТЛИЧНО?! — его голос прозвучал как выстрел. — ОТЛИЧНО, ЕБ ТВОЮ МАТЬ?! ЭТО ОТЛИЧНО ПО-ТВОЕМУ?!

Он вскочил, его лицо исказилось от ярости.

— ДА ЕБАЛ Я ЭТО ВСЕ В РОТ! ЕБАЛ Я ЭТО ВСЕ В РОТ, СУКА!

Тьерри попытался подойти, протянув руку:

— Ович, прошу, успокойся...

Но это лишь подлило масла в огонь.

— Я СЕЙЧАС ТЕБЯ УСПОКОЮ, ЛЯГУШАТНИК ХУЁВ! Я СЕЙЧАС ВАС ТУТ ВСЕХ УСПОКОЮ!!!

Он схватил Коула за грудки и прижал к стене.

— Ович, остынь! Это приказ! — Коул попытался вырваться, но хватка была железной.

— НАХУЙ ТВОИ ПРИКАЗЫ! — Ярек орал ему в лицо, слюна брызгала изо рта. — МЫ ПОТЕРЯЛИ УЖЕ ЧЕТВЕРЫХ! ЧЕТВЕРЫХ, БЛЯТЬ! ШЕЙМУС, АНТОН, МАРК, ЭТОТ СРАНЫЙ ДЕД! ВСЕ ПОДОХЛИ К ЧЕРТОВОЙ МАТЕРИ! PIERDOLĘ WAS WSZYSTKICH W PYSK!

Его голос сорвался в хрип.

— ЕЩЕ ОДНА-ДВЕ ТАКИЕ СТЫЧКИ, И ПРИКАЗЫ ТВОИ ВЫПОЛНЯТЬ СТАНЕТ НЕКОМУ!!!

И вдруг... он отпустил. Рухнул на пол, схватившись за голову.

Тьерри стоял, онемевший. Его разум отчаянно цеплялся за логику, за науку, за хоть какое-то объяснение тому, что здесь происходит. Но ничего не находил.

Коул медленно сполз по стене, вытирая лицо. После гробового молчания, он заговорил первым:

— Хорошо... Мы свяжемся с базой. Запросим эвакуацию.

Тьерри покачал головой, его голос был тихим:

— Да... Только из подземки мы не свяжемся.

Коул медленно подошел к карте метрополитена, висевшей на облупленной стене. Его палец, покрытый слоем копоти и крови, скользнул по схематичным линиям тоннелей, останавливаясь на отметке в виде красного домика.

— Значит, мы сейчас здесь... — его голос был глухим, уставшим. — А тот бункер — совсем рядом.

Ярек, сидя на полу, разминал пальцы, сведенные судорогой после последней перестрелки. Его лицо было бледным, но в глазах все еще тлела злость.

— И как нам туда добраться? — спросил он, сжимая кулаки.

Коул провел пальцем по маршруту:

— Эта лестница ведет в коллектор. Через него выйдем на нужную ветку метро и по ней дойдем до убежища.

Ярек медленно кивнул, его взгляд скользнул по карте, затем вернулся к Коулу.

— Ладно. Ладно. — Он хрустнул костяшками, демонстративно, почти угрожающе. — Но лучше бы этой девке действительно там быть. Потому что если её там не окажется...

Он не договорил. Но его сжатые кулаки и жесткий оскал говорили сами за себя.

Прежде чем двинуться дальше, они разобрали снаряжение.

Коул: Автомат SA-82 (4 обоймы), боевой нож, пистолет с пятью обоймами, рация (повреждена, связь нестабильная)

Ярек: Охотничий нож, дробовик остался без патронов, пистолет с пятью обоймами, последняя разрывная граната, старая заклинившая снайперская винтовка с десятью патронами.

Тьерри: Автомат SA-82 (2 обоймы), Пистолет с тремя обоймами, портативный анализатор (поврежден, но работал), оглушающая граната, медицинский набор из рюкзака Антона

Тьерри проверил приборы, его пальцы дрожали, но движения оставались точными.

— Электромагнитные помехи все еще сильные. Рации почти бесполезны.

Коул кивнул, застегивая последний магазин на разгрузке.

— Значит, рассчитываем только на себя.

Ярек потянулся, разминая шею.

— Ну что, пошли уже, а?

Коул взглянул на него, затем на Тьерри.

— Готовы?

Тьерри кивнул, поправив очки.

— Да. Но будьте осторожны...

— Всегда осторожны, — буркнул Ярек, уже направляясь к лестнице.

Коул бросил взгляд на карту еще раз, запоминая маршрут.

"Если там никого не будет... Что тогда?"

Но вопрос остался без ответа.

— Пошли.

Тень от дверного проема поглотила их, когда они шагнули в темноту коллектора. Они не знали, что их ждет впереди. Но отступить было уже некуда.

Вода, черная как чернила, хлюпала под сапогами, поднимая волны гниющей тины. Коул шёл первым, его автомат наготове, глаза напряжённо сканировали темноту. Каждый шаг отдавался глухим эхом, смешиваясь с далёкими, необъяснимыми звуками — то ли скрежетом металла, то ли шепотом.

Тьерри, держась ближе к стене, нервно покусывал губу. Его очки запотели от влажности, но снимать их он не решался — словно тонкое стекло могло защитить от ужасов, скрывающихся в темноте.

Ярек замыкал шествие, его обычно насмешливый взгляд теперь был осторожен и сосредоточен. Пальцы не выпускали ствол, готовые в любой момент открыть огонь.

Остановившись на развилке, Коул достал карту и осветил фонариком пометки и линии тоннелей.

— Мы уже близко к выходу на другую станцию, — пробормотал он, водя пальцем по бумаге.

В этот момент раздался выстрел.

Пуля, ударившись о бетон, с визгом рикошетила и впиалась Овичу в бронепластину. От удара он грохнулся на спину, вода фонтаном брызнула в стороны.

— Чёрт! — выругался он, хватая ртом воздух.

Коул и Тьерри мгновенно рассредоточились, прижимаясь к стенам.

— Кто стрелял?! — крикнул Коул, целясь в темноту.

Тьерри, прищурившись, едва не нажал на курок, но вовремя остановился.

Из-за ржавых труб, покрытых слизью, раздался напуганный, но яростный голос:

— Ублюдки сраные! Думаете, достали меня, да? Получайте!

Ещё один выстрел. Промах.

— Майор, это человек! — прошептал Тьерри.

Коул медленно опустил ствол.

— Прекратить огонь! Это свои!

Ответом был лишь тяжёлый, прерывистый вдох.

— Размечтались... суки, — голос был нервным, измождённым.

Коул сделал шаг вперёд, держа руки на виду.

— Назовите себя.

Тишина. Затем шорох, и из-за труб показалась фигура — худая, дрожащая, с пистолетом в трясущихся руках.

— Джоан... Джоан МакФадден.

Коул медленно поднял руки, демонстрируя мирные намерения. Капли воды стекали по его лицу, смешиваясь с потом.

— Я майор Коул Салливан, командир отряда «Бета». Прошу вас, успокойтесь.

Когда Джоан вышла из-за ржавых труб, его сердце колотилось. Она держала пистолет трясущимися руками, глаза - широко раскрытые, полные животного ужаса - метались от одного солдата к другому. Ее форма была вся в грязи, на лице засохшая кровь, а движения говорили о крайнем истощении.

— Прошу, успокойтесь. Мы люди, такие же, как и вы. Наша группа прибыла вытащить вас.

Несколько секунд она смотрела на них, не веря в их существование. Затем пистолет выпал из ее ослабевших пальцев с глухим всплеском. В ее глазах мелькнуло понимание, сменившееся такой глубокой, всепоглощающей надеждой, что стало больно смотреть.

— Слава богу... — прошептала она, и в этот момент ее ноги подкосились. Коул успел сделать шаг вперед, но она уже медленно оседала в черную воду, словно подводный призрак, возвращающийся в свою стихию.

Тьерри бросился помогать, но Коул был ближе. Он уже доставал нашатырь из медицинской сумки. Резкий запах вернул Джоан в реальность - она закашлялась, глаза наполнились слезами, но сознание вернулось.

— Теперь вы в безопасности, — сказал Коул, опускаясь рядом с ней на колени. Вода холодила кожу, но он не обращал внимания.

Неожиданно Джоан бросилась к нему, обхватив руками так крепко, словно боялась, что он исчезнет. Ее тело дрожало от рыданий, горячие слезы смешивались с грязной водой на его бронежилете. Коул на мгновение замер, затем осторожно обнял ее в ответ, похлопывая по спине.

— Уверен, вам хочется убраться отсюда как можно скорее, - пробормотал он, чувствуя, как ее хватка ослабевает.

— Как и нам всем, - сухо заметил Ович, вытирая забрызганное водой лицо.

Джоан медленно пришла в себя. Когда она подняла голову, Коул смог лучше рассмотреть ее лицо - глубокие тени под глазами, бледная кожа, покрытая царапинами и синяками, спутанные рыжие волосы. Особенно выделялись четыре параллельных шрама на правой щеке - явно следы когтей. Ее губы дергались, когда она заговорила:

— Что же... нам лучше обсудить кое-какие вещи в моем убежище.

Она попыталась встать, но ноги снова подвели ее. Коул крепко взял ее под руку, помогая подняться. В этот момент он заметил, как ее глаза вновь наполнились ужасом, когда взгляд скользнул по темным тоннелям.

— Не волнуйтесь, - тихо сказал он. - Теперь мы здесь.

Но даже произнося эти слова, он чувствовал, как по спине пробегает холодок. Где-то в этих затопленных коридорах что-то ждало своего часа.

ГЛАВА 4 – Секретные материалы

Тоннель вывел их к массивной металлической двери, покрытой слоем ржавчины и копоти. Джоан толкнула ее плечом — тяжелый механизм скрипнул, открывая доступ в просторное помещение старой котельной.

Тепло ударило в лицо. Работающий котел глухо урчал в углу, заполняя пространство сухим жаром. На полу — потрепанный спальник, разбросанные вещи из рюкзака, походная газовая плитка с пустой консервной банкой вместо кастрюли. Стены были испещрены надписями — даты, цифры, обрывки фраз, словно Джоан вела здесь дневник в ожидании либо спасения, либо конца.

Ович, войдя последним, тяжело хлопнул дверью и задвинул массивный засов.

— Не богато, конечно, но сойдет. — Он окинул взглядом помещение, цокнув языком. — Мы думали, вы отсиживаетесь в бомбоубежище.

Джоан усмехнулась, но в ее глазах не было веселья.

— К сожалению, пятизвездочный номер люкс в виде бомбоубежища оккупировали эти ублюдки. — Она размяла занывшее плечо — Пришлось искать вариант попроще.

Коул, убедившись, что помещение действительно безопасно, снял винтовку и прислонил к стене.

— Ладно, бойцы, вольно. Отдыхаем. — Он сбросил рюкзак, и пыль взметнулась в воздух. — А к вам, Джоан, у меня есть кое-какие вопросы.

— Мы прибыли неделю назад, — она достала зажигалку и смятую пачку сигарет, её голос был тихим, будто она давно не говорила вслух. — Группа "Альфа". Четверо. Наша задача была проста — найти источник заражения, собрать данные, эвакуироваться.

Она сделала затяжку, дрожащими пальцами придерживая сигарету.

— Мы не знали, во что ввязываемся. Нас послали за образцами, но тут творился настоящий ад...

Джоан покачала головой и продолжила.

— Сначала всё было тихо. Мы нашли лабораторию. Разгромленную. Стены — в царапинах, будто что-то рвалось наружу изнутри.

Она потянулась к рюкзаку, валяющемуся у её ног, и вытащила грязную потрепанную папку.

— Вот. Всё, что мы смогли достать.

Коул взял папку, медленно листая страницы. Формулы. Генетические схемы. Фотографии существ, похожих на людей.

— Они скрещивали людей с чем-то... — прошептала Джоан.

Ович нахмурился:

— С чем именно?

Джоан потерла виски, будто пытаясь выдавить из памяти кошмар.

— Не знаю. В записях — формулы, коды. Я пыталась это читать, но... — её голос сорвался. — В моём состоянии я ничего не смогла разобрать.

Коул взял документы. На одной из страниц — схема, напоминающая ДНК, но с аномальными ответвлениями. На другой — результат экспериментов.

— Вы пытались связаться с базой? — спросил Коул, сжимая папку в руках.

— Сигнал глушили. Что-то мощное, не просто помехи. Мы решили идти к точке эвакуации сами. А потом... мы наткнулись на них.

Она снова затянута, дым клубился в жёлтом свете аварийной лампы.

— Вы же видели их. Этих... существ. — Она провела рукой по лицу. — Они не просто какие-то животные. Они умные. Охотятся стаями. Заманивают в ловушки.

Коул молча кивнул. Они уже столкнулись с этим.

— Они вылезали отовсюду. Сначала мы отбивались от них. Потом появились... другие.

Она резко встала.

— Кристенсен сказал, что в канализации безопаснее. Он ошибался.

— Лейф и Джанкарло умерли у меня на глазах. Один из этих... невидимых ублюдков... просто разорвал Карло пополам. Будто он был из бумаги.

Коул переглянулся с Яреком.

Джоан сделала последнюю затяжку, и оранжевый огонёк осветил её исхудавшее лицо на мгновение, прежде чем она раздавила окурок о ржавую трубу.

Коул нашёл пометку о "невидимках". Среди записей выделялась одна фраза: "Объект SRPNT-9: активный камуфляж, фаза нестабильности — 74%".

— Если они умеют и такое... - он не договорил, но все поняли. Поняли слишком хорошо.

Джоан резко встала, сбрасывая с себя оцепенение.

— Вы все выглядите так, будто прошли через ад, — её движения были резкими и нервными, когда она рылась в аптечке.

Коул молча расстегнул куртку, обнажив рваную рану на плече. Края укуса уже начали синеть, кожа вокруг была воспалённой и горячее на ощупь.

— Потерпите. Будет жечь, — предупредила Джоан, нанося мазь. Коул резко вдохнул через зубы, но не издал ни звука.

— Читал ваш рапорт о той операции в Германии, — сквозь боль он заставил себя говорить. — Вы спасли десять человек.

Джоан коротко усмехнулась:

— В детстве любила чинить сломанные игрушки. Видимо, привычка.

Игла вонзилась в плоть, нить потянулась за ней.

— Даже не хочу знать, что вас так потрепало, — пробормотала она, сосредоточившись на швах.

Ович, копошась с походной плиткой, нервно рассмеялся.

— Ахрененно огромная муха и её личинки. Каждая — размером с добермана.

Коул молчал. Где-то там, в тёмных тоннелях и на разрушенных улицах остались их люди.

— Антон остался там, — наконец выдавил он. - Обрушил тоннель на них... и на себя.

В голове всплыло лицо Антона — уставшее, с едва заметной улыбкой в уголках губ.
«Тридцать лет. Вся жизнь впереди. А теперь — его нет»

Коул закрыл глаза.

— В начале дня нас было шестеро...

Игла на мгновение замерла. "Мои соболезнования," - прошептала Джоан. В её глазах читалось понимание - она знала эту цену слишком хорошо.

Ович порылся в карманах, нахмурился, затем чертыхнулся:

— Сука, спички были в рюкзаке того полоумного деда.

Он огляделся, его взгляд остановился на Джоан, которая сидела на корточках рядом с Коулом, заканчивая перевязку.

— Мадемуазель, не одолжите ли зажигалку старому солдату? — его голос звучал устало, но он пытался флиртовать.

Джоан молча кивнула, достала зажигалку — ту самую, которой стерилизовала иглу перед тем, как зашивать рану Коулу.

— Лови.

Ович поймал ее одной рукой, поблагодарил кивком, затем потянулся к вещмешку. Через мгновение в его руках оказалась банка тушенки, помятая, но целая.

— Хлеб и вода — и голода нет, — пробормотал он, вспоминая старую польскую поговорку, и принялся вскрывать банку ножом.

Джоан закончила зашивать рану Коула, аккуратно завязав узел.

— Ну, как теперь ощущения?

Коул медленно размял плечо, проверил подвижность.

— Лучше. Намного лучше.

Она кивнула, затем достала йод и бактерицидный пластырь из сумки Антона. Красный крест на боку был почти не виден под слоем засохшей крови.

Тьерри сидел в углу, прислонившись к стене. Его пальцы нервно барабанили по колену, глаза были широко раскрыты, но взгляд — пустой, будто он смотрел сквозь стены, в какую-то другую реальность.

Его мысли кружились, как листья в урагане.

— Я не должен был здесь быть. Я ученый, а не солдат. Я не должен бегать по канализации и стрелять в тварей, которые даже не подчиняются законам биологии!

Он почувствовал, как по спине пробежал холодный пот.

— Нет, я не солдат... Je ne suis pas soldat... — его шепот был едва слышен, но Джоан уловила его.

Она подошла к нему, присела рядом.

— Мистер Трантин, я должна вас осмотреть.

Тьерри вздрогнул, словно очнувшись.

— Раз мы хотим выбраться, моя задача — убедиться, что вы в состоянии держать оружие.

Она аккуратно прикоснулась к его лбу, затем быстро нащупала пульс на запястье.

— Опишите ваше состояние.

Тьерри сглотнул.

— Озноб... по всему телу. Я.... может, подхватил что-то от этих тварей?

Его зубы стучали, голос дрожал. Слабый свет фонаря мерцал на стенах убежища, отбрасывая колеблющиеся тени. Джоан склонилась над Тьерри, проверяя зрачки. Они были расширены, большие круги темнели под глазами, будто он не спал неделями.

— Видела я такое, — её голос был тихим, почти материнским. — Бойцы, что пережили сильный стресс, часто таким страдают.

Она наклонилась ближе, прислушиваясь к его дыханию.

— Вы, я так понимаю, не солдат.

Тьерри медленно покачал головой.

— Нет... — его голос дрогнул. — Я — учёный. Один из ведущих химиков в "Онирикью Индастриз".

Флэшбек.

Лаборатория. Белые стены. Стерильность. Он стоит перед пробиркой, в которой пульсирует жидкость, меняющая цвет от кроваво-красного до ядовито-зелёного. Его начальник хлопает его по плечу: "Тьерри, это прорыв!"

Но сейчас он сидел в подполье, в грязи, с трясущимися руками.

— Да вот, чёрт дернул пойти геройствовать...

Он вздрогнул, когда игла вошла в плечо. Лекарство жгло, распространяясь по венам.

Джоан грустно улыбнулась. Она видела таких, как он. Учёных, инженеров, медиков — тех, кто не был готов к настоящему аду.

— Ну, я так понимаю, ещё лет десять не соберётесь теперь.

— Эй, а когда моя очередь? — голос Ярека раздался с другого конца комнаты. Он сидел, развалившись, с набитым ртом. — У меня... между прочим, нога почти сломана! Он проглотил еду, делая вид, что страдает, но в глазах светился привычный огонёк.

Джоан вздохнула, поднимаясь.

— В порядке очереди, пан Ович.

Он ей не нравился. Грубый. Бестактный. Слишком уверенный в своей неуязвимости. Но он был частью команды.

Тьерри глубоко вздохнул, цвет постепенно возвращался к его лицу.

— Ох, да... Мне становится лучше.

Джоан слегка хлопала его по плечу.

— Поправляйся.

Она повернулась к Яреку, доставая бинты.

— Ну что, герой, показывай свою "сломанную" ногу.

Ярек хмыкнул, но послушно протянул ногу. Его обычно насмешливый рот сейчас был искривлён гримасой боли. Правая нога, освобождённая от штанины, лежала на другом ящике — кожа выше колена была разорвана в клочья, из раны сочилась тёмная кровь, смешиваясь с грязной водой на полу.

Джоан опустилась перед ним на колени, осторожно обследуя рану.

— Чёрт возьми, женщина, да не сюсюкай ты там! — Ович дёрнулся, когда её прикосновение стало чуть болезненнее. — Или ты решила, что я какой-то раненый щенок?

Джоан даже не подняла головы, продолжая работу. — Если бы ты вёл себя как взрослый мужчина, а не как испорченный подросток, мне бы не пришлось с тобой нянчиться, — её голос звучал устало, но в нём явственно слышалось раздражение.

Она резко дёрнула за завязку жгута, и Ович аж подпрыгнул:

— А-а-а, сука! Ты специально, да?!

— Специально, — подтвердила она равнодушно, заливая рану антисептиком. Жидкость зашипела кровавой пеной. — Если не продезинфицировать как следует, к утру у тебя начнётся гангрена. Хочешь, чтобы я отпилила тебе ногу ржавой пилой без анестезии? Или ты предпочитаешь помереть от заражения крови, как последний идиот?

Тьерри, наблюдавший эту сцену, невольно фыркнул, но тут же сделал вид, что закашлялся. Коул стоял у входа, его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах читалось утомление от этой бесконечной перепалки.

Ович скрипнул зубами: "Да я тебе сам всё отпилю, стерва! Ты вообще кто такая, чтобы..."

— Я - единственный медик в радиусе двадцати километров, - перебила она, накладывая повязку с такой силой, что у поляка перехватило дыхание. — И, если ты ещё раз назовёшь меня «стервой» таким тоном, я залью йод прямо тебе в глаз.

В воздухе повисло напряжённое молчание. Даже капающая вода за стенами будто затихла. Ович мрачно уставился на свою перевязанную ногу, потом на Джоан, которая уже собирала медицинские принадлежности.

— Ну что, герой? — она наконец подняла на него взгляд. — Будешь ныть дальше или скажешь «спасибо» как воспитанный человек?

Ярек замер на секунду, его скулы напряглись... и неожиданно растянулись в ухмылке:

— Спасибо, сестричка. Но если ты думаешь, что теперь я тебе должен, то...

— Заткнись, Ович, — хором сказали Коул и Тьерри.

Джоан лишь покачала головой и отошла к своему рюкзаку, оставив поляка сидеть с глупой улыбкой. Где-то далеко эхом отозвался странный, скрежещущий звук... но в этот момент на него никто не обратил внимания.

Коул сделал затяжку сигареты, чувствуя, как едкий дым заполняет легкие. Пепел осыпался на пол. Он потёр шею — мышцы ныли от постоянного напряжения. Перед ним лежала развёрнутая папка с названием «Проект Жизнь», переданная Джоан.

"Ламар и его прихвостни заплатят за это", — подумал Коул, представляя, как врежет кулаком в самодовольную рожу генерала. "Скрывали. Лгали. Подставили нас под удар."

Он резко затушил окурок о стену, оставив чёрный след на облупившейся краске, и перевернул деревянный ящик, создав импровизированный стол. На него он разложил содержимое папки: листы, испещрённые убогим почерком и сложными формулами, несколько выцветших фотографий. Вместо ожидаемого жесткого диска — кипа бумаги. Кто-то настолько боялся утечки, что оторнул всю свою продвинутую технику. Прятал итоги своих открытий в архаичной, хрупкой, но неуловимой для взлома форме. Значит, в этих бумагах было нечто, за что можно было умереть. Так же он вытащил тот старый диктофон, что передал ему старик. Всё это выглядело как обрывки параноидального кошмара, собранные в кучу.

Первые страницы были изуродованы чёрным маркером — целые абзацы вымараны, оставлены лишь обрывки фраз:

"Находился... Был подвергнут... Данные о...."

Ничего внятного. Лишь ощущение, что кто-то спешно скрывал самое важное.

Далее — записки, написанные нервным почерком, будто под давлением:

«17.06.35 — Объект ВТ-6200 — трансформация неустойчива. Корреляция с фрагментом метеорита? Они думали, что контролируют эволюцию... метеорит старше нашей цивилизации»

Коул нахмурился. "Кто "они"? Мутанты? Или что-то ещё? Значит, это не просто вирус... Они что, нашли инопланетный био-вирус?"

Следующий лист — размытый снимок с камеры наблюдения.

На нём мужчина лет сорока, стоящий среди учёных в белых халатах. Лицо нечёткое, но... знакомое.

Коул прищурился, пытаясь вспомнить.

"Где я его видел?"

Рядом — оборванная записка:

"... Показатели «Машины Уэллса» не стабильны, нужно провести ещё несколько тестов на полученных образцах. При 80% мощности наблюдаются аномалии..."

Он видит фотографию, где запечатлён испытательный стенд с «Машиной Уэллса». На заднем плане — силуэты людей в защитных костюмах.

Выдержка из отчёта:

«При тестировании на подопытных образцах наблюдалась аномальная реакция — органическая материя сплавилась с металлической решеткой. Образец сохранял двигательные функции, но центральная нервная система деградировала за 37 секунд.»

"Тот вертолёт... Пилот был словно впаян в сиденье. Будто их склеили на молекулярном уровне..." и тут же вспомнил ещё кое-что, из далекого прошлого.

Коул застыл, сжимая в руках потрёпанный листок с отчётом. Буквы расплывались перед глазами, но фраза «сплавилась с металлической решеткой» жгла мозг, как раскалённая игла.

Кавказ. Один из его сослуживцев, вернее то, что от него осталось - окровавленная масса, вплавленная в куски металлолома. Глаза — живые, умоляющие.

Коул зажмурился, но картинки не исчезали — они впивались в сознание, как те самые металлические щупальца, сплавляющие плоть с железом. Он стиснул зубы.

«Затолкать обратно. В темноту. Туда, где всё это гниёт уже десять лет.»

Коул открыл глаза и снова начал изучать документы, лежавшие перед ним.

Следующие записи:

"...подопытный ВТ-6213 не совсем стабильно перенес эксперимент... Видны серьёзные деформации организма..."

На этом текст обрывался.

Какие-то отчеты:

"Образец демонстрирует аномальную активность... клетки регенерируют по неизвестному принципу..."

"Геном Метеорита содержит последовательности, не соответствующие земной биологии..."

Коул натывается на фото того самого упавшего метеорита — чёрный, с прожилками, будто внутри что-то есть.

Он зажмурился и потер переносицу:

— Метеорит... Пришельцы... Это что ещё за хрень? Ладно, допустим, упал метеорит. Но как он превратил людей в этих тварей?"

Далее — фотографии, сделанные в лаборатории.

Первая: Хирурги в масках препарируют что-то гуманоидное на операционном столе. Тело неестественно выгнуто, кожа покрыта пузырями.

Вторая: Странные механизмы, напоминающие гибрид медицинского оборудования и пыточных устройств. Шланги, провода, иглами впивающиеся в плоть.

Третья: Криокапсулы. Внутри — тени. Человеческие? Или уже нет?

Коул почувствовал, как холод скользит по спине.

"Что за ад они тут творили?"

Тьерри, до этого молча наблюдавший за ним из угла, не выдерживает и подходит ближе. Его тень нависает над столом, а глаза жадно скользят по страницам.

— Это не просто метеорит, — вдруг говорит он, резко тыча пальцем в странные символы, вплетённые между строк. — Смотрите — эти иероглифы. Они повторяются в структуре ДНК-образцов. Как будто... кто-то их запрограммировал.

Ярек, массиравший поврежденную ногу, поднимает голову. Его брови сдвигаются, и он, неспешно прихрамывая подходит, заглядывая через плечо Коула.

— Не иероглифы, — бросает он, прищуриваясь. Проводит пальцем по знакам, будто пытаясь прочесть их на ощупь. — Это не кириллица и не латиница... Даже не древнешумерское. Но кое-что я могу разобрать.

Он задержался на одном из символов — странном, угловатом, будто составленном из кристаллических граней.

— Здесь... 'Пробуждение'. Или 'Возрождение'. А это... 'Предел'?" — он внезапно морщится, отдергивает руку. — Чёрт, будто кто-то намеренно исказил язык.

Тьерри хмурится, его пальцы нервно постукивают по столу.

— Если это послание... то, от кого? Кто мог отправить метеорит?

Коул не отвечает. Его взгляд прикован к последней странице — отчёту о "первом контакте". Там, среди сухих научных терминов, выделено красным:

"Образец демонстрирует свойства, не соответствующие земной биологии. Кристаллическая решётка реагирует на человеческую ДНК. При сканировании выявлены микроскопические структуры, напоминающие... механизмы?"

Механизмы? Мысль ударяет, как молот.

— То есть это... техно-органическая зараза?! — вырывается у него.

Тьерри бледнеет. Его глаза расширяются, и он медленно отступает от стола, будто боится, что бумаги заразят его одним прикосновением.

— Это... инопланетное вмешательство, — шепчет он. — Мы имеем дело не с мутацией, а с чужим оружием.

Ярек хмыкает, резким движением досылая патрон в пистолет. Звук затвора, короткий и чёткий, режет тишину, как нож.

— Какая на хрен разница, что это за твари? Хоть зелёные человечки с Марса, хоть демоны из глубин ада — их всех ждёт один конец.

Коул взял диктофон, нажал кнопку воспроизведения.

Из динамика раздался голос — искривлённый, будто пропущенный через помехи:
«... Морозов считает, что мы можем получить финансирование от военных... У нас есть идеи, но не хватает финансирования... Они могут нам это предоставить»

Следующая запись:

«...если вы слышите это... ВТ-6213... они сделали это со мной... я не могу больше контролировать процесс... я должен...положить...этому... конец...»

Запись оборвалась.

Вопросы без ответов. Коул закрыл глаза.

Ович и Тьерри отошли. Оставили его одного. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы как-то всё переварить.

Коул провел ладонью по лицу, стирая с него грязь. "Метеорит. Эксперименты. Мутации." Обрывки фраз, схемы молекул, фотоотчеты... Казалось, кусочки пазла вот-вот сложатся. Но не складывались.

Он хмыкнул, разминая раненое плечо. Боль была тупой, навязчивой, но терпимой — ровно настолько, чтобы не мешать делу. Встал. Потянулся. Кости ответили глухим хрустом, будто напоминая: "Ты не железный. И ты тоже можешь сломаться."

Где-то за стеной раздался глухой скрежет, намекающий что они засиделись и им пора уходить.

— Так, ребята, все пришли в себя? — голос Салливана звучал спокойно, но в глубине читалась усталость. — Передышка окончена. Нам нужно выбраться на поверхность и связаться с базой.

Он потянулся за вещмешком, достал помятую карту метро и разложил её на ржавой бочке. Бумага была влажной на ощупь, края расползались от сырости, но линии тоннелей ещё можно было разобрать.

— К сожалению, в прошлый раз у нас не вышло, но мы смогли отправить зашифрованный сигнал SOS. — Он ткнул окурком в одно из обозначений. — Мы пришли отсюда.

— А теперь мы здесь.

Окурок переместился чуть левее.

— Дренажный коллектор идёт под всем городом. Если пройдем по нему, выйдем на ближайшую ветку метро, а оттуда — на поверхность.

Ярек, сидя на корточках, щёлкнул затвором пистолета.

— Звучит как план, командир.

Коул усмехнулся:

— Я тебя обрадую — это он и есть.

Покинув убежище Джоан, они вскоре оказались в новом секторе канализации. Тоннели. Воздух здесь был ещё гуще, пропитанный запахом ржавчины, стоячей воды и крысиных экскрементов.

Ржавые трубы различной толщины опутывали потолок и стены, переплетаясь в чудовищный клубок. В свете фонарей их тени колыхались, словно металлические щупальца, готовые в любой момент ожить.

Они добрались до большого помещения, где было четыре небольших островка, разделённых чёрной водой. Между ними должны были быть мостики, но сейчас они висели в поднятом положении.

Тьерри подошёл к одному из рубильников, покрытых слоем окиси.

— Должно сработать...

Он дёрнул рычаг. Ничего. Только сухое щелканье контактов где-то в темноте.

— Нужно подать питание на мост, — пробормотал он, оглядываясь.

Ович щёлкнул фонарём, луч света скользнул по воде.

Коул прищурился, наблюдая, как Тьерри с ловкостью часовщика снимает защитный щиток с панели управления.

— Справишься? — спросил Коул, прикрывая спину ученого.

— Да, тут все просто, — пробормотал Тьерри, и быстро отсоединил перегоревшие провода. Он достал из вещмешка свое устройство — странный гибрид мультиметра и портативного генератора, собранный, казалось, из подручных деталей. Зеленые светодиоды замигали, как огоньки светлячков в темноте.

Первый рывок рубильника вызвал лишь слабое гудение трансформаторов где-то в глубине станции. Мост не шелохнулся.

— Черт, — Тьерри увеличил мощность, его устройство зашипело, но результат остался прежним. — Напряжения недостаточно. Нужен дополнительный источник питания.

Его взгляд упал на соседнюю платформу, где виднелась еще одна панель управления.

— Есть идея. Кто-то должен добраться до той панели и активировать подачу энергии на этот рубильник.

— Ович, выполняй, — скомандовал Салливан.

Ярек нехотя подошел к узкой, прогнившей доске, перекинутой через черную воду коллектора. Доска прогнулась под его весом, издав тревожный скрип.

— Просто сказочный мостик, — пробормотал он, осторожно переступая. Металлические крепления скрипели, ржавчина осыпалась вниз, растворяясь в темной воде.

Добравшись до платформы, Ович взобрался по шаткой лестнице. Панель управления оказалась покрыта слоем грязи и плесени, но кнопки и рычаги все еще были различимы.

— Ович, что ты видишь? — крикнул Тьерри.

— Кучу кнопок и пару рычагов, — ответил Ярек, протирая панель рукавом. — Ничего похожего на твоё описание.

Его взгляд упал на два щитка по бокам. Без лишних раздумий он дернул оба рычага одновременно.

Где-то в глубине тоннелей заскрежетали шестерни, загудели моторы. Мост с грохотом опустился на место.

Перейдя мост, отряд оказался перед узким тоннелем. Коул первым вошел внутрь. Шаги эхом разносились по коридору.

Через несколько минут они вышли на развилку.

— Только не говорите, что нам надо разделиться, — проворчал Ович, высвечивая фонариком обе ветки.

— Черта с два, — резко ответил Салливан. — Чтобы вас там порешил какой-нибудь гибрид?

Выбрав левый проход, они вскоре снова оказались перед развилкой.

— Черт, мы вернулись на то же самое место, — выругался Коул, ударив кулаком по стене.

— А мне кажется, что это другое место, — осторожно заметила Джоан.

— Когда кажется — креститься надо, — влез Ович, указывая на ржавый вентиль. — Я точно такой же видел раньше.

— Если ты не заметил, мы в канализации, — парировала Джоан. — Тут полно одинаковых ржавых труб.

Вода, стоявшая по щиколотку, была черной и маслянистой, отражая свет фонарей, словно гнилой нефтью.

— Мы что, по-вашему, заблудились? — голос Тьерри прозвучал неестественно громко в этой гнетущей тишине. Он водил лучом фонаря по стенам с облупившейся плиткой и ржавыми трубами. Его наполняло нарастающее чувство, что они идут по кругу.

Коул остановился, его профиль резко очертился в свете фонаря.

— Не уверен в этом, — его голос был спокоен, но в этом спокойствии чувствовалось напряжение стальной пружины. — Пойдем этим путем.

Они двинулись дальше, но уверенности не прибавилось. Каждый шаг отдавался многократным эхом, превращаясь в жуткую какофонию — казалось, за ними крадется целый отряд невидимых преследователей. Вода хлюпала, сапоги скрипели, дыхание учащалось...

И вдруг Коул резко поднял руку.

— Тихо! — его шепот прозвучал резко. — Слышите?

Все замерли. Стало слышно что-то новое — влажное, булькающее дыхание, перемежающееся с фырканием. Оно доносилось сверху.

Джоан медленно подняла фонарь...

— Вашу мать! — закричала она.

С потолка, срываясь каскадом гниющей слизи, прыгнуло нечто.

Это была крыса. Но не простая — размером с крупного пса, с серо-зеленой, лысеющей кожей, покрытой язвами и кровоточащими трещинами. Ее передние лапы были непропорционально длинными, с когтями, похожими на ржавые гвозди. Голова — лысая, с клочьями свисающей кожи, — усеяна выпученными красными глазами, в которых не было ничего живого, только голод и безумие.

Она клала зубы — длинными, желтыми, искривленными, как у пирании.

Флешбек Ярека:

Казармы в Гданьске. Ночь. Он, молодой рекрут, вместе с другими спускается в подвал — ловить крыс. Смех, шутки. Пока одна из них — крупная, злая — не впицается ему в руку. Он бьет ее об стену, слышит хруст костей, но тварь не отпускает. Кровь течет по пальцам. Потом выстрел — кто-то пристрелил ее. Но чувство этих зубов на своей плоти он запомнит навсегда...

— Блядь! — Ярек инстинктивно отпрянул, его рука потянулась к ножу.

Но Джоан была быстрее. Выстрел грохнул, как взрыв, оглушая всех. Пуля снесла крысе полголовы, вырвав клочок кожи и мозговой ткани. Тварь дернулась, как марионетка с оборванными нитками, и рухнула в черную воду, подняв фонтан брызг.

Эхо выстрела еще долго катилось по тоннелю, постепенно затихая.

Коул присел на корточки, осматривая странное создание.

— Что это еще за херня? Местные крысы? — его голос звучал спокойно, но пальцы непроизвольно вцепились покрепче в автомат.

Джоан, прислонившись к стене, тяжело дышала:

— Несколько таких я уже успела тут пристрелить.

Ович фыркнул, пнув труп ногой:

— Видимо, не тем их травили.

В этот момент из глубины тоннеля донесся скрежет когтей по бетону. Джоан резко выпрямилась:

— Скоро сюда сбегутся и другие. Нужно поторапливаться.

Коул кивнул:

— Отряд, прибавим ходу! И внимательнее смотрите по верху.

Как и предполагала Джоан, вскоре послышались странные звуки – скрежет, шипение, сдавленные визги. Крысы-переростки шли по пятам, их горящие глаза мелькали в темноте.

Отряд двигался цепочкой:

Коул – впереди, автомат наготове, Джоан – за ним, сжимая пистолет, Тьерри и Ович – замыкающие.

Тоннель был узким, вода хлюпала под ногами, а единственным светом оставались мерцающие лучи их фонарей.

Атака. Из пролома в стене с визгом выпрыгнула еще одна крыса – прямо на Тьерри. Ее когти впились в плечо, острые зубы щелкнули в сантиметре от лица.

— Черт! — Тьерри вскрикнул, пытаясь сбросить тварь. Мутант едва не выцарапал ему глаз, но ученый резко развернулся и вдавил крысу в стену.

Что-то в нем надломилось. Все эти часы страха, смерти, безумия – все вырвалось наружу. С диким криком он начал бить крысу прикладом по голове:

— Мразь! Сука! Crève, pétasse !!! Сдохни!!!

Череп треснул, кровь брызнула в лицо, но он не останавливался, продолжая долбить уже бесформенную массу.

— Французик, успокойся. Кажется, он мертв, — сказал Ович.

Тьерри замер, тяжело дыша. Он посмотрел на свои руки, покрытые кровью и мозгами, на размазанную по стене тушу.

— Да, ты прав... Ух.

Но передышки не было. Из соседних проломов вылезли еще две крысы, а сзади слышалось приближение других. Джоан прицелилась, но не стреляла – ждала, пока твари подойдут ближе.

Ович перезарядил винтовку:

— Ну что, профессор, готов повторить подвиг?

Тьерри вытер лицо, его глаза снова стали холодными и расчетливыми:

— Только если вы обещаете не рассказывать, как я выглядел минуту назад.

Джоан тихо рассмеялась:

— Договорились. Теперь заткнитесь и стреляйте.

Тоннель гудел от визга, скрежета когтей и выстрелов.

— Как крысы в западне, — прошептал Коул, оценивая ситуацию.

— Ненавижу такие сравнения! — рявкнул Ович, целясь в крысу.

Выстрел. Лапа твари разлетелась в кровавое месиво. Существо завизжало, попыталось убежать, но второй выстрел разнёс его голову, разбрызгав мозги по стене.

Ещё одна крыса кинулась на него, клыки блеснули в полумраке. Но армейский сапог Ярека оказался быстрее — сокрушительный удар, и тварь отлетела, шлёпнувшись на спину.

— Сколько я таких крыс перебил в подвале у родителей — счёту нет! — Он наступил на её голову. Хруст.

На Коула прыгнула крыса с потолка. Он не стал тратить патроны — достал армейский нож.

Тварь впиалась в него, когти рвали куртку, зубы щелкали у самой шеи. Коул впечатал её в стену, придушил локтем. Нож вошёл в живот — раз, два, три. Крыса захрипела и сдохла. Труп сполз по стене, оставляя кровавый след.

Но — что-то схватило его за ногу. Падение. Перед ним — крыса-альбинос.

Пепельно-белая кожа, клочья шерсти, кровавые глаза. Морда ободрана, череп проглядывал сквозь плоть.

Хвост взмахнул — удар пришёлся в пол, оставив трещину. Коул уклонился, перехватил нож, отбивался. Лезвие полоснуло по хвосту — кровь брызнула. Визг.

Рывок — схватил хвост, дернул, подтянул тварь к себе. Удар ногой в морду.

Подъём, оружие на изготовку.

— По моей команде! — крикнул он Тьерри. — Огонь!

Залп. Тело крысы разорвало — куски мяса упали в воду.

Ович и Джоан отстреливались.

— Пора решать проблемы кардинально! — Ярек выдернул гранату, кинул в толпу.

— Ты что, чёрт возьми, творишь?! — Джоан поняла — взрыв в тоннеле равно смерть.

— Ложись! — Она сбила Овича с ног.

Взрыв. Стены закачались, потолок посыпался. Пол под Коулом треснул.

— Твою ма...

Провал. Падение. Внизу — вода, грязь, тьма.

— Коул! — Тьерри крикнул, цепляясь за вентиль.

— Если не считать, что я по уши в дерьме — всё замечательно! — донёсся снизу голос.

Джоан с трудом поднялась на колени, её уши всё ещё звенели от взрыва. Она судорожно зажала ладонями голову, пытаясь заглушить пронзительный гул, заполнивший череп. Она могла издавать только прерывистые, хриплые вдохи.

Рядом зашевелился Ович. Он перекатился на бок, сплюнув комок пыли и крови. Его лицо было покрыто мелкими царапинами, а в глазах стояла та самая безумная искра, которая всегда появлялась после удачных взрывов.

— Блять... — прошипел Ович.

Джоан резко повернулась к нему, глаза её горели яростью:

— Ты мог нас на хрен угробить, тупица!

Ярек лишь слабо ухмыльнулся, прикрыв глаза. В его памяти всплывали обрывки другого взрыва, другого времени...

— Но не угробил же. — он провёл языком по потрескавшимся губам. — Напомнило наш с Коулом замес в Бразилии. Я тогда подорвал целый гребаный дом. Весёлое было времечко...

— Да я смотрю, ты просто кайфуешь от этого дерьма, Ович.

— Не меньше, чем от твоей компании. — Он еле заметно подмигнул, хотя это движение далось ему с трудом.

Джоан показала ему средний палец, но всё же протянула руку, помогая подняться. Её пальцы на мгновение сжали его запястье чуть крепче, чем нужно — немой упрёк, который он прекрасно понял.

Из облака пыли почти выполз Тьерри. Его очки были покрыты слоем серой взвеси, а голос был напуганным:

— К-к-коул! Он упал на нижние уровни!

— Он жив? — Джоан резко повернулась, приходя в себя.

— Да, кажется... — Тьерри снял очки, пытаясь протереть их дрожащими пальцами. Пыль осыпалась с его каски, когда он неуверенно поднялся на ноги.

Трое подошли к зияющему пролому. Тьерри направил луч фонаря вниз, освещая груды обломков и чёрную воду. Глубина — метра два с половиной. Не смертельно, но достаточно, чтобы сломать ногу при неудачном приземлении.

Из темноты донёсся голос Коула:

— Если вы там перестали пинать хер, спускайтесь вниз. Тут я нашёл кое-что интересное.

Тьерри первым прыгнул вниз. Его приземление сопровождалось громким всплеском и проклятием на французском. Он поднялся, отряхиваясь, вода стекала с его формы.

— Что, чёрт возьми, там случилось? — спросил он, вытирая очки.

— Ович обрушил тоннель, взорвав гранату, — ответила Джоан, готовясь к прыжку.

— Ему мало было одного обрушения, что ли?

Она прыгнула ловко, как кошка, едва всплеснув водой. Ович последовал за ней, приземлившись с тяжёлым стуком.

Джоан сразу заметила, как Коул, присев на корточки, внимательно разглядывает что-то в воде. Коул поднялся, его сапог наткнулся на что-то мягкое. Он пнул — и из полумрака выкатилась куча полурасложившихся отходов, перемешанных с костями.

— У кого-то недавно была трапеза, — его голос звучал сухо, но в глазах промелькнуло отвращение.

Тьерри наклонился, фонарик осветил деформированный череп — глазницы, словно расплавленные, сливались в одну, а переносица неестественно вытянулась, будто пытаясь превратиться в нечто иное.

— Боже... — он резко отпрянул, как будто обжёгся.

— Что-то большое, — пробормотал Коул, разглядывая останки. — Раз смогло сожрать взрослого человека целиком.

— А может, они жрут друг друга? — Джоан скрестила руки на груди, её голос дрогнул.

— Я на это надеюсь, — ответил Ович, но в его тоне не было обычной бравады.

Тьерри, всё ещё бледный, развернул карту, водя пальцем по линиям тоннелей.

— Куда нам теперь идти?

— Так как мы сбились с пути, — Коул бросил взгляд на Овича, — а благодаря пану Овичу, который устроил здесь мини-апокалипсис с гранатой, отрезав нам обратную дорогу, выбирать не приходится.

Тьерри вздохнул, но кивнул:

— Не всё так ужасно. Мы в тоннеле SHB-NK 203. Он должен вывести нас к центральному водоочистителю. Оттуда — на поверхность.

— Нет худа без добра, верно? — Ович фыркнул, подходя к груде останков. — Но вот это меня напрягает.

Тьерри поднял бровь:

— Я что, правда слышу, что тебя что-то напрягает?

— Да! — Ович развёл руками. — Представьте себе, я всё-таки человек, как-никак. И меня беспокоит, что где-то рядом бродит тварь покрупнее, чем крысы-переростки.

Джоан покачала головой:

— Иной раз я не понимаю, шутишь ты или нет.

Тоннель ответил им глухим эхом — где-то впереди что-то капнуло, и звук разнёсся, как предупреждение.

Тьма внизу была иной — густой, тяжелой, словно жидкий деготь. Фонарь Коула, поврежденный при падении, вспыхивал и гас, выбрасывая в темноту неровные полосы света. Они пробирались вперед, шаг за шагом, сапоги хлюпали по затхлой воде, поднимая волны черной жижи.

— Бойцы, держим ухо востро, а пушки наготове.

Голос Коула звучал приглушенный сырими стенами. Он встряхнул фонарь — свет на миг вспыхнул ярче.

Тьерри шел следом, его дыхание было частым, поверхностным. Он старался не смотреть вниз — вода, черная и маслянистая, казалась живой. Иногда в ней что-то шевелилось.

— Здесь... давно никого не было.

Ович, замыкающий колонну, фыркнул:

— Ну и слава богу. Меньше свидетелей.

Но шутка не разрядила обстановку.

Тоннель внезапно расширился, открыв перед ними огромное круглое помещение — старый котлован, заполненный бурлящей черной водой. Мост, решетчатый и ржавый, тянулся к центру, где виднелись смутные очертания механизмов.

И тут Тьерри заметил кости. Повсюду.

Обглоданные, разбросанные, утопленные в грязи. Черепа, ребра, торчащие, как спицы сломанного зонта.

— Черт... ну и вонь...

Запах ударил в нос — сладковатый, гниlostный, с примесью химической горечи. Тьерри схватился за стену, его тело содрогнулось, и его вырвало прямо в воду.

— Ох... Je m'excuse (Простите).

Он вытер рот рукавом, лицо побелело. Коул не стал комментировать. Его глаза скользили по теням, выискивая движение.

— Отряд, смотреть в оба. У кого-то зверский аппетит, и этот кто-то вполне может поджидать нас, где угодно.

Он перехватил автомат, палец на спусковом крючке. Решетка под ногами скрипела, прогибалась. Вода внизу бурлила, будто что-то большое шевелилось в глубине.

Джоан шла первой, она уже видела такое — и знала, что хуже может быть только молчание.

— Тихо... — прошептала она.

И тут фонарь Коула погас.

Тоннель внезапно задрожал. Вода, до этого лишь лениво плескавшаяся у сапог, заволновалась, будто всколыхнутая подземным вздохом. Пузыри грязной пены всплывали на поверхность, лопаясь с противным чавканьем.

— Назад! — Коул резко отпрянул, подняв автомат.

Из черной жижи начало подниматься нечто. Сначала показалась спина — бугристая, покрытая склизкими наростами, похожими на вскрывшиеся фурункулы. Каждый прыщ пульсировал, выделяя черную слизь. Затем тварь выпрямилась, и отряд увидел её целиком.

Три метра отвратительной плоти.

Тело, напоминающее раздувшегося малька-переростка, скрещенного с гигантским насекомым. Кожа — черно-зеленая, блестящая, как гнилой плод, облитая нефтью. Голова бесформенная, без глаз, лишь огромная пасть, из которой вываливался длинный, покрытый бородавками язык.

— Боже... — Джоан замерла, её пальцы вцепились в рукав Коула.

Тварь дышала. Густой, ядовитый пар вырывался из её ноздрей — вернее, из дыр, которые можно было принять за ноздри.

Тьерри, бледный как мел, прошептал:

— Это... это же Шоггот. Только у Лавкрафта он был симпатичнее.

Шоггот (другого названия этому кошмару просто не подходило) наклонил голову, словно прислушиваясь. Безглазый монстр повернулся к ним, ноздри раздулись.

— Оно слепое, — резко осознал Коул. — Ориентируется по запаху.

Тварь сделала шаг.

Длинные, кривые лапы с когтями, как у грифона, погрузились в воду. Хвост, массивный, гибкий и чешуйчатый, извивался за спиной, помогая удерживать равновесие.

— Не двигайтесь, — прошипел Ярек, медленно опуская руку к пистолету.

Но было поздно. Джоан, не выдержав, резко дернулась назад. Шоггот взревел. Пасть раскрылась, обнажая ряды кривых зубов, и он кинулся вперед.

Коул среагировал первым:

— Огонь!

Тварь заметила их сразу. Её слепая голова повернулась, ноздри раздулись, приняхиваясь.

— Расходимся! — Коул отскочил влево, увлекая за собой Джоан.

Ярек и Тьерри бросились вправо, за груды развалин.

Тварь взревела, и ее хвост, мощный, как бревно, свистнул по воздуху, едва не сбив Коула с ног. Он откатился, чувствуя, как ударная волна обожгла лицо.

— Держите дистанцию! — крикнул он, перезаряжая автомат.

Тьерри, прижавшись к ржавой лестнице, доставал коктейль Молотова, который он смастерил в убежище Джоан.

— Коул, нужно заманить его под трубы!

Но Шоггот уже устремился к нему.

Длинный, покрытый шипами, он выстрелил из пасти, как кнут. Тьерри не успел увернуться — жало вонзилось ему в плечо.

— А-АРГХ!

Боль пронзила тело, как раскаленный гвоздь. Яд. Он почувствовал, как мускулы немеют, зрение затуманивается.

Коул открыл огонь, целясь в язык. Пули разорвали слизистую плоть, и тварь отдернула его с пронзительным визгом.

Тьерри рухнул на колени, хватая рану. Кровь сочилась сквозь пальцы, черная от яда.

— Держись, французик! — Ярек бросился к нему, но в этот момент —

Из соседней трубы выпрыгнули крысы-гибриды. Джоан вскинула пистолет:

— У нас гости!

Ярек развернулся, винтовка рявкнула, разрывая первую крысу в клочья.

— Занимайтесь тварью, я прикрою!

Шоггот, тем временем, развернулся и понесся на Коула тараном. Тонна разъяренной плоти летела на него. Коул прыгнул в сторону в последний момент, и чудовище врезалось в опору трубопровода.

Металл заскрипел, трубы грохнулись, перекрывая проход. Теперь Коул и Тьерри — по одну сторону. Ярек и Джоан — по другую.

Шоггот встряхнулся, огрызаясь, между ними.

— Коул! — Ярек крикнул через завал. — Трубы!

Коул понял.

— Тьерри, можешь двигаться?

Ученый кивнул, сжимая горючую смесь.

Коул отбежал к краю котлована, стреляя, чтобы привлечь внимание. Шоггот рыкнул и побежал за ним. Тьерри, преодолевая боль, взобрался на остатки лестницы, забравшись над тварью.

— Сейчас, ублюдох...

Он поджег коктейль Молотова, разбив его об спину Шоггота. Тварь загорелась и завывала, бросилась в сторону, прямо под шатающиеся трубы.

Коул крикнул:

— Ярек!

Тот уже целился.

Выстрел разнес крепление, и металлическая машина рухнула на Шоггота, придавив его тоннами ржавого железа. Вода вздыбилась, захлебываясь пеной. Потом — один последний конвульсивный толчок...

Тьерри схватился за плечо, яд уже жёг ему вены. Ярек перелез через завал, осматривая Тьерри:

— Ну что, яйцеголовый, живой?

Тот слабо улыбнулся:

— К сожалению...

Они подняли Тьерри на ноги и побрели к выходу.

ГЛАВА 5 – Музей забытых кошмаров

Котлован остался позади, но его запах въелся в кожу, в волосы, в сами лёгкие. Отряд выбрался на заброшенные пути старой станции метро, где когда-то гудели поезда, а теперь царила тишина.

Коул первым выбрался из водоочистительного котлована, его сапоги оставляли мокрые следы на ржавых рельсах. Он обернулся, протягивая руку Джоан. Та молча приняла помощь, её пальцы дрожали, но сжимались с упрямой силой — она не позволит себе слабости. Не сейчас.

Тоннель тянулся вперед, уходя в черноту. Стены, когда-то облицованные плиткой, теперь покрылись плесенью и трещинами. Кое-где торчали оборванные провода, искрящие тусклым синим светом — словно последние признаки жизни в этом мертвом месте.

Тьерри шагал позади всех, держась за перевязанное плечо. Рана от Шоггота горела, но боль казалась далекой, словно приглушенной адреналином. Он моргнул, пытаясь прогнать туман перед глазами. Джоан, идущая рядом, тихо спросила:

— Сильно болит?

Он посмотрел на неё. Её лицо было бледным, под глазами — круги от усталости, но взгляд оставался ясным.

— Не смертельно, — он пожал плечами и тут же скривился. — Хотя, возможно, слегка смертельно.

Она фыркнула — короткий, неожиданный звук, больше похожий на сдавленный смешок.

— Значит, будешь жить.

— К сожалению, — повторил он.

Коул, шедший впереди, поднял руку — сигнал остановиться.

— Впереди развилка. Слева — тоннель, справа — какая-то дверь.

Ярек щёлкнул фонариком.

— Давайте в дверь. Я уже ненавижу эти катакомбы.

Тени длинными пальцами тянулись по стенам, цепляясь за остовы несостоявшихся экспозиций. Складское помещение музея напоминало склеп — здесь, в полумраке, под слоями пыли, покоились обломки истории, так и не дождавшейся своего открытия.

Стеклянные витрины, покрытые сетью трещин, хранили в себе странные артефакты: пожелтевшие карты с пометками красным карандашом, чучела животных с потускневшими глазами, бюсты партийных деятелей, чьи лица теперь казались не торжественными, а устало-равнодушными. В углу, накрытый брезентом, возвышался остов какого-то механизма — то ли старый паровой двигатель, то ли часть несостоявшейся инсталляции.

Коул первым переступил порог, ствол автомата всё ещё наготове. Его взгляд скользнул по углам, выискивая движение.

— Чисто.

Он сбросил рюкзак с плеч, и пыль взметнулась в воздух, закружившись в луче фонаря.

Ярек, войдя следом, тут же плюхнулся на ящик с надписью "Хрупкое. Осторожно", не обращая внимания на скрип древесины.

— Ну хоть тут не течёт с потолка.

Он снял шлем, провёл рукой по коротко стриженным волосам и тут же чихнул — пыль въелась в нос.

— Блядь. Даже тут дышать нельзя.

Тьерри осторожно присел на край деревянного поддона, стиснув зубы, когда боль от раны напомнила о себе. Он снял очки, протёр их краем грязного рукава и тут же пожалел – стёкла стали только мутнее.

— Идеально.

Джоан тем временем бродила между рядами.

— Смотрите, – она указала на стенд с фотографиями. – Это же старые строительные планы.

На пожелтевших снимках запечатлены люди в касках, застывшие перед огромным котлованом. Надпись гласила: «Граница-Нова / Горький-17. Закладка фундамента. 1974 год».

— Значит, музей должен был рассказывать о городе, – пробормотал Тьерри.

— Или скрывать, – добавил Коул, разминая плечи.

Ярек ковырялся в своём рюкзаке, пока не достал смятую пачку сигарет.

— Кто-нибудь?

— Ты серьёзно? – Тьерри посмотрел на него, приподняв бровь. – После всего, что мы сегодня видели, ты всё ещё куришь?

— Особенно после всего, что мы сегодня видели, – Ярек закурил, глубоко затянулся и выпустил дым к потолку. – Кстати, яйцеголовый, а что это за хрень была, с которой мы только что танцевали там в котловане?

Тьерри вздохнул:

— Если кратко? Что-то, что не должно существовать.

— О, спасибо, Коперник, – Ярек фыркнул. – А я думал, это просто злая шавка какая-то.

Джоан, прислонившись к витрине, вдруг засмеялась – коротко, неожиданно.

— Что? – нахмурился Ярек.

— Ничего. Просто... – она махнула рукой. – После всего этого кошмара мы сидим здесь, и ты спрашиваешь, что это было. Как будто мы на пикнике.

Ярек усмехнулся:

— А что, мне в панике биться головой о стену? И так день говённый.

Тьерри снова начал разглядывать стенд со старыми фотографиями города.

— Странное название для польского города... Горький-17 – задумчиво произнес он. Звучит как позывной шпиона из старого кино.

Ярек повернулся к нему:

— Раньше он назывался иначе. Граница-Нова — при поляках, Ноймарк — при немцах... А может, Стара-Весь — кто теперь разберёт.

— Так почему тогда «Горький»? И откуда цифра? – Тьерри поправил очки

Ярек пожимая плечами:

— Потому что здесь был исследовательский центр. Такие города всегда переименовывали — чтобы никто не задавал лишних вопросов. Дзержинск-12, Томск-7... Цифра — код объекта.

Тьерри решил пошутить:

— А «Горький» — потому что жизнь здесь была такой весёлой?

Ярек ответил без улыбки:

— Потому что химкомбинат тут был. И лаборатории исследовательские.

Джоан смотрит на очередную фотографию. На ней — улыбающиеся инженеры рядом с макетом «города будущего»

— Надеюсь, они хотя бы верили, что строят что-то хорошее.

Ярек скользит взглядом по фотографиям.

— Верили. Скорее всего.

Коул, тем временем, раскладывал карту на ящике, придавив углы пустыми патронами.

— Мы здесь ненадолго. Через полчаса двигаемся.

— В рай? — поинтересовался Ярек.

— Если повезёт, — Коул даже не поднял глаз.

Джоан обратилась к Тьерри, который всё продолжал морщиться от боли.

— Ты в порядке? — спросила она тихо француза.

Тьерри медленно кивнул, но тут же скривился от боли.

— О да, просто прекрасно. Чувствую себя, как после марафона... в котором меня несколько раз сбила машина.

Джоан слабо улыбнулась.

— Знаешь, в медкорпусе мы называли это "стандартным вторником".

— А что было в понедельник?

— Хуже.

Тьерри фыркнул, но тут же застонал, схватившись за плечо.

— Черт... Ладно, может, у тебя есть что-то обезболивающее? Или, на худой конец, крепкий алкоголь?

Джоан покопалась в своем рюкзаке и достала маленькую плоскую фляжку.

— Медицинский спирт. Но если разбавить водой...

— О, mademoiselle, вы читаете мои мысли! — Тьерри с благоговением взял фляжку, открутил крышку и тут же глотнул.

— Эй, я сказала — разбавить!

— Пф-ф... Какая разница? — он скривился, но тут же расслабился. — А знаешь, ты не такая, как другие вояки.

— Это комплимент?

— Наверное. Просто... ты не кричишь, не приказываешь. Ты... он задумался. — Нормальная.

Джоан рассмеялась.

— Спасибо. Это, наверное, самый странный комплимент, который я получала.

Ярек, наблюдая за ними, покачал головой.

— Даже раненый, он умудрился склеить эту цыпочку. Ну дает, французик.

Коул усмехнулся.

Где-то за стенами этого заброшенного музея ждал кошмар. Но здесь, среди пыльных экспонатов, на мгновение, они позволили себе просто быть людьми. Уставшими. Израненными. Но живыми.

Тьерри, перебирая содержимое своего рюкзака, краем глаза заметил неестественную скованность в движениях Ярека. Тот сидел на ящике, сгорбившись, судорожно сжимавшего и разжимавшего правый кулак. Обычно полный сил, он выглядел болезненно и сам на себя не похож.

Ярек знал, что теряет контроль. Тот нервный срыв на Коула в тоннеле — это был не столько гнев, сколько сбой системы. Импланты серии «Хром» не просто усиливали мышцы. Они вживлялись в нейронную сеть, искажая границы между болью, яростью и волей. Вспыльчивый характер Ярека становился ещё большей проблемой не только для окружающих, теперь уже и для него самого.

Ноющая боль накатывала волнами — это ощущалось как ржавчина, разъедающая сталь изнутри. Он надеялся продержаться по дольше, но тело предавало. Он достал из внутреннего кармана за бронежилетом ампулу. Специальная, круглая, прозрачная. Внутри перекачивалась маслянистая жидкость с фосфоресцирующим свечением, словно кусочек северного сияния.

Он нащупал у себя на затылке, под линией волос, холодный металл нейроразъёма. Без колебаний, с привычным движением, он ввёл иглу.

Ович закрыл глаза, и мир перевернулся. Боль отступила, словно её смыло морской волной. Голова пронзительно зазвенела. Он вздрогнул всем телом, закусив губу до крови. По его шее пробежала судорога, а в глазах на миг вспыхнул тот же фосфоресцирующий отблеск.

— Пусть нам всем будет хорошо, — прошептал он сквозь стиснутые зубы, — отныне и впредь, несмотря ни на что. Фраза звучала как древнее заклинание.

Через десять секунд он выдохнул, выронив пустую ампулу. Дрожь утихла. Он медленно сжал и разжал кулак. Тело снова его слушалось.

Тьерри не вмешивался, пока длился ритуал. Теперь он подошёл, его взгляд скользил по нейроразъёму, по неестественным контурам мышц на шее.

— Нейростабилизатор на основе модифицированных ноотропов и подавителей иммунного ответа, — сказал он с некоторым интересом. — Но ты вводишь его прямо в спинномозговой канал, через нестандартный интерфейс! Погрешность дозировки в полпроцента — и либо нейротоксический шок, либо пожизненный паралич. Или убьёт.

— Такова была цена, Профессор. — Ович повернул к нему голову. — Цена жизни. Которую мне пришлось отвоевать.

Тьерри присел на корточки, изучая белые шрамы на затылке Ярека.

— В тебе... «Хром» седьмой серии. «Онирикью Индастриз». — Он провёл пальцем по воздуху, будто вызывая из памяти схемы. — Эту разработку спонсировали военные. Потом проект свернули — нестабильная интеграция с ЦНС. Психические срывы, агрессия, отторжение тканей. Но твой... Он нахмурился. — Здесь видны следы кустарной модификации. Это ручная работа. Высокого класса, но не заводская. Как ты...

Ярек провел рукой по лицу и почесал щёку.

— Много лет назад я попал в одну мясорубку. Армейские хирурги сказали, что на скрипке играть я уже точно не смогу. Но мне... «повезло». Он произнёс это слово так, будто это было ругательство. — Нашёл одну конспиративную квартиру-морг на окраине Варшавы. Там работал грузный эфиоп с лицом, покрытым ритуальными шрамами. У него была кличка «Папа Карлос».

Он был бывшим военным хирургом и большим фанатиком андеграундного индастриала. Сказал, что поставит мне «Хром», но не «консервную банку» из армейского каталога, а свою версию — «Хром2.0». Разница была в цене и побочных.

Ценой стали не деньги, а несколько раритетных бутлеггов с концертов «KMFDМ» и «Coil», мне пришлось изрядно порвать жопу, чтобы их достать. Он сделал свою работу. Заштопал меня так, будто собирал любимый мотоцикл.

— И вот... вот она, цена. Эти чёртовы инъекции. Каждая — как маленькая смерть.

— Дозировку можно рассчитать точнее, — наконец сказал Тьерри, вставая. — Если дашь мне образец стабилизатора и доступ к интерфейсу на пять минут. Риск отторжения снизится на тридцать процентов.

Ярек хмыкнул.

— Ладно. Но если сожжёшь мне мозги — пристрелю.

Именно в этот момент раздался скрип сапог Коула. Тяжелый воздух висел в помещении, словно пропитанный десятилетиями пыли и забвения. Салливан медленно обошел груды обломков, его сапоги скрипели по рассыпавшемуся гипсу. Где-то в углу валялся пожелтевший скелет какого-то доисторического животного, его ребра торчали, словно пальцы мертвеца, пытающиеся выбраться из земли. Он заметил в темноте зияющий пролом в стене - неровный, с осыпающимися краями, будто пробитый чем-то огромным и сильным.

— Ович, проверь, не поджидает нас там кто, — приказал он.

Ярек достал пистолет. Его массивная фигура с трудом протиснулась в пролом, рассыпая кирпичную крошку. Внутри открылось обширное помещение - бывший выставочный зал, теперь превратившийся в сюрреалистичный лабиринт из музейных реликвий и строительного хлама. Где-то в углу стоял гипсовый макет древнего города, покрытый трещинами; рядом валялись полотна в золоченых рамах, их холсты прогнили и съезжились.

— В таких местах только дешёвые фильмы ужасов снимать, — пробормотал Ярек, осторожно продвигаясь вперед.

Он увидел тело. Труп лежал в неестественной позе - кожа бледная, с зеленоватыми чешуйчатыми наростами, шея вывернута под неестественным углом, голова будто вдавлена в плечи. Нижняя часть тела скрывалась за ржавыми бочками. Лицо... Боже, это лицо - с открытым в беззвучном крике ртом и впавшими глазами, в которых чернели угольки зрачков.

— Кажется, чисто...

Ярек подал знак остальным и уже собирался двинуться дальше, когда...

Труп дернулся.

Резко, судорожно, как марионетка на невидимых нитях. Глаза-угли загорелись лихорадочным блеском. Ович мгновенно спрятался за разбитое крыло старого аэроплана.

Тело начало извиваться, и тогда Ярек увидел - ноги мертвеца срослись в нечто чудовищное: скорпионий хвост, оканчивающийся костяным жалом. Ступни, искаженные и сросшиеся, образовали смертоносный шип.

"Что за ужас тут творится, мать твою?" - вырвалось у него.

Скорпионочеловек (другого названия этому кошмару просто не было) поднял голову, издав шипящий звук. И словно по команде, из-за развалин выползли еще двое таких же.

—Ты же сказал чисто? — донесся шепот Тьерри.

—Я сказал «кажется»! — огрызнулся Ярек, сжимая пистолет.

— Ну отлично, компания та ещё собралась, — пробормотал ученый, медленно отступая к пролому.

Ярек медленно провел ладонью по почти пустому подсымку, пересчитывая оставшиеся патроны. Его пальцы, привыкшие к точным движениям при перезарядке, теперь нервно постукивали по металлическому корпусу магазина.

«Патронов не хватит на весь этот ад.»

Он оглядел помещение, его взгляд, острый как у голодного волка, выискивал хоть что-то полезное среди груды хлама.

На разбитом ящике с инструментами лежал топор. Старый, с деревянной рукоятью, покрытой трещинами, и широким лезвием, тронутым ржавчиной. Но в его очертаниях угадывалась былая мощь — тяжелая, неотесанная сила, созданная для разрушения.

— Ну хоть что-то, — прошептал Ович, подбирая оружие.

Топорище закрипело, когда он проверял его вес на ладони. Топор оказался солидным — добрых пять килограммов стали, которые могли раскроить череп или перерубить кость без особых усилий. Ржавчина слегка хрустела под пальцами, но металл не проржавел насквозь — еще послужит.

— Ну что, дедуля, — пробормотал он, проводя большим пальцем по затупленному лезвию, — пора тебе снова повоевать.

Тьерри, ковылявший рядом, криво усмехнулся:

— Ты что, собираешься сражаться с тварями с помощью этой рухляди?

Ярек только хмыкнул, делая пробный взмах. Топор со свистом рассек воздух.

— Лучше уж это, чем голыми руками встречать следующее чудовище. А тебе, яйцеголовый, может, скальпель взять? Для ровного счета.

Джоан, разбирающая аптечку у дальней стены, подняла голову:

— Если вы закончили меряться... инструментами, тут есть кое-что поинтереснее.

Она достала из ящика длинную саблю. Лезвие было старым, но острым — явно когда-то часть какой-то экспозиции.

Склад, казалось, оживал вокруг них — каждый предмет, десятилетиями лежавший без дела, теперь обретал новую цель. Даже сломанная витрина подарила им несколько метровых металлических прутьев, которые Тьерри тут же принялся обматывать синей изолентой, создавая импровизированные копья.

Тень улыбки мелькнула на обычно хмуром лице Коула:

— Музей боевых экспонатов. Берем что можем.

Ярек уже привязывал топор к поясу, его пальцы быстро затягивали узлы:

— Главное, чтобы следующий экспонат не оказался живым и не попытался нас добавить в свою коллекцию.

Где-то в глубине здания что-то грохнуло — глухой, далекий звук, но достаточно громкий, чтобы все замолчали и схватились за оружие. Даже ржавый топор в руке Овича внезапно показался ненадежным утешением.

Тьерри вздохнул, поправляя очки:

— Вы действительно думали, что нам дадут передышку?

Скорпионолюди замерли, их скрюченные тела напряглись, хвосты с костяными жалами подрагивали в предвкушении атаки. Их глаза — черные, как нефть, — неотрывно следили за отрядом.

Коул медленно отступал, прижимаясь к груде ящиков.

— Варианты? — прошептал он.

— Можно попробовать разделить их. — Сказала Джоан. — Отвлечь часть.

Тьерри взглянул на нее, потом на саблю.

— Дай мне.

Он взял оружие, ощутив холод металла. Мысли проносились в голове:

"Это безумие. Я не солдат. Я ученый. Но если не я — то кто?"

— Я отвлеку их. Бегите к выходу.

Коул хотел возразить, но Тьерри уже побежал вперед. Он побежал вдоль стен, сабля сверкала в свете фонарей.

— Ну что, ублюдки, кто первый?! — закричал он, размахивая клинком.

Скорпионолюди зашипели, часть из них развернулась и поползла за ним. Тьерри направлялся в сторону котлов и санузлов — узкое пространство, где можно было хоть как-то сдержать их.

Он встал спиной к массивному ржавому котлу, сабля наготове.

— Давайте же!

Но скорпионолюди вдруг замерли. Их глаза расширились. Потом они резко развернулись и поползли прочь, словно испугавшись чего-то. Тьерри ухмыльнулся.

— Что, испугались?

Но затем он услышал. Урчание. Глухое, как паровой двигатель. Он медленно обернулся. Котел, у которого он только что стоял, шевельнулся. Ржавые болты заскрипели, металл прогнулся — и из-под ванны выползли шесть паучьих ног, длинных, сегментированных, покрытых мазутом.

Сверху, из люка, поднялось нечто. Туловище — жирное, обвисшее, покрытое шрамами и струпьями. Голова — вкрученная в нечто, напоминающее старый водолазный шлем, но вместо стекол — кроваво-красные линзы.

На спине — газовые баллоны, соединенные трубками с чем-то, что грохотало, как паровой двигатель. И в руках... Гвоздомет. Длинный, ржавый, с торчащими из дула осколками металла. Тьерри застыл.

"Это невозможно. Это... Это же просто котел. Просто старая ржавая ванна. Это... Это..."

Но оно дышало. И смотрело на него. Мысли смешались:

"Беги. Беги. Беги. БЕГИ."

Он бросился назад, к отряду, выронив саблю. За ним загремело, заскрипело нечто — Жирный Паровой Котел кинулся в погоню. Гвоздомет завращался, завыл, готовясь выстрелить.

Тьерри мчался сквозь лабиринт музейных реликвий, его сердце колотилось так, что казалось — вот-вот разорвет грудную клетку. За спиной Жирный Паровой Котел не отставал ни на шаг. Его шестипалые конечности с грохотом вонзались в бетонный пол, оставляя после себя дыры размером с кулак.

— Бегите! Это... это черт знает что! — закричал Тьерри, влетая в главный зал, где его ждал отряд.

Коул мгновенно оценил ситуацию:

— Ович — левый фланг! Джоан — на возвышение! Тьерри — ко мне!

Стены зала дрогнули, когда чудовище ворвалось вслед за Тьерри. Гвоздомет завращался с противным визгом, и первый залп гвоздей со свистом пронесся над головами героев, вонзившись в мраморную статую позади них.

— Огонь! — скомандовал Коул.

Зал наполнился грохотом выстрелов. Пули рикошетили от ржавой ванны-панциря, оставляя лишь царапины на металле. Шлем монстра оказался невероятно прочным — даже снайперская пуля Джоан лишь оставила вмятину. Винтовку Кристенсена клинило всё сильнее с каждым разом.

— Черт, это не работает! — выругался Ович, меняя магазин.

Тьерри, тяжело дыша, заметил слабое место:

— Спина! Видите регулятор давления и трубки? Это его уязвимость!

Коул кивнул:

— Ович - отвлекай! Джоан — готовься к выстрелу!

Ярек с дикой ухмылкой схватил пустые банки из-под консервов:

— Ну, жирдяй, лови подарочки!

Он начал швырять банки в разные стороны, создавая шум. Монстр, словно разъяренный бык, развернулся на звук, его гвоздомет завыл, готовясь к выстрелу.

Джоан уже карабкалась на руины разрушенной скульптуры "Рабочий и колхозник". Винтовка Кристенсена - последняя надежда - тяжело легла ей на плечо.

Джоан прицелилась. Палец на спуске. Щелк. Винтовка дала осечку.

— Черт!

Монстр начал поворачиваться обратно. Джоан резко дёрнула затвор. Ещё одна попытка.

Выстрел. Регулятор давления лопнул с шипящим звуком. Из поврежденных трубок вырвался раскаленный пар, окутав чудовище белым облаком. Оно заревело от боли, его движения стали хаотичными.

— Работает! — крикнул Тьерри.

Но монстр не сдавался. В ярости он начал крушить все вокруг, его гвоздомет выстреливал наугад, гвозди вонзались в стены, разбивали остатки витрин.

Коул увидел возможность:

— Теперь - коктейль Молотова! В паровую систему!

Тьерри метнул бутылку прямо в разорванные трубки. Огненная вспышка осветила зал. Прогремел оглушительный взрыв.

Жирный Паровой Котел вздрогнул, его металлическое тело начало раскаляться докрасна. С громким скрежетом он рухнул на пол, его конечности судорожно дернулись и замерли.

— Ну... это было интересно, — первым нарушил молчание Ович, вытирая пот со лба.

Джоан спускалась с пьедестала. Винтовка Кристенсена - последняя память о погибшем товарище - была безнадежно испорчена. Она молча отбросила её в сторону.

Тьерри, все еще дрожа от адреналина, опустился на колени:

— Я.... я никогда не видел ничего подобного. Это... это противоречит всем законам биологии...

Джоан подошла к нему, протягивая руку:

— Зато теперь знаем - пули в лоб не всегда работают. Хорошая работа, Тьерри.

Коул осматривал останки чудовища:

— Двигаемся дальше. Если здесь есть такие... вещи, то что нас ждет впереди?

Ович хмыкнул:

— Надеюсь, что-то менее противное. Хотя... вряд ли.

Только что отдышавшись после боя с Паровым Котлом, отряд даже не успел перезарядить оружие. В воздухе ещё висел едкий дым от взорвавшихся газовых баллонов, когда из-за груды обломков выскользнули скорпионолюди. Их движения были стремительными, словно они скользили по полу, а не шли.

Первой пострадала Джоан. Один из монстров рванулся к ней с нечеловеческой скоростью. В последний момент она успела отпрыгнуть, но когтистые лапы всё равно впились в её плечо, разрывая плоть. Кровь брызнула на пол, а следом произошло нечто ужасное - череп твари с треском раскололся пополам, обнажив вращающиеся, как у бензопилы, костяные пластины. Они вгрызлись в её бок, вырывая куски мяса.

— ЧЕРТ! — заревел Ярек.

Его топор сверкнул в тусклом свете фонарей, описав смертоносную дугу. Сталь впилась в плоть с мокрым хрустом. Скорпион завизжал, но Ович уже заносил оружие снова.

Вторая рубка — точнее, яростнее.

Топор вошел в шею твари, отсекая голову. Череп с пилой отлетел в сторону, еще несколько секунд беспомощно скрежеща зубами. Тело дернулось и рухнуло, заливая пол черной жижей.

Коул заметил лестницу - узкую, железную, ведущую вверх. "Туда! Быстро!" - скомандовал он, хватая раненую Джоан за здоровое плечо. Тьерри, не раздумывая, подхватил Джоан. Её рука была теплой и липкой от крови.

— Держись, — прошептал он, чувствуя, как ее дыхание становится прерывистым.

Скорпионы бросались со всех сторон. Один вцепился в ногу Коула, но тот, не сбавляя шага, всадил в него три пули. Но один из скорпионов в прыжке набросился на Овича сзади. Ярек едва успел развернуться — и всадил топор монстру прямо в раскрытый череп. Лезвие застряло в кости.

— Kurwa mac!

Он дернул — не вышло. Нет времени. Он бросил топор, оставив его торчать в голове твари, и вытащил пистолет. Перед ними была дверь. Ржавая, с облупившейся краской. Тьерри навалился на неё плечом, чувствуя, как под кожей вздуваются синяки.

— Заходим!

Последними проскочили Коул и Ович. Дверь захлопнулась как раз в тот момент, когда на неё набросился очередной Скорпион.

Удар. Еще удар. Дверь трещала под напором когтей.

— Надо блокировать! — Ярек огляделся в поисках чего-то тяжелого.

Коул уже тащил массивный шкаф, его мышцы горели от напряжения. Еще один удар — и из двери вырвался острый шип. Но было поздно. Шкаф рухнул, наглухо запечатав проход.

Ович шёл последним, не спуская глаз с двери. "Ну и дерьмовый день", - пробормотал он. Где-то в глубине души он уже знал - эта дверь не выдержит.

Кровь Джоан сочилась сквозь пальцы Тьерри, теплая и липкая. Она стиснула зубы, стараясь не стонать, но каждый шаг давался ей с трудом. Коул шел впереди, патронов было мало. Ярек замыкал шествие.

Зал Юрского периода встретил их ледяным молчанием. Гигантские ребра аллозавра, торчащие из постамента, напоминали клетку, в которую их загнала судьба.

Тьерри тащил Джоан, ее ноги волочились по полу, оставляя кровавый след. Лицо ее побелело, губы сжались в тонкую ниточку. Она вонзила себе шприц с обезболивающим в бедро, вскрикнув от боли.

— Держись, сестричка, — прошептал Ярек.

Боль отступала волнами, оставляя после себя лишь тупую тяжесть. Джоан зажмурилась — перед глазами плясали черные пятна. Выбившиеся пряди рыжих волос прилипли ко лбу, смешавшись с потом и грязью.

Раздался стон. Глухой, протяжный, будто сама земля скрипит под тяжестью невыносимой боли. Затем — скрежет металла по бетону. Что-то огромное тащилось по коридору за ними. Коул резко поднял руку — стоп.

Все замерли. Дыхание. Только дыхание. И этот скрежет. Ближе. Ближе.

— Готовьтесь, — прошептал Коул, сжимая нож.

Тьерри, не отрывая глаз от темного коридора, сунул свою винтовку Овичу. Они встали спиной к спине, образуя последний круг обороны.

Голос из тьмы.
— Сюда, скорее!

Странный шепот донесся из темного проема — дверь охраны, едва приметная между витринами. Коул метнул взгляд в ту сторону. Ловушка? Но альтернатива — остаться здесь, встретить это лицом к лицу...

— Пошли, — кивнул он.

Они поспешили к двери, волоча Джоан. Комната была маленькой, пропахшей потом. Единственный источник света — мерцающая лампа на потолке, отбрасывающая дрожащие тени.

Человек в дальнем углу, скрытый мраком, поднял руку:

— Тише. Ни звука.

Его голос был изношенным, как старое радио. Тьерри медленно прикрыл дверь, щелкнул замком. В стене зияли пробоины — следы давнего боя. Сквозь щель в полуразрушенной стене Коул наблюдал за происходящим с леденящим кровь страхом. Его пальцы непроизвольно впились в кирпичную кладку, оставляя на пыльной поверхности кровавые следы. Сердце билось так громко, что казалось — вот-вот выдаст их присутствие.

Из темноты коридора появился Он.

Трехметровый исполин в латах, почерневших от времени и чего-то более зловещего. Доспехи, когда-то сверкавшие на солнце, теперь покрылись патиной веков и странными органическими наростами, будто металл начал срастаться с плотью. На плечах — потрескавшиеся наплечники с выгравированными крестами, теперь искаженными и изуродованными. Череп вместо лица, пустые глазницы, в которых тлел багровый огонь.

Его меч — огромный, с зазубренным лезвием — оставлял на каменном полу борозды, искры сыпались при каждом шаге. Но самое ужасное было в его движениях — механических, неестественно плавных, словно перед ними не живое существо, а ожившая статуя, приводимая в движение какой-то непостижимой силой.

И тут — визг.

Скорпион, наконец выбив дверь, влетел в помещение, снося по пути музейные витрины, Крестоносец замер. Его череп медленно повернулся в сторону нарушителя. Из глубины горла вырвался звук — нечто среднее между скрежетом металла и предсмертным хрипом. Этот звук впился в сознание Коула, оставив после себя лишь одно ясное понимание: он будет слышать его в своих кошмарах до конца дней.

Скорпион, ослепленный яростью, не распознал угрозы. С диким ревом он бросился на гиганта.

Реакция Крестоносца была молниеносной. Его рука в железной перчатке схватила хвост с такой силой, что кости затрещали. Скорпион завизжал, беспомощно забился в железной хватке.

Тогда Крестоносец сделал нечто ужасное.

Он убрал меч в ножны.

Медленно, с почти хирургической точностью, начал выкручивать хвост. Плоть рвалась, сухожилия лопались с мокрыми щелчками. Когда окровавленный хвост наконец отделился, Крестоносец швырнул его в стену — прямо туда, где прятался отряд. Кровь брызнула на камень, несколько капель попали Коулу на лицо. Он не осмелился пошевелиться, чтобы стереть их.

Даже лишенный жала, скорпион продолжал брыкаться. Тогда меч снова появился в руке гиганта. Одно движение — и тело распалось на две части. Верхняя половина еще несколько секунд дергалась в железной перчатке, прежде чем бесформенной массой рухнула на пол.

Миг абсолютного ужаса. Когда пустые глазницы шлема повернулись к их укрытию, Коул понял истинный смысл фразы "у ужаса есть лицо". Это было лицо самой Смерти — безжалостной,

неумолимой, древней. В тот момент он знал - если их обнаружат, конец будет куда страшнее, чем просто смерть.

Но вдруг из соседнего зала донесся грохот. Голова Крестоносца резко повернулась. На мгновение он замер, затем развернулся и зашагал прочь, его доспехи скрипели, а меч волочился по камням, оставляя за собой кровавый след.

Коул не осмелился пошевелиться еще долгих десять секунд после того, как шаги стихли. Только тогда он позволил себе выдохнуть - и понял, что все это время вообще не дышал.

— Оно ушло... — пробормотал Коул. Его голос звучал глухо, словно он сам не верил в то, что чудовище действительно отступило.

Из темного угла, где тьма сгущалась плотнее всего, донесся странный голос:

— Когда-то оно было охранником этого музея.

Отряд вздрогнул, стволы тут же развернулись в сторону звука. В полумраке едва угадывалась человеческая фигура, склонившаяся среди хлама.

— Даже преобразившись, он все еще помнит о своих обязанностях, — продолжал незнакомец.

Тьерри щурился, пытаясь разглядеть спасителя, но тени были слишком густыми.

— Если бы я вас не встретил, вам бы точно была крышка.

Коул медленно опустил ствол, но палец все еще лежал на спусковом крючке.

— Что ж, мы в долгу перед вами. — Тьерри сделал шаг вперед. — Вы можете выйти из тени.

Незнакомец не двигался.

— Правда, выходите, — подхватил Коул, стараясь говорить спокойно. — Монстр ушел, опасность миновала.

Голос из темноты ответил, и теперь в нем явственно проступили странные, пугающие нотки:

— Вы ошибаетесь...

В этот момент освещение в дальней части комнаты вдруг замигало, а затем вспыхнуло с новой силой. Желтоватый свет мигал, выхватывая из мрака детали, которые лучше бы оставались скрытыми.

— Монстр все еще здесь.

В этот момент мигающие лампы на потолке вдруг заработали в полную силу, заливая помещение резким светом. Ович ахнул:

— Ох тыж еб твою мать! — Его винтовка мгновенно оказалась на изготовку. — Это одна из этих тварей!

— Эти ублюдки научились имитировать человеческую речь! — Тьерри отступил на шаг, голос его дрожал. — Что за черт! Ович, если эта тварь выкинет какой-нибудь фокус, мочи ее!

Ярек уже целился. Перед ними стояло нечто.

Его силуэт был человеческим в основе, но искаженным, словно природа забыла, как должен выглядеть человек, и слепила его по памяти. Кожа — зеленая чешуя, местами переходящая в грязно-желтый и фиолетовый, будто покрытая ядовитыми пятнами. Жабры пульсировали на шее, время от времени раскрываясь, как будто он все еще дышал под водой.

Руки — длинные, с перепонками между тонких, когтистых пальцев. Ноги — мускулистые, с утолщенными икрами, приспособленными для плавания.

Но самое жуткое — его голова треугольной формы. Три кожистых нароста, похожих на плавники, торчали по бокам. Морда — нечто среднее между гекконом и глубоководным уродцем, которого никогда не должен видеть солнечный свет. Глаза — большие и черные, с белыми маленькими зрачками, с полупрозрачными веками, которые моргали вертикально. Рот — широкий, с рядами мелких, острых зубов.

Из спины торчали два щупальца, непроизвольно подрагивающих, словно живых. Он был одет в лохмотья — остатки пиджака и брюк, которые когда-то были человеческой одеждой.

Коул стоял неподвижно, анализируя каждую деталь. Этот мутант... он был другим. В его движениях не было звериной ярости, лишь осторожность, почти человеческая осмотрительность. И эти глаза - черные, бездонные, но в них читалось что-то, что заставило Салливана жестом остановить Ярека.

Странное существо медленно подняло перепончатые лапы. Его жабры трепетали, когда оно с усилием выдавило из себя:

— Я.... не трону вас, — прошептал он. — Я не такой, как они. Пожалуйста.... Не надо...

Голос звучал болезненно, словно каждый звук причинял мутанту физическую боль. Слюна стекала по его острым зубам, но в этом не было агрессии - лишь мучительные попытки произносить слова.

— Ович, отставить! — Коул все еще не опускал оружие, но его голос звучал уже не так уверенно. Мысли путались: а что, если Тьерри прав? Если это новая уловка, хитрость, чтобы заманить их в ловушку?

Ярек не слышал команды. Его палец нервно дергался на спусковом крючке, взгляд был прикован к мерзкой твари.

— Чик и на небеса, — прошептал он, уже начиная плавное давление на курок.

В последний момент Джоан бросилась вперед, толкая ствол вверх. Выстрел грохнул, разбив мигающую лампочку, осколки стекла дождем посыпались на пол.

— Идиоты! Он нас спас! — ее голос содрогался от ярости. Она встала между мутантом и Яреком, широко раскинув руки, словно защищая существо.

— Ага, чтобы сожрать, — проворчал Ярек, но уже с меньшей уверенностью. Его взгляд метался между Джоан и монстром, ожидая подвоха.

— Он разговаривает! Значит в нем остались еще крупитцы человеческого разума! — Джоан тяжело дышала, прижимая руку к ране на плече. — Включите свои долбанные мозги, наконец...

Взгляд Коула не отрывался от мутанта. — Ярек, опусти оружие, — на этот раз в его голосе звучала непрекращаемая команда.

После мучительной паузы здоровяк с неохотой опустил винтовку. Его пальцы все еще крепко сжимали оружие, но выстрела больше не последовало.

Мутант тяжело дышал, его жаберные щели трепетали. В его черных глазах, казалось, мелькнуло что-то... облегчение? Благодарность? Или это была лишь игра света на влажной поверхности его странных глаз?

— Пожалуйста... не бойтесь меня. — Его голос был неестественным, словно слова давались с трудом, проталкиваясь сквозь измененные голосовые связки.

Он оглядел свои руки, закрыл глаза — жест, слишком человеческий для такого облика.

— Что... или кто вы такой? — спросил Коул.

Существо заколебалось, его голова дернулась, будто воспоминания впивались в мозг иголками.

— Меня зовут... Мое имя... — Он замер, борясь с чем-то внутри. — Ян... Ян Курац.

— Ян, как это с вами произошло? — спросил Коул.

Гибрид содрогнулся, его щупальца дернулись.

— Все было как в кошмарном сне. — Он говорил медленно, с паузами, будто каждое слово приходилось вытаскивать из глубины сознания. — Это... как болезнь. Чума, которая поражает все на своем пути. Как степной пожар.

Он вдохнул — резко, с хрипом.

— В городе вспыхнула эпидемия. Многие... изменились.

— Кем вы были... в прошлой жизни? — тихо спросила Джоан.

Ян замолчал, его черные глаза потерялись где-то в воспоминаниях.

— Я.... работал здесь. — Он посмотрел в сторону музейных стендов за стеной. — Изучал глубоководных существ. Тех, что живут... в темноте.

Горькая усмешка исказила его рот.

— Теперь я нахожу злую иронию в том, что стал тем, что когда-то изучал.

Он опустил голову, щупальца обвисли.

— Но мне... каким-то образом удалось сохранить толику человечности. Хотя человеческого теперь во мне не больше, чем в какой-нибудь... Медузе.

Коул все еще не доверял, но опустил оружие окончательно. Джоан — единственная — сделала шаг вперед.

— Вы... можете нам выбраться?

Ян поднял глаза.

— Да.

Одно из его щупалец непроизвольно потянулось к ней, но он резко одернул его, словно стыдясь.

Коул окинул взглядом отряд — Джоан смотрела с осторожным сочувствием, Ярек явно сдерживал желание выстрелить, а Тьерри смотрел на Яна не со страхом, а с научным интересом — его мозг уже анализировал мутацию, искал закономерности.

— Думаю, вы можете пойти с нами, — наконец сказал Коул.

— Что?! — Ярек взорвался. — Командир, вы что, серьезно? Чтобы это животное пошло с нами?

Джоан едко ответила.

— Что такое, Ярек? Боишься, что он начнет посягать на твои животные права?

— Если у нас есть шанс помочь этому человеку, мы его используем, — твердо сказал Коул.

Медуза выпрямился, по его щупальцам пробежали разряды.

— Я в долгу перед вами. И к тому же... мое новое тело дает мне преимущества.

Едва остальная группа тронулась в путь, как Ярек резко толкнул Медузу и приставил ствол к его груди.

— Слушай сюда, харя лягушачья, — его голос был тихим и опасным. — Я в твои рассказы не верю. И если ты учудишь хоть одну херню, которая мне не понравится... — он ткнул стволом сильнее, — твои сраные дружки-мутанты будут отскребать твоё говно со стен. Понял?

Медуза замер. Его щупальца беспомощно обвисли. После долгой паузы он лишь кивнул.

— И держись от меня подальше, — Ярек брезгливо сморщился. — От тебя воняет тухлой рыбой. Фуу-у!

Он развернулся и зашагал вперед, оставив Медузу стоять с опущенной головой. Джоан бросила ему сочувственный взгляд, но промолчала. Коул лишь тяжело вздохнул — этот альянс будет непростым.

Медуза присел в углу, его щупальца медленно шевелились, будто ощупывая пространство.

Зеленоватая кожа с фиолетовыми прожилками мерцала в тусклом свете аварийных ламп. Он не говорил, но его глаза — слишком человеческие на этом мутировавшем лице — внимательно следили за каждым.

Ярек не скрывал своего отвращения. Он сидел напротив, локти на коленях, пальцы сжимали и разжимали рукоять винтовки. Его мысли крутились вокруг одного:

"Это ошибка. Смертельная, мать его, ошибка."

Он видел, как щупальца Медузы перебирают старую газету — слишком плавно, слишком осознанно.

"Он не зверь. Он умнее, чем выглядит. А значит — опаснее."

Коул и Джоан говорили что-то тихо у карты, но Ярек не слушал. Его взгляд сверлил гибрида.

— Ты чего уставился? — внезапно рявкнул он.

Медуза медленно поднял глаза.

— Я не уставился. Я слушаю.

Голос был странным — будто несколько голосов наложились друг на друга, создавая жутковатое эхо.

— О, значит, еще и подслушиваешь? — Ярек оскалился. — Коул, ты в своем уме? Это тварь нас сожрет, как только отвернемся!

Коул даже не обернулся:

— Ович, хватит.

— Хватит?! — Вскочил Ярек. — Мы уже потеряли троих наших! Мало нам было того полоумного деда, а теперь тащим с собой эту... эту штуку?!

Медуза не шелохнулся, но его щупальца слегка напряглись.

— Я не штука.

— Заткнись! — Ярек сделал шаг вперед. — Ты даже не человек! Ты... ты ошибка природы!

Тьерри, до этого молчавший, резко встал между ними:

— Ович, ты перегибаешь.

— Ага, конечно! — Ярек фыркнул. — Лягушатник защищает лягушку. Как мило.

Комната замерла. Коул наконец повернулся. Его взгляд был холодным, как сталь.

— Ович. Последнее предупреждение.

Ярек задержал взгляд на командире, потом на Медузе.

"Он выберет его. Когда дело дойдет до выбора — он выберет его, а не нас."

— Ладно, ладно... — он махнул рукой и отошел в сторону.

Но в его глазах горело одно: *"Я за тобой слежу, урод."*

Медуза опустил голову.

— Я понимаю его страх, — тихо сказал он.

— Не оправдывайся, — резко оборвал Коул. — Мы команда. Все.

Ярек стиснул зубы.

"Нет. Не все."

ГЛАВА 6 – Мутации

Темный коридор, ведущий к комнате охраны, дышал сыростью. Стены, некогда белые, теперь покрылись плесенью и трещинами, сквозь которые пробивались тонкие корни какой-то странной растительности. Фонари, скупо освещали следы когтей — то ли человеческих, то ли уже нет.

— Тут, — наэлектризованный голос Медузы звучал как радиопомехи. Он указал щупальцем на дверь с полу-оторванной табличкой «Охрана». — Я собирал... что мог.

Дверь скрипнула, открываясь в небольшое пыльное помещение, заставленное стеллажами и ящиками.

Комната выглядела так, будто ее пытались привести в порядок, но руки у того, кто это делал, были не совсем человеческими. На столе, заваленном пустыми банками и тряпками, стояла аккуратно составленная батарея фонарей. Рядом — несколько бутылок с водой, расставленных в ряд, словно на полке магазина. На стене висела карта музея, испещренная пометками и стрелками — Медуза явно изучал это место.

— Я.... старался, — пробормотал он, будто извиняясь за беспорядок.

Коул осмотрел помещение, его взгляд скользнул по грудам тряпья, банкам с непонятной жидкостью и разбросанным инструментам. Беспорядок был, но в нем чувствовалась система — как в логове зверя, который все же пытается жить, а не просто выживать.

Ярек сразу направился к дальнему углу, где стояли несколько ящиков с боеприпасами. Он рылся в них, пока не наткнулся на коробку с картечью. Его лицо озарилось редкой улыбкой.

— Ну наконец-то, — он потряс коробкой, и дробь весело загремела внутри. — Старина КС-23 снова запоет.

Тьерри тем временем копался в медицинских припасах — бинты, антисептики, даже немного морфина. Все было собрано аккуратно, но с явными следами импровизации — некоторые флаконы были подписаны от руки, другие перелиты в первые попавшиеся емкости.

— Ты это все один собирал? — спросил он, поднимая флакон с мутной жидкостью.

Медуза кивнул, его щупальца нервно перебирали край стола.

— Да... Было трудно. Но я... не хотел умирать.

Джоан тем временем нашла небольшой запас еды — консервы, сухари, даже несколько шоколадных батончиков. Все было аккуратно разложено, словно на черный день. Который, видимо, уже настал.

Коул стоял у карты, изучая пометки. Медуза явно знал это место лучше их. И, судя по всему, он не просто прятался — он готовился.

"К чему?" — подумал Коул, но не стал спрашивать вслух. Некоторые ответы лучше не знать заранее.

Ярек заряжал дробовик, его пальцы привычно вправляли патроны в магазин. Он уже почти забыл, каково это — чувствовать в руках настоящее оружие, а не бесполезный кусок металла.

Тьерри смотрел на Медузу, на его убежище, на следы отчаянной борьбы за порядок в этом хаосе. И впервые за долгое время он почувствовал не отвращение, а что-то другое.

Уважение.

Комната охраны была не просто складом. Это был последний оплот того, кто отказался становиться монстром. Даже когда весь мир вокруг уже давно им стал. Медуза стоял неподвижно, его щупальца слегка подрагивали, а глаза — странные, черные — смотрели на них с тревожной серьезностью.

— Вы же здесь из-за девочки? — его голос звучал неестественно.

Коул нахмурился. Вопрос застал его врасплох.

— Какой девочки? — он перевел взгляд на остальных, ища подтверждения, что они тоже не понимают, о чем речь. — О чем ты?

Медуза медленно покачал головой, его щупальца нервно задергались.

— Я видел, как здесь пробежала двенадцатилетняя девочка.

Джоан резко повернулась к нему, ее глаза расширились.

— Ты уверен? — ее голос дрогнул. — Может, тебе почудилось? Тут взрослым-то с трудом удается выживать, не говоря уже о детях...

— Тут что, никто "Чужих" не смотрел? — Тьерри нервно поправил очки. — Потому что это звучит как начало очень плохого хоррора.

Медуза нахмурился (насколько это было возможно для его черт) и резко ткнул щупальцем в сторону вентиляционной решетки.

— Нет, говорю вам, я видел ее! В музее! — его голос стал тверже. — Это не плод моего воображения. Она вылезла из вон той вентиляции.

Все посмотрели на решетку. Металл был погнут, будто его выбили изнутри. Коул почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И куда она потом делась? Ты видел?

Медуза опустил глаза.

— Она побежала в сторону рыцарского зала.

В воздухе повисло молчание.

— Там опасно, — добавил он тихо. — Я хотел ее позвать, но...

Он жестом показал на себя — на свою зеленую кожу, щупальца, неестественные черты.

— Мой облик лишь напугал бы ее еще больше.

Тьерри тяжело вздохнул.

— Значит, теперь у нас два варианта: либо этот парень действительно видел девочку, и тогда нам нужно ее найти...

— Либо он сошел с ума, и тогда нам все равно нужно проверить, — закончил Коул.

Джоан напряглась.

— А если это ловушка?

— Тогда, — Коул взвел затвор автомата, — нам все равно нужно идти.

Темнота в музее была не просто отсутствием света — она казалась осязаемой, вязкой, словно жидкий деготь, заполняющий каждый угол.

По обеим сторонам узкого прохода замерли скелеты доисторических ящеров — их пустые глазницы следили за группой, а длинные тени от ребер трепетали на стенах, будто существа все еще дышали.

Огромный тираннозавр, чей череп был покрыт странными наростами, похожими на кораллы, склонился над проходом, словно готовый в любой момент ожить и сомкнуть челюсти.

Пальцы Тьерри нервно постукивали по рукояти пистолета. Взгляд то и дело скользил к Медузе, который двигался чуть впереди, его щупальца мягко шевелились в воздухе, будто ощупывая пространство.

"Он говорит, что помнит себя человеком... Но что осталось от того человека в этом теле? И что он на самом деле чувствует, глядя на нас?" — мысли пульсировали в голове Тьерри, как болевая рана.

Медуза вдруг остановился, его зеленоватая кожа покрылась фиолетовыми пятнами — признак волнения.

– Впереди... что-то есть, – прошептал он.

Коул поднял кулак – сигнал остановиться.

Тень от рыцарских доспехов у дальней стены вдруг шевельнулась. Тьерри ощутил, как по спине пробежали мурашки. *"Боже, пусть это будет просто игра света..."*

Витражи, уцелевшие в высоких окнах, отбрасывали на пол призрачные узоры из цветного света, будто пытаясь напомнить, что когда-то здесь было красиво. И среди этого полумрака — она. Джоан первой заметила движение. Луч ее фонаря осветил в темноте маленькую фигурку, прижавшуюся к пьедесталу с рыцарскими латами.

— Ты... кто ты? — голос Джоан дрогнул, будто она боялась, что девочка рассыплется в прах, если сказать громче.

Рыжие косички, зеленое платьице в клетку, бледное личико с широко раскрытыми глазами — ребенок, настоящий, живой ребенок, сидел здесь, в этом аду. Девочка не ответила. Она лишь сжалась в комочек, трепетала от страха, как загнанный зверек. Джоан медленно опустилась на колени, отложив оружие в сторону.

— Все в порядке... мы не причиним тебе вреда.

Она протянула руку, не решаясь прикоснуться первая. Девочка вздрогнула, но не отпрянула.
— Как тебя зовут?

Шепот, едва слышный:

— Л...Лилит...

Джоан не сдержалась — она резко прижала ребенка к себе, ощущая, как тощее тельце дрожит у нее на груди.

— Боже правый... как ты здесь оказалась?

Ович, стоявший чуть поодаль, мрачно крикнул:

— Да уж... вечер сюрпризов.

Он обернулся к Медузе, который осторожно выглядывал из-за его спины:

— Слышь, ты — харя мутантская, не высовывайся особо. Не пугай ребенка, а то она даже пару слов нормально из-за тебя связать не может.

Медуза фыркнул (насколько это возможно для существа без носа) и скользнул назад, в тень.

Тьерри стоял, не зная, что сказать. Его ученый ум лихорадочно работал:

"Ребенок. Живой. Здесь. Как? Почему? Сколько времени она провела в этом аду?"

Коул подошел последним. Его лицо оставалось каменным, но в глазах — впервые за долгие дни — мелькнуло что-то человеческое.

— Мы выведем тебя отсюда, — сказал он просто.

Лилит посмотрела на него, потом на остальных.

— Они... они везде... — прошептала она.

— Мы знаем, — Джоан погладила ее по голове. — Но теперь ты не одна.

Коул держал рацию в белых от напряжения пальцах.

— Тромбон, это Флейта. Прием!

Лишь треск помех, будто что-то огромное и невидимое дышало в эфир, заглушая каждый сигнал.

— Черт возьми! — он швырнул рацию на каменный пол. Та отскочила, издав жалобный писк, и покатилась к ногам Тьерри.

Француз, сидя на корточках, уже возился со своим портативным сканером. Экран прибора мерцал, заливая его лицо синим светом.

— Это не просто помехи... — пробормотал он, проводя пальцами по настройкам. — Это... система. Целенаправленное глушение. Кто-то — или что-то — не хочет, чтобы мы вышли на связь.

Джоан, прижав к себе девочку, отводила ее взгляд от разбросанных по углам костей — последних "экспонатов", оставшихся от предыдущих посетителей этого зала.

— Тише, тише... Все будет хорошо... — шептала она, но ее собственные руки дрожали.

Медуза внезапно вздрогнул. Его щупальца напряглись, а пятнистая кожа покрылась мелкими пузырьками — признак тревоги.

— Здесь что-то есть... — прошипел он, медленно поворачиваясь к ряду манекенов.

И тогда Коул заметил — один из "манекенов" стоял... неправильно. Его поза была неестественной. Между неподвижными фигурами что-то шевельнулось.

Еле уловимое. Почти воображаемое. Но манекены не должны дышать. И уж точно не должны медленно поворачивать голову в сторону живых. Коул медленно поднял автомат.

— Не двигайтесь... — прошептал он.

Но было уже поздно.

Они выступили из тени — серо-лиловые, с кожей, напоминающей мрамор, испещренный жилками. Их тела были женственными, но искаженными, будто слепленными из глины безумным скульптором. Длинные конечности, слишком гибкие, слишком плавные.

Их лица...

Безупречные, как у античных статуй, но лишенные век. Глаза — огромные, черные, без зрачков — следили за отрядом с холодным любопытством. А рты... рты были слишком большими, слишком влажными, будто только что облизанными в предвкушении.

Но самое ужасное — это паразиты.

Один — толстый, жилистый отросток, вросший в правую руку, превратил ее в нечто среднее между клешней и хлыстом. Другой — вылез из спины, извиваясь, как змея, с острым, костяным наконечником на конце.

Они двигались в такт дыханию своих носителей, будто отдельные существа.

— Защищайте МакФадден и ребенка! — рявкнул Коул, отступая.

Первый гибрид засмеялся. Звук был мягким, мелодичным — и от этого еще более жутким. Её рука-клешня вскинулась, и в тот же миг все остальные ринулись в атаку.

Ярек выстрелил первым. Дробь ударила в грудь ближайшей твари. Из раны брызнула черная, густая жидкость.

— Голову! Бейте в голову! — орал Тьерри, отпрыгивая от хлыста, который просвистел в сантиметре от его лица.

Коул прицелился и нажал на спуск. Голова гибрида взорвалась, как перезрелый плод. Тело задержалось, но не упало. Паразит на спине забился, зашипел — и продолжил атаку, будто сам по себе.

Джоан прикрывала девочку, стреляя из пистолета. Одна из пуль попала в глаз существа, и оно завопило — звук, похожий на скрип ножа по стеклу.

Медуза бросился вперед, его щупальца обвили одного из гибридов, вырывая паразита из спины. Тот завизжал, забился — и взорвался, обдав все вокруг едкой слизью.

— Надо отстреливать этих паразитов на спинах! — крикнул Ярек, перезаряжая дробовик.

— Тогда рвем их на куски! — ответил Коул, вгрызаясь очередью в следующую цель.

Зал превратился в ад.

Манекены летели со стен, стекла разбивались, а гибриды продолжали идти, смеясь, шепча, целуя воздух своими кровавыми ртами. Один из гибридов, извиваясь серо-лиловым телом, ринулся на Медузу, его паразитическая клешня с хрустом ломала всё на своём пути.

Медуза расправил щупальца – жилистые и упругие, с перепончатыми переходами между сегментами, где пульсировали фиолетово-жёлтые вены. Паразит атаковал первым. Костяной отросток просвистел в воздухе, целясь в голову. Зелёное тело Медузы изогнулось с неестественной пластичностью. В тот же миг щупальце обвило руку-клешню, а еще одно ударило в грудь гибрида с тысячью вольт электричества. Тело твари дёрнулось в конвульсиях, кожа почернела в местах контакта. Из её рта вырвался яростный визг.

Но паразит не сдавался. Второй отросток со спины гибрида изогнулся змеей и вонзился Медузе в бок. Густая черная кровь, брызнула на каменный пол. Медуза зарычал, его зрачки сузились до ниточек. Он широко раскрыл пасть - и выплюнул облако кислоты прямо в лицо противнику.

Кожа гибрида пузырилась, сползала лоскутами, обнажая мясо и кость. Но тварь, словно не чувствуя боли, рванулась вперёд, пытаясь вцепиться зубами в шею. Щупальца Медузы впились в тело гибрида одновременно. Электрическая дуга синим зигзагом пронзила тьму зала. Гибрид разорвался изнутри, куски плоти разлетелись по стенам. Паразит ещё несколько секунд дёргался на полу, пока Медуза не раздавил его мощным ударом.

От бьющегося в агонии отростка потянулся едкий дым. Медуза вытер слизь с рта, его грудная клетка тяжело вздымалась. Бой гремел, как адская симфония. Гибриды наступали, их серо-лиловые тела извивались между доспехами, клешни-паразиты хлестали по воздуху, оставляя на камне глубокие шрамы.

Джоан прикрывала девочку, ее пистолет гремел раз за разом, но пули, казалось, лишь раздражали тварей, а не убивали. И вдруг... Девочка закричала. Не крик испуга — нет. Это был визг, словно с нее срывали кожу живьем. Джоан обернулась — и увидела.

Глаза ребенка побелели, зрачки расплылись, как чернила в воде. Кожа зашевелилась, покрываясь лиловыми прожилками. Пальцы вытягивались, ломались, перестраивались в нечто острое, хитиновое.

— Нет... — прошептала Джоан, отступая, едва не падая на колени. — Нет, нет, нет...

Но девочка уже не была девочкой.

Ее челюсть отвисла, разорвалась по бокам, обнажая два ряда острейших зубов, а тело вытянулось. Из спины вырвалось нечто — длинный, гибкий отросток, увенчанный костяным лезвием. И она посмотрела на Джоан. Голодно. Ненавидяще.

— Лилит... — имя застряло в горле у Джоан.

Мутант вскинул клешню, готовясь оторвать ей голову. Джоан закрыла глаза, готовясь к удару. Но вместо боли — звук удара об металл.

— Ну и дети нынче пошли, мать их!
Ярек встал между ними, подставив дробовик под удар. Клешня схватила ствол, сжимая металл.

— Ну нет, сучка, это мое!

Ярек выстрелил мутанту в голову в упор, разорвав её. Тело дернулось, замерло — и рухнуло, обрызгав Джоан черной жижой. Ярек перезарядил дробовик, сплевывая на труп.
— Воспитание — говно. Видно сразу.

Джоан не двигалась. Она смотрела на то, что минуту назад было ребенком. На то, что она не смогла спасти.

Она стояла, прислонившись к стене, сжимала пистолет, но взгляд был отрешенным. Девушка смотрела на свои руки — те самые, что только что держали девочку. До того, как та превратилась в нечто иное.

— Эй, сестра.

Грубый голос Ярека вырвал ее из оцепенения. Он стоял перед ней, его лицо было исцарапано, но в глазах не было привычной насмешки.

— Ты жива? — спросил он, но не с издевкой, а с чем-то, что могло быть заботой.

Джоан медленно кивнула.

— Да... просто...

— Просто ни хрена не "просто", — перебил он, хлопнув её по плечу. — Мы рядом. И не загоняйся. Мы все видели дерьмо похуже. Он соврал. Они не видели. Но Джоан усилием воли взяла себя в руки, вернувшись в реальность.

Тьерри сидел на полу, разложив перед собой приборы. Его мысли работали с холодной четкостью. — Мы не можем пробить глушение обычным способом, — пробормотал он. — Но если создать контрволну...

Его взгляд упал на Медузу. Щупальца мутанта все еще подергивались, издавая слабые электрические разряды.

— Медуза... — Тьерри поднялся. — Твои щупальца. Ты чувствуешь электро-импульсы, да?

Мутант медленно кивнул.

— А если кое-что попробовать? — Тьерри уже копался в рюкзаке, доставая провода и портативный передатчик. — Мы можем использовать тебя как антенну. Ты создашь импульс, который подавит глушение.

Коул подошел ближе.

— Это сработает?

— Теоретически.

— А практически?

Тьерри взглянул на Медузу.

— Будет больно.

Мутант усмехнулся.

— Что еще нового?

Провода обвили щупальца, передатчик запищал. Медуза зажмурился, его тело напряглось.

— Готов? — спросил Тьерри.

— Давай.

Импульс. Сначала тихий гул, потом резкий скачок энергии. Медуза вздрогнул, его щупальца засветились синим, как молнии в миниатюре.

— Сейчас! — закричал Тьерри.

Коул врубил рацию.

— Тромбон, это Флейта! Прием!

Раздался треск помех. И наконец — голос.

— Флейта, это Тромбон. Вас слышно!

Сигнал снова затрещал. Медуза вдруг затрясся, его щупальца затряслись в судороге. Его организм работал на пределе.

— Он не выдержит долго! — крикнула Джоан.

— Держись, — пробормотал Тьерри, глядя на мутанта. — Ещё немного...

Но Медуза уже падал на колени. Коммуникатор захлёбывался помехами. Последнее, что успел передать Коул — координаты крыши музея. Потом связь оборвалась. Коул взглянул на потолок. — Крыша. Вертолет будет ждать на крыше.

Надежда. Она была хрупкой, ненадежной, но она была. И сейчас этого хватало.

Тень от высоких сводов музея падала на Медузу, согнувшегося на коленях. Его зеленоватая кожа, обычно переливающаяся фиолетовыми и желтыми пятнами, теперь казалась тусклой, почти серой. Щупальца, некогда сильные и гибкие, беспомощно свисали со спины, будто отравленные змеи. Глаза были затуманены, взгляд блуждал где-то между реальностью и кошмаром.

Он бормотал.

Обрывки слов, бессвязные фразы, шепот на языке, который никто, кроме него, не понимал. Иногда он вздрагивал, будто в его сознании вспыхивали яркие образы — улицы города, лица людей, мутация, боль, страх, а потом... пустота.

Ярек стоял над ним, перезаряжая дробовик. Металлический щелчок затвора прозвучал слишком громко. Его пальцы сжимали оружие. Взгляд был холодным, расчетливым. — Он своё дело сделал, — пробормотал он, больше себе, чем остальным.

Ярек медленно нацелился ему в голову. — Теперь пора ему на покой.

— ЯРЕК, НЕТ!

Голос Джоан прозвучал как хлыст. Она шагнула вперед, встав между ним и Медузой. Ее лицо было бледным, но не от страха — от ярости. — Ты что, совсем рехнулся?! Он только что дал нам шанс выбраться из этого ада!

Ярек не опускал ствол. — Он гибрид, Джоан. Гибрид сраный! Откуда нам знать, что после всех этих экспериментов у него в голове не сварилось всё нахрен?

— Он сражался за нас!

— А потом может и накинется на нас!

Они стояли друг против друга, напряжение между ними натянуто, как трос перед разрывом.

Медуза слабо пошевелился, его рот дрогнул. — ...не... трогайте... не...

Голос был странным, еле слышным.

Ярек нахмурился. Джоан не отступала. — Ты настолько поглощён своей ненавистью, что не можешь принять, что кто-то может быть не таким, как ты?

— Я реалист, дорогая. И реализм говорит мне — не доверять этой твари.

— Ты просто боишься.

Его глаза сузились. — Не лезь не в своё дело, сестричка.

— А ты не играй в Бога, солдат. Даже воздух, казалось, застыл. Ярек первым отвел взгляд.

— Чёрт с тобой.

Он резко опустил дробовик, но был готов в любой момент снова поднять оружие. — Но если он хоть раз дернется не так...

Джоан не ответила. Она просто опустилась рядом с Медузой, осторожно приподняв его голову.
— Держись... — прошептала она. — Мы тебя не бросим.

Темные коридоры музея казались бесконечными. Отряд двигался осторожно, шаг за шагом, прислушиваясь к каждому шороху.

Медуза шел позади всех, его щупальца слабо подрагивали. Глаза, обычно острые и внимательные, сейчас казались мутными. Он шатался, словно пьяный, его мысли путались, перескакивая с одной ужасной картины на другую.

Тьерри замедлил шаг, подойдя к нему.
— Ты держишься?

Медуза медленно кивнул.
— Мой разум... как туман. Но я еще в строю.

Тьерри положил руку ему на плечо — жест, который раньше никогда бы не позволил себе.
— Ты фактически спас нас. Твои способности... они бесценны. Ярек просто...

— Ненавидит меня, — прошипел Медуза. — И я его понимаю. Я сам ненавижу то, во что превратился.

Его голос дрогнул.
— Но я надеюсь... что на базе найдут противоядие.

Тьерри тронул его плечо.
— Я сделаю все возможное. Онирикью Индастриз — лучшая лаборатория в мире. Там тебе помогут.

Медуза ничего не ответил. Но в его глазах, на миг, мелькнуло что-то, похожее на надежду. Джоан шла впереди, ее пальцы крепко сжимали пистолет. Она бросала ядовитые взгляды на Ярека, который, казалось, специально шел, громко топая сапогами.

Ярек обернулся, его лицо исказила гримаса. Коул, шедший между ними, резко остановился.
— Хватит.

Его голос не повысился, но в нем прозвучала такая сталь, что даже Ярек дрогнул.
— Мы уже почти у цели. Как выберемся — хоть глотки друг другу перегрызите. Но сейчас — соберитесь.

Джоан отвернулась. Ярек фыркнул. Тьерри вздохнул. Медуза просто смотрел в пол.
И тогда, словно насмехаясь над их надеждами, здание содрогнулось. Где-то внизу что-то огромное двигалось. Коул вскинул автомат.
— Бежим.

И они побежали. К крыше. К спасению. К последнему шансу убраться из этого города кошмаров.

Тени длинными пальцами цеплялись за стены заброшенного музея, пока отряд пробирался к лестнице на крышу. Они вошли в зал с главным экспонатом — огромным драккаром викингов, его почерневшие борта вздымались к потолку, словно корабль-призрак, застывший в вечном плавании.

И тут — свист. Диск от циркулярной пилы, вращаясь с бешеной скоростью, просвистел в воздухе и снес голову ближайшей скульптуре. Гипсовый торс рухнул с глухим стуком.

— В укрытие! — рявкнул Коул, отталкивая Джоан за массивную тумбу.

Из темноты вышли три фигуры. Гвозделюди. Они когда-то были людьми. Возможно, рабочими, монтажниками, плотниками. Теперь же их тела превратились в ходячие мастерские кошмаров.

Кожа — бурая, потрескавшаяся, будто старая штукатурка. Из нее торчали гвозди, вбитые глубоко в плоть, словно кто-то собирал их по кускам, скрепляя наспех. Руки — одна превратилась в пилу, зубья которой теперь были частью кости. Другая — в отвертку, вросшую в предплечье, с лезвием вместо пальцев. Но самое ужасное — животы.

Грудные клетки разошлись, обнажив вторые рты — огромные, усеянные ржавыми гвоздями вместо зубов. Из их глоток сочилась желтая слизь.

Первый прыгнул вперед, пила взвыла, рассекая воздух.

Коул пригнулся, очередь из автомата прошла грудь монстра, но тот не остановился. Тьерри швырнул пробирку с кислотой — жидкость разъела лицо, но гвоздечеловек лишь засмеялся, его челюсть отвалилась, обнажив костяную пилу внутри рта. Тогда Тьерри всадил в его голову несколько пуль из пистолета и тварь с грохотом завалилась на спину.

Ярек вскипел.

— Ну хватит это терпеть!

Его импланты зажужжали, гидравлика в руках и спине включилась на полную. Мышцы набухли, кожа натянулась, шрамы стали алыми от напряжения. Гвоздечеловек замахнулся пилой — но Ярек поймал его руку и раздавил в своей ладони. Кость хрустнула, металл согнулся.

Третий попятился, его отвертка-рука дрожала. Коул прицелился.

— Ярек, вниз!

Очередь прошла голову последнего гвоздечеловека. Тот рухнул, разбрызгивая черную жижу. Передышка. Только тяжелое дыхание и капающая с пилы кровь. Ярек выпрямился, его импланты остывали, шипя.

— Ну что, кто ещё?

Джоан выглянула из-за укрытия, крепче держась за тумбу. Коул перезарядил автомат.

Темные своды сомкнулись над ними, когда отряд вошел в зал древних океанов. Стены, украшенные окаменелыми спиралями аммонитов, казалось, дышали вековой тайной. Витрины, некогда демонстрировавшие чудеса морских глубин, теперь были разбиты, а их содержимое — разбросано по полу, словно кто-то в ярости искал что-то среди осколков.

Медуза шел последним. Его щупальца, обычно плавно шевелящиеся, теперь подрагивали, будто от электрических разрядов. Кожа, покрытая зловещими фиолетово-желтыми пятнами, пульсировала под обрывками одежды, а глаза — те самые, что еще хранили остатки человеческого разума — затягивались мутной пленкой.

Резко, словно наткнулся на невидимую стену. Его щупальца извивались, когти впились в собственные виски.

— А-а-а-а...

Это не был крик. Скорее... стон, вырвавшийся из самой глубины его мутировавшего горла.

Коул обернулся:

— Ян? Что с тобой?

Перед его глазами поплыли краски, образы, голоса — тысячи, миллионы, сливающиеся в один невнятный вой.

— Как я рада, как я рада, у меня трихомонада... а за нею гонокок, прыг скок! — его голос звучал слишком высоко, слишком истерично, словно его перекрутили через мясорубку безумия.

Ович усмехнулся, переглянулся с Джоан и покрутил пальцем у виска.

— Ну всё, приплыли. Наш зверек окончательно спятил.

Тьерри напрягся, его глаза бегали по телу Медузы, отмечая изменения: чешуя грубела, когти удлинялись. Маленькие костяные шипы прорывались на черепе. Его ученый ум лихорадочно анализировал: *"Электрические импульсы? Побочный эффект связи? Или... или он действительно теряет себя?"*

Джоан держала аптечку, но не решалась подойти.

Медуза закачался, его тело менялось на глазах. Коул осторожно шагнул вперед, протянул руку:

— Ян, держись...

Прикосновение. Медуза взревел. Его глаза — бездонные черные дыры, без искры разума — устали на Коула. Челюсть раскрылась слишком широко, зубы блеснули.

Ович вскинул дробовик, целясь между глаз:

— Я же говорил... говорил, блядь... — его голос звенел от злорадства и страха одновременно. Но в последний момент...

Медуза вздрогнул. Сознание вернулось.

— Ч... что? — он огляделся, словно только что проснулся. Он задышал тяжело, как после марафона, и прошептал. — Извините... это... это последствия той связи, когда меня использовали как антенну. Я... я не уверен, что смогу долго держаться.

Джоан подбежала, ввела успокоительное:

— Ты не один. Мы не дадим тебе потерять себя.

Ович фыркнул, не опуская оружия:

— Если что — не переживай. Будет быстро. Это я гарантирую...

Медуза вздохнул, потрогал свои новые шипы, сжал и разжал ладони, будто проверяя, сколько в нем еще от человека. Потом Коул кивнул:

— Ладно, двигаемся. На крышу.

ГЛАВА 7 – Сквозь ад и обратно

Ночь была ясной. Над головой раскинулся бескрайний звездный полог — холодный, безразличный, прекрасный в своем космическом равнодушии. Купол обсерватории, некогда служивший окном во Вселенную, теперь представлял собой лишь грудку битого стекла и искореженного металла.

Коул стоял у края крыши, его пальцы судорожно сжимали рацию. Лишь ветер шевелил обрывки проводов, свисающих с разрушенной антенны.

Тьерри, прислонившись к остаткам парашюта, нервно постукивал пальцами по корпусу своего сканера.

— Должны были уже быть здесь... — пробормотал он, бросая взгляд на часы.

Ярек сидел на ящике, его обычно насмешливый взгляд стал пристальным, настороженным. Он методично проверял оружие — патроны для дробовика, два пистолета, нож.

— Если эти сволочи опять подведут и этот сраный вертолет не прилетит...

И тогда — раздался далекий, но такой желанный гул.

Сначала — лишь вибрация в воздухе. Потом — мерцающая точка на горизонте. И наконец — четкие очертания вертолета, рассекающего ночную тьму. На лицах появилось облегчение.

Ярек уже представлял, как устроит разнос на базе. Как будет орать на этих тыловых крыс, заставит их пожалеть о том дне, когда они решили послать их в этот ад.

Коул мысленно составлял список вопросов, которые требовали ответов. Кто знал о метеорите? Кто отдал приказ? Почему их бросили без поддержки?

Вертолет приближался. И в этот момент — ослепительная вспышка с соседней крыши.

— РПГ! — успел крикнуть Коул.

Ракета, оставляя за собой шлейф дыма, врезалась в хвостовую часть вертолета. Взрыв. Огненный шар осветил ночь, осыпая искрами крышу музея. От ударной волны дрогнули стены, стекла в остатках купола обсерватории вылетели с звонким треском.

Раздался визг. Пронзительный, леденящий душу.

Из чердачных окон, из вентиляционных шахт, из всех щелей здания вырвался рой мутировавших летучих мышей. Их тела, неестественно крупные, покрытые язвами и наростами, мелькали в свете пожара, как тени из кошмара.

– Кругом! – рявкнул Коул, отступая к центру крыши.

Отряд сомкнул ряды. Ярек первым открыл огонь – дробовик выплюнул заряд, разорвав одну из тварей в клочья. Тьерри, пригнувшись, пытался прикрыть голову – его сканер уже не имел значения. Джоан стреляла короткими, точными очередями, но мышей было слишком много.

Обломки хвоста вертолета рухнули на купол обсерватории, превращая его в грудку искорёженного металла. Где-то внизу, на соседней улице, прогремел новый взрыв – это упал сам вертолет.

Пламя осветило крышу, и в его свете стало видно – они окружены. Мыши кружили над ними, сливаясь в единую, пульсирующую массу. Коул перезарядил автомат.

– Так... Новый план. Выжить.

Ярек оскалился.

– Гениально, босс. А подробнее?

Но времени на ответ уже не было. Первая волна тварей ринулась к ним. Медуза первым встретил атаку. Его щупальца вспыхнули синим, и в воздух ударили разряды электричества. Первые твари задымились, падая камнями, но остальные не остановились. Они впились в его спину, когти рвали пятнистую кожу, зубы вонзались в плоть.

Ярек и Джоан встали плечом к плечу, создав живой щит.

— Держись! — крикнула Джоан.

Дробовик Овича гремел, разрывая в клочья всех, кто подлетал слишком близко.

— Спину прикрывай! — рявкнул Ярек, отшвырнув ногой труп разорванной твари.

Коул и Тьерри отбивались у входа на лестницу.

— Нам нужно отрезать им подход! — крикнул Коул, расстреливая очередного гибрида, который пытался зайти с фланга.

Тьерри, судорожно достал последнюю бутылку с горючей смесью и швырнул ее в самую гущу. Поджаренные твари издали жуткий предсмертный вопль. Ович первым сорвался.

— БЛЯТЬ! — его голос разорвал молчание, эхом раскатившись по пустому небу. — Кто, сука, кто?! — он развернулся, вскинул дробовик, будто ожидая, что враг вылезет из-за дымящихся обломков. Но никого не было. Только огонь, дым и осколки их последней надежды.

Шок и кровь. Медуза сидел, прислонившись к вентиляционной шахте. Его щупальца подрагивали, слизь сочилась из ран, смешиваясь с темной кровью.

Джоан приложила к его спине последний бинт, но знала — этого недостаточно.

— Держись, — прошептала она, глаза ее бегали по небу, ожидая, что они вернутся. Что это еще не конец.

Тьерри медленно обходил место падения хвоста вертолета. Металл скрипел под ногами, раскалённая обшивка ещё тлела.

— Нам нужно на соседнюю крышу, — пробормотал он, взглянув на узкий переход между зданиями. Опасный. Ненадежный. Но другого пути не было.

Коул стоял на краю, взгляд его скользил по мертвому городу. Кто-то не хотел, чтобы они ушли. Кто-то знал, что они здесь. Вопросы крутились в голове, но ответов не было. Только один ясный мысленный образ. Полицейский участок. В трех кварталах отсюда. Возможность выжить. Он развернулся к остальным.

— Слушайте все – командовал Салилван. — Мы идем в полицейский участок. Там будет оружие. Там будет шанс.

Ярек устало засмеялся:

— А потом что?

Коул не ответил. Потому что правда была проста - они не знали.

Но остаться здесь — значило умереть. Коул шел первым, его шаги были тяжелыми. Каждый вздох обжигал легкие, каждый шаг давался через боль. Но останавливаться было нельзя.

— Чердак впереди, — произнес он, указывая на полуразрушенную дверь, из которой еще недавно вылетали те самые крылатые твари.

Джоан, придерживая раненое плечо, кивнула.

— Там может быть что-то полезное.

Ярек, обычно едкий и насмешливый, молчал. Его кулаки были сжаты, взгляд пристально сканировал темноту.

Медуза, с ободранными щупальцами и глубокими царапинами на морде, шел последним. Его электрические разряды потухли — энергия была на исходе.

Дверь в чердак скрипнула, поддаваясь удару плеча Коула. Внутри царил мрак, пропитанный запахом гнили и старого дерева. Груды хлама, разбитые ящики, обрывки ткани... И труп.

Мужчина, крупный, в спортивном костюме, который когда-то, возможно, был красно-синим, а теперь превратился в грязно-серое месиво. Его тело было обглодано — ребра торчали из-под разорванной кожи, кисти рук почти полностью отсутствовали.

Но в одной из них — монтировка. Тьерри подошел ближе, его дыхание участилось. Он наклонился, осторожно разжал окоченевшие пальцы и взял инструмент. Металл был холодным, тяжелым.

"Ученый сражается с монстрами с помощью монтировки..."

Мысль показалась ему абсурдной.

"Где-то я уже такое видел..."

В какой-то компьютерной игре из детства. В той, в которую он играл, когда мир еще казался простым. Но название не вспоминалось.

— Ну что, теперь ты у нас главный по вскрытию черепов? — пошутил Ярек.

Тьерри лишь схватился за монтировку ещё крепче.

— Лучше это, чем ничего.

— Нам нужно перебираться на соседнее крыло. — осматривая крышу, сказал Коул.

Все молча кивнули.

Крыша музея была лабиринтом из разрушенных шпилей, обвалившихся перекрытий и зияющих провалов. Каждый шаг мог стать последним. Ярек шел первым, проверяя путь. Джоан прикрывала тыл, ее пистолет был наготове. Медуза, несмотря на раны, сканировал пространство, его щупальца иногда подрагивали, улавливая невидимые угрозы.

Тьерри сжимал монтировку, как священный артефакт.

"Если выживу, найду ту игру..."

Мысли были глупыми, но они держали его в реальности. Коул вел их. Его глаза не отрывались от цели — соседнего крыла, где, возможно, был выход. Или новая ловушка. Но останавливаться было нельзя.

Ветер свистел между зубцами старинной кладки, срывая с губ проклятия и унося их в черное небо. Крыша под ногами была ненадежной — черепица крошилась, железные балки скрипели под весом, словно предупреждая: один неверный шаг, и полетишь вниз, в эту бездну разбитых витражей и костей.

Коул присел на корточки у самого края, оценивая расстояние до соседнего крыла.

— Два метра. Надо прыгать.

Ярек посмотрел вниз, сжимая в руках дробовик:

— А если не допрыгнем?

— Тогда тебя хоть хоронить не придется, — буркнул Тьерри, поправляя очки. Его пальцы нервно перебирали монтировку.

Джоан, стиснув зубы, первой сделала шаг назад для разбега.

— По одному. Я первая.

Она не ждала одобрения. Толчок — и ее фигура на мгновение замерла в воздухе, её хрупкий силуэт мелькнул на фоне черного неба. Сапоги гулко ударили по противоположной крыше, она покатилась, гася инерцию, но удержалась.

— Чисто!

Остальные переглянулись. Тактика была проста: Никакой спешки. Один за одним. Без паники. Пока один прыгает, остальные следят за небом — вдруг летающие твари вернуться. Последний бросает сигнальную шашку — если гибриды близко, свет и дым собьют их с толку.

Коул прыгнул вторым. Затем Тьерри, чуть не поскользнувшись на краю, но Медуза успел подхватить его щупальцем. Ярек, оставшись последним, швырнул за собой дымовую шашку и так же прыгнул следом. Оранжевый дым закрубился за его спиной, скрывая их следы.

Соседнее крыло оказалось плоской площадкой, уставленной вентиляционными коробами и древними антеннами. В углу чернел проем служебного входа — дверь с ржавым замком.

Тьерри присел перед ней, вертя в руках монтировку. Сталь скрипнула, засов поддался не сразу. С третьего удара что-то щелкнуло внутри, и дверь с противным скрипом приоткрылась.

Коул первым просунул ствол в щель, осматривая помещение.

— Чисто.

Техническая комната была завалена ящиками с истлевшими бумагами и сломанными приборами.

Гибриды были здесь. Но сейчас их не было видно. Лестница вела на второй этаж — в полумрак залов, где что-то шевелилось за каждым углом. Ярек последним вошел внутрь, прикрыв за собой дверь.

— Ну что, кролики, в нору?

Никто не засмеялся. Они шли цепочкой, идя вдоль стен.

Коул — первый, автомат наготове. Джоан — прикрывает тыл, Тьерри и Медуза в середине — один с монтировкой, другой чует угрозу кожей. Ярек — замыкающий, с ножом и дробовиком.

Каждый шаг был продуман. Каждый вздох — контролируем.

Тени казалось, шевелились на стенах, но это были лишь расшатанные нервы и игра света и тени. Лестница, по которой спускался отряд, скрипела под их ногами, каждый звук казался неестественно громким.

Отряд двигался короткими перебежками - пять шагов, пауза, осмотр, снова движение. Тактика, отработанная до автоматизма: никогда не застыть на месте, но и не бежать вслепую.

Где-то наверху явно слышался скрежет когтей по металлу, затем - влажный хрип. Но звуки стали удаляться. Ярек, замыкающий цепочку, нервно поерзал.

— Чертова прогулка по музею ужасов, — пробормотал он. Коул резко обернулся, приложив палец к губам.

Первый этаж встретил их просторным холлом. Когда-то здесь, вероятно, кипела жизнь - теперь лишь осколки стекла хрустели под ногами, а на стенах зияли следы от когтей.

— Наконец-то, — Ярек шагнул к массивным дверям, занес ногу для удара.

— Стой! — Медуза резко вытянул щупальце, останавливая его. — Дверь на сигнализации. Попробуешь выбить - поднимешь на уши весь музей.

Ярек с отвращением посмотрел на вытянутое щупальце Медузы и огрызнулся.

— Не смей до меня дотрагиваться своими сраными отростками, уродец. Еще раз такое выкинешь, и я тебе их оторву нахрен!

Медуза, до этого постоянно сносивший все жесткие шутки и неллицеприятные высказывания поляка в свою сторону, тихо зарычал, смотря Овичу прямо в глаза.

— Во-первых, меня зовут Ян, а не уродец. Во-вторых, если бы не мои «отростки», вы бы уже давно были мертвы...

Ярек усмехнулся, но в его глазах вспыхнуло что-то опасное.

— Справились бы и без твоей помощи. — Он сделал шаг вперед, сознательно нарушая личное пространство мутанта. — И да... Если бы не твои щупальца, парни с вертушки были бы сейчас живы.

Коул вклинился между ними прежде, чем Ярек успел схватиться за нож.

— Ович, отставить! — его голос резанул, как лезвие. — Не Ян сбил вертолёт, а что-то другое, мать его.

Тьерри уже подошел к контрольной панели.

— Дайте мне минутку, — он снял очки, протер их, затем внимательно изучил незнакомый интерфейс. Его пальцы замерли над клавишами. — Нестандартная система... Но попробую.

Коул занял позицию у лестницы, его плечо прижалось к стене, обеспечивая устойчивую точку для стрельбы.

— Джоан, прикрой правый фланг. Ович, следи за коридором.

Ярек нехотя занял указанное место, его пальцы нетерпеливо барабанили по прикладу.

— Ну сколько можно с этим возиться? Мы как на ладони здесь.

— Тише, — прошипела Джоан. Где-то в глубине здания что-то упало с глухим стуком. Все напряглись, но звук не повторился.

Тьерри провел языком по пересохшим губам. — Еще немного... Кажется, я почти... — Раздался мягкий щелчок, и панель замигала зеленым. — Готово!

Двери с тихим шипением начали расходиться. Свежий ночной воздух ворвался в затхлое помещение, обещая свободу.

И в этот миг — тень обрушилась сверху. Земля содрогнулась под тяжестью падения. Он встал перед ними. Крестоносец. Отряд замер. Даже дыхание остановилось. Крестоносец поднял голову. Его пасть — раскрылась в немом рыке. Они нарушили покой. Теперь они умрут.

Коул среагировал первым:

— Расходимся!

Отряд рассыпался в стороны, как только меч врезался в землю там, где они стояли. Камни разлетелись осколками. Ярек откатился, вскидывая дробовик. Выстрел. Дробь ударила в грудь Крестоносца, но отскочила, оставив лишь царапины на латах.

— Блядь!

Джоан присела за обломком колонны, целясь в щель между латами. Две пули. Одна — рикошет. Вторая — попала. Крестоносец взревел, развернулся к ней. Тьерри швырнул припасённую оглушающую гранату. Взрывная волна ударила по барабанным перепонкам, заставив весь отряд инстинктивно пригнуться. На мгновение воздух заполнил едкий дым, а звук превратился в глухой гул.

— Сработало? — кто-то крикнул сквозь звон в ушах.

Но надежда умерла мгновенно. Крестоносец лишь встряхнулся, будто сбрасывая назойливую муху. Его нервная система так же мутировала — теперь он не реагирует на оглушение.

— Чёрт... — прошептал Тьерри. — Он даже не почувствовал.

Левая рука монстра дёрнулась. Кости затрещали, словно ломаясь изнутри, кожа лопнула по швам, обнажая кроваво-красную плоть. Мышцы скручивались, перестраивались, покрываясь блестящими хитиновыми пластинами — за секунды превратившись в чудовищную крабовидную клешню.

Его меч взметнулся в воздух. Джоан едва успела отпрыгнуть — лезвие с рёвом рассекло пространство перед ней, вонзившись в пол с такой силой, что бетон треснул. Она вскочила на ноги, целясь ему в голову. Три выстрела. Четыре. Пять.

Пули вгрызались в его череп, выбивая осколки кости. Из пробоин хлынула густая черная слизь, но Крестоносец не падал. Его голова дёргалась, словно на невидимых нитях. Обойма пуста. Джоан швырнула магазин, рука уже потянулась за новым...

Но Крестоносец был быстрее. Он побежал вперёд, клешня взметнулась в горизонтальном ударе — наотмашь. Она ударилась о стену, кровь брызнула изо рта. Коул кинулся к ней, но Крестоносец уже развернулся к Тьерри.

Клешня схватила его за ногу, приподняла. Тьерри закричал, пытаясь достать нож. Медуза кинулся вперёд, щупальца вспыхнули электричеством. Он бил разрядами снова и снова, щупальца обвивали доспехи, прожигая металл. Крестоносец шагнул вперед, меч свистнул, рассекая воздух над одним из щупалец. Медуза вцепился когтями ему в череп, разряд прожёт его изнутри. Крестоносец затрясся, глазницы полыхнули алым. На мгновение показалось, что он рухнет.

Гигант завыл, отпустил Тьерри. Ярек выстрелил в спину. Опять — никакого эффекта. Клешня взмахнула — и вонзилась Медузе в плечо. Фонтан крови, крик — но мутант вырвался, отползая, оставляя за собой кровавую полосу. Крестоносец откинул мутанта от себя, развернулся, клешня схватила Коула за горло. Подняла. Сдавила.

— Коул! — Ярек дал заряд дробы в голову монстра.

Крестоносец взревел, откинул Коула, но клешня уже мутировала дальше — шипы выросли, стали длиннее. Он готовился к последнему удару.

Тьерри, хромая, поднял то, что нашёл на полу. Рыцарский кинжал. Древний. Но острый. Он кинулся с ним на Крестоносца, вонзил лезвие в щель между латами на спине и провернул с хрустом. Туда, где была плоть. Монстр застыл. Меч выпал из рук, грохнулся на пол. Клешня судорожно задергалась.

Тьерри схватил исполинский меч монстра. Он закричал — от ярости, от отчаяния, от боли и... Удар. Второй удар. Металл скользил по броне, искрил, но Тьерри бил, пока лезвие наконец не прорубило последние сухожилия.

Голова отлетела, ударилась о пол и покатилась, оставляя за собой чёрную жижу. Исполин рухнул на колени, затем — вперёд, как срубленный дуб. Тело ещё дёргалось, но это были уже просто рефлексы мёртвой плоти. Тяжёлое дыхание Тьерри. И кровь, капающая с меча.

Джоан с трудом поднялась, держась рукой за сломанные ребра. Ярек все еще держал мертвое тело великана на мушке. Медуза сидел на полу, переводя дыхание. Кровь сочилась из его раны, но мутированные ткани уже начинали стягиваться, но боль не проходила. Коул перевел взгляд на окровавленный меч, затем на Тьерри:
— Хороший удар...

Это прозвучало немного нелепо - банальная фраза после такого кошмара.

Октябрьская ночь встретила их прохладой. Воздух, свежий и резкий после затхлых коридоров музея, наполнил легкие, но вместе с ним пришло и облегчение — они снова были под открытым небом, а не в каменной ловушке, наполненной кошмарами.

Двор музея представлял собой причудливую смесь запустения и незавершенных работ. В центре, среди заросшего бурьяном газона, стоял полуразрушенный фонтан, его чаша давно высохла, а по краям валялись обломки мраморных украшений. Рядом лежала огромная шестерня — словно лопасть какого-то древнего механизма, брошенная здесь на реставрацию, но так и не тронутая. Ее зазубренные края ржавели под луной, напоминая остов мертвого исполина.

Недалеко от выхода возвышалась статуя — абстрактная композиция, изображавшая, видимо, взлетающую ракету. Ее стальной каркас поблескивал в свете луны, а тень падала на землю длинной, искаженной полосой, похожей на животное, застывшее в прыжке.

Коул осмотрел улицу, поправив ремень от винтовки на плече.
— Три квартала до участка. Быстро, тихо, без остановок.

Марш-бросок через ад.
Первая улица. Разрушенные витрины, разбитые машины, кровавые следы на асфальте. Они бежали цепочкой, Коул впереди, Джоан прикрывала тыл, Медуза и Тьерри в середине, Ярек — на фланге, его дробовик наготове.

Тень метнулась между домами. Все замерли, прижались к стене.

— Тихо... — шепнул сквозь зубы Коул, вскинув оружие.

Но тварь не вышла. Может, не заметила. Может, ее что-то отвлекло. Отряд побежал дальше.

Вторая улица.

Догорающий вертолет. Они замедлились, не веря своим глазам. Обломки дымились, искры потрескивали на прогнутом фюзеляже.

— Кто... кто это сделал? — Тьерри не смог сдержать вопрос.

— Хотелось бы мне тоже узнать. — отводя взгляд, Коул не сбавлял темп.

Медуза отстал. Он остановился, его жабры впускали в лёгкие едкий дым. Он впервые за месяцы вышел на открытое пространство. До катастрофы он прятался в музее, боясь и себя, и тех, кто снаружи. А теперь...

В его голове вспыхнул жёлтый свет уличных фонарей. Люди. Смех. Шум машин. Он спешит на работу, в руках — бумажный стаканчик с кофе. "У Марьяны" — лучший эспрессо в городе.

«Было ли это на самом деле? Или мне это приснилось?»

Теперь же — вывеска висела на одной цепи, скрипя на ветру. За разбитым стеклом — перевёрнутый стул, следы борьбы, высохшая кровь на плитке.

— Я... заходил туда. Брал кофе — прошептал он.

Он поднял руки — когтистые, покрытые фиолетовой чешуёй. Как это всё произошло? Воспоминания рвались, как плёнка на старой кассете. Он сидит за тем самым столиком у окна. Девушка стоит напротив него и улыбается. Её имя... её имя... Щупальца на спине дёрнулись, будто реагируя на боль в висках.

— Нет. Нет, нет, нет...

Он дернул головой, чувствуя, как мозг пытается собрать себя обратно, но кусочки не сходятся.

— Ян! — Джоан схватила его за руку. — Ты в порядке?

Он задышал глубже, ощущая холод её пальцев сквозь чешую.

— Да... Да, я здесь.

Но когда они побежали дальше, он оглянулся на кафе в последний раз.

Марьяна... Имя всплыло из ниоткуда. Она всегда добавляла корицу.

Третья улица.

Когда показался полицейский участок — старое кирпичное здание с выбитыми окнами и покосившейся вывеской — раздался визг.

Из переулочка вырвалось нечто — низкое существо с телом быка, с огромными передними лапами, которые словно вросли в бетонные блоки, царапающие асфальт.

— Бежим! — закричал Коул, разворачиваясь для прикрытия.

Они поспешили к дверям участка. Ярэк сделал несколько выстрелов — и замедлил преследователя. Джоан первой достигла двери, выстрелила в замок — дверь поддалась.

Скрип массивной двери эхом разнесся по пустым коридорам, когда отряд втиснулся внутрь. Коул последним забежал, с силой задвинув за собой металлическую дверь, тут же подперев ее тяжелым шкафом. Джоан моментально принялась закреплять дополнительные засовы, ее трясло не от страха, а от адреналина, все еще бурлящего в крови. Снаружи что-то билось об стены, скрежетало когтями по металлу... Но дверь выдержала.

Внутри было темно, пыльно и тихо. Коул прислонился к стене, закрыл глаза.

— Мы наконец-то здесь...

Но вопрос висел в воздухе: надолго ли?

ГЛАВА 8 – Изоляция

Участок словно застыл во времени: компьютеры с разбитыми экранами, разбросанные документы, перевернутая чашка с остатками кофе на одном из столов. На стене висел календарь с датой, за две недели до катастрофы. Медуза медленно скользил вдоль помещения, его щупальца трепетали, улавливая малейшие вибрации.

— Тут никого нет, — наконец прошипел он, и напряжение в плечах Коула немного ослабло.

Лестница в подвал участка скрипела под тяжелыми сапогами Овича. Его фонарь осветил массивную дверь с надписью "Оружейная. Доступ только для персонала". Замок поддался после двух точных ударов прикладом. Тьерри замер на пороге, его очки отразили мерцающий свет фонаря. Полки. Десятки полок, заставленные оружием. Винтовки, пистолеты-пулеметы, дробовики — все аккуратно расставленные, будто ждали своего часа. Ящики с патронами, стеллажи с гранатами, тактические жилеты.

— Черт возьми, — прошептал Ярэк, его голос дрогнул от неожиданного облегчения. Он потянулся к ближайшему дробовику SPAS-12, проверяя затвор. Металл блеснул в свете фонаря — чистый, смазанный. Он сразу же заменил свой старый KC-23 на новенький слоновой. Кто-то явно заботился о своем арсенале.

Тьерри уже рылся в дальнем углу, отыскивая бронежилеты.

— Вот! Современные, с керамическими пластинами. — Он снял очки, протер их, затем бросил один жилет Овичу. — Для Джоан тоже возьмем. И патронов побольше.

Ярэк тем временем обыскивал шкафчики, вытряхивая содержимое на пол. Энергетические батончики, фляжка с чем-то крепким, пачка сигарет — все летело в его рюкзак.

— В данной ситуации все сгодится, — проворчал он, натыкаясь на коробку с медикаментами.

— О, вот это удача!

Наверху, в одном из кабинетов, Джоан расстелила на столе карту города, отмечая путь. Медуза стоял у забитого досками окна, его щупальца время от времени подрагивали, но угрозы он не чувствовал. Коул сидел на краю стола, его автомат лежал рядом, как всегда, на расстоянии вытянутой руки. Он медленно вытирал тряпкой лицо, смывая копоть и кровь.

— Думаешь, они нас найдут? — тихо спросила Джоан, не отрываясь от карты.

Коул посмотрел на запертую дверь, затем на укрепленные окна.

— Не сразу. У нас есть время. — Его голос звучал спокойнее, чем он чувствовал на самом деле.

Скрип лестницы возвестил о возвращении Овича и Тьерри. Ярэк вошел первым, его лицо озаряла улыбка.

— Вы не поверите, что мы нашли!

Он швырнул на стол связку гранат, затем пачку патронов. Тьерри молча положил перед Джоан новый бронежилет.

— Попробуй, должен подойти.

В углу комнаты Медуза вдруг напрягся. Его щупальца резко вытянулись.

— Тише, прошипел он.

Все замерли. Где-то в отдалении за пределами участка, раздался протяжный, леденящий душу вой. Но он был далеко. Пока далеко.

Коул медленно кивнул.

— Отдыхаем. Потом двигаемся дальше. — Он сжал рукоять автомата. Он знал, что эта передышка могла закончиться в любой момент.

Отряд расположился в бывшем кабинете начальника — единственном помещении с сохранившейся дверью. На полу, среди разорванных папок и пустых гильз, были разложены походные спальники. Бледный свет фонаря, подвешенного к потолочному крюку, отбрасывал пляшущие тени на стену, где все еще висела потрескавшаяся табличка "Капитан Дж. Парецки".

Коул дернулся во сне, его руки судорожно схватили винтовку. В кошмаре он снова видел их — жену и сына, их лица, искаженные ужасом в последние мгновения. Затем картина сменилась — их тела начали неестественно срастаться и дергаться, кости ломаться и перестраиваться, кожа пузыриться. Три головы, одна над другой, выросли из сплетающихся тел, их рты растянулись в беззвучном крике. Чудовище поползло к нему, а он стрелял, стрелял, пока ствол не раскалился докрасна...

Он проснулся с резким вдохом, весь в холодном поту. Глаза дико метались по комнате, пока не наткнулись на фигуру Ярека, сидящего на перевернутом ящике с боеприпасами у двери.

— Опять эти сны? — поляк хрипло прошептал, не выпуская из рук новенький дробовик. Его лицо в тусклом свете казалось вырезанным из старого дерева — все морщины и шрамы стали глубже, резче.

Коул медленно кивнул, пытаясь унять дрожь в руках. Губы его были сухими, язык прилип к нёбу. — Они теперь с нами навсегда, — Ярек протянул пачку сигарет. — Как и все остальное дерьмо в этом городе.

Командир взял сигарету трясущимися пальцами. Первая затяжка обожгла легкие, но принесла успокоение. Дым клубился в воздухе, смешиваясь с пылью.

— Мы уже однажды допустили ошибку, — тихо начал Коул, глядя на тлеющий кончик. — Позволили тем ублюдкам взорвать бомбы. И теперь... — он сделал паузу, — теперь мы не можем допустить, чтобы то, что случилось здесь, вырвалось наружу. Ярек молча кивнул, его глаза блестели в полумраке.

В углу комнаты Тьерри и Джоан спали в своих спальниках, их дыхание ровное, но поверхностное — сон, готовый прерваться в любой момент. Джоан иногда вздрагивала, беспокойно ворочаясь.

Медуза дремал у противоположной стены, его щупальца время от времени подрагивали, выпуская маленькие искры. Зеленовато-фиолетовые пятна на его коже пульсировали в такт дыханию, будто что-то живое двигалось под кожей.

На столе рядом валялись остатки скудного ужина — пустые банки консервов, обрывки упаковок. Салливан уже не мог заснуть, а потому решил, что пора ему заняться делом. Он сидел за столом, достав те документы, что дала ему Джоан в канализации. Тогда не было времени вчитываться. Теперь — другого выхода не оставалось. Они что-то упустили. Первые страницы — сухие отчеты. Метеорит. Упал в море. Ученые подняли его обломки. Нашли что-то внутри.

Слово "патоген" повторялось снова и снова, но половина предложений была замазана черным маркером. Эксперименты. Фотографии: богомолы с увеличенными челюстями, ящерицы с лишними конечностями, крысы, чьи тела покрылись хитиновыми пластинами.

А потом — люди. Коул перевернул страницу — и его взгляд замер.

"...Гиперион контролируют проект..."

"...Вирус Новой Земли..."

Его дыхание замедлилось.

"Они пытались создать вакцину?"

Но дальше — хуже.

"Человечество может оказаться на пороге вымирания через несколько поколений, если вирус не удастся нейтрализовать..."

Следующая страница. Фотографии. Деформированные люди. И среди них — одно досье.

Анна Хатчинс. 25 лет.
Описание мутаций:

День 1: Выпадение волос.

День 3: Изменение пигментации кожи (фиолетовые пятна).

День 7: Рост дополнительных мышечных волокон.

День 14: Правая рука трансформировалась в щупальцевидный придаток.

Последняя фотография. Оно уже не было человеком.

Фиолетовая, покрытая пузырями плоть. Глаза — желтые, без зрачков. Рот — растянутый, как у рыбы-удильщика.

Примечание:

"Подопытная №10 (Анна Хатчинс) впала в буйство на 18-й день. Разорвала двух охранников. Покончила с собой, вскрыв горло собственными зубами. Тело препарировано для изучения."

Коул отшвырнул лист, будто тот обжег ему пальцы. Следующие страницы выглядели так, будто их исписал сумасшедший. Каскады формул, графики мутаций, диаграммы ДНК — и поверх всего этого кровавые отпечатки пальцев.

И одна последняя запись:

"Морозов добился стабильности генома. Гиперион могут дать нам все ресурсы. Они заинтересованы."

Коул замер. Гиперион.

— Гиперион... Где я слышал это название? — задумчиво произнес в слух Коул.
Частная военная компания. Та самая, что фигурировала в докладах о "Новой Земле".
"Что они хотели от ученых?"

Ярек стоял над ним, его лицо было бледным, глаза — как у загнанного зверя.
— Ты сказал: "Гиперион"?

Ович ткнул пальцем в одну из фотографий. На снимке — группа солдат в черной форме. В центре — высокий мужчина с острым взглядом.
— Этот ублюдок — Себастьян Корсо.

Голос Ярека дрогнул, но не от страха. От ярости.
— Если он здесь... то мы уже мертвецы. Просто еще не знаем об этом.

Тьерри и остальные переглянулись. Коул медленно встал.
— Поясни.

Ярек замолчал на секунду. Потом он начал — тихо, словно боялся, что стены услышат.
— Когда-то я служил в его отряде, в Конго. Тогда мы попали в засаду, из 20 человек выжили только мы с ним вдвоем. После этого он сошел с ума. Решил, что люди — слабы. Что только сверхлюди могут выигрывать войны.

Его голос стал жестче.
— С тех пор он одержим биоинженерией. Стал искать любые способы создать суперсолдат. А теперь этот псих экспериментирует с метеоритом...

— Значит, дела хуже, чем мы думали, — сказал Коул

Тьерри первым нарушил повисшее молчание.

— То есть... этот Корсо — причина всего? Мутаций? Вируса?

Ярек кивнул.

— Он верит, что превратит людей в оружие. А тех, кто не подходит...

Взгляд на фотографию Анны Хатчинс.

— ...выбросит, как мусор.

Коул посмотрел на документы. Теперь он понимал. Это не просто катастрофа. Это эксперимент. И они — лишь подопытные в его лаборатории.

Коул продолжил изучать документы.

"Предтечи..."

Это слово впервые привлекло его внимание. Оно было написано с заглавной буквы, словно имя собственное, а не научный термин. Коул нахмурился, его пальцы сжали страницу чуть сильнее.

"Геном внутри — это код, активирующий ускоренную эволюцию. Но если расшифровать данные неверно, то он может стать ужасным биооружием..."

Следующая строчка была частично зачёркнута, но читалась:

"...и Морозов полностью начал контролировать исследования. У меня больше нет права голоса..."

Коул почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Морозов. Это имя уже встречалось в документах. Учёный, один из ведущих специалистов проекта. Тот самый, кто, судя по всему, продал душу дьяволу ради "прогресса".

Он перевернул страницу и увидел спутниковый снимок.

Метеорит. На снимке он выглядел... неестественно правильным. Почти искусственным. Его поверхность была покрыта геометрическими узорами, словно кто-то намеренно выгравировал на нём послание. Или инструкцию.

Следующие записи были сделаны нервным, дрожащим почерком, словно автор спешил, боялся, что его вот-вот обнаружат:

"Матричные диски с данными готовы. Резервная лаборатория подготовлена... Часть метеорита тоже там. Я должен исправить ошибку."

— Ошибку? — Коул задумался. — Чью ошибку? Морозова? Или тех, кто стоял за ним?

Он почувствовал, как его сердце бешено заколотилось. Он понимал, что держит в руках ключ ко всему этому кошмару.

"Предтечи... Метеорит... Ускоренная эволюция..."

Он закрыл глаза, пытаясь собрать пазл воедино. Он снова и снова перечитывал документы, выискивая то, что мог упустить.

Фотографии деформированных существ — сначала животных, потом людей — лежали перед ним как страницы из какого-то кошмарного альбома. Но сейчас его внимание привлекло другое. Диктофон, что передал ему тот старик. Старый, потрёпанный, с потускневшими кнопками. Он достал его из сумки, провёл пальцем по потрескавшемуся корпусу и нажал "play".

Помехи. Шипение. Потом — голос, искажённый временем и страхом:

"Этому тирану из 'Гипериона' нельзя верить. Этот человек опасен, он безумен..."

Голос прервался, заглушённый резким скрежетом. Коул нахмурился, подкрутил громкость.

"...но любая цена оправдана во имя науки... военные могут лучше финансировать исследования..."

Следующие слова утонули в шуме, но потом снова пробились сквозь помехи:

"Машина Уэллса... после того, как мы использовали полученные данные... перестраивает человека на молекулярном уровне, делая его сильнее, быстрее, умнее..."

Коул замер.

"Гиперион даже начали разрабатывать какие-то устройства и бронекостюмы на основе расшифрованных данных..."

Запись кончилась. Но в голове у него теперь звучал новый вопрос: «Если учёные добились успеха... что пошло не так?»

Коул откинулся на спинку стула, его взгляд скользнул по разбросанным бумагам.

Резервная лаборатория. Первая, по словам Джоан, была разрушена. Но если там остались хоть какие-то данные... Там могут быть ответы.

"Гиперион... Машина Уэллса... улучшенный геном..."

Это были не просто обрывки информации. Это была карта. Карта того, что превратило Горький-17 в ад. И, возможно, ключ к тому, как этот ад остановить.

Туалет полицейского участка. Стены, испещрённые трещинами, будто паутиной времени. Разбитая кафельная плитка хрустит под ногами. Грязное зеркало над раковиной, затянута плёнкой пыли и грязи, отражает лишь обрывки реальности — искореженные силуэты.

Медуза стоит перед ним. Нет. Не он. Оно.

Воспоминания. Они накатывают волнами, как прибой, неся в себе последние остатки его человечности.

Ян Курац. Специалист по глубоководной фауне. Человек, который когда-то часами просиживал перед аквариумами, заворожённый мерцанием существ, рождённых в вечной тьме. Он восхищался их странной, чужеродной красотой.

Смешно. Теперь он сам — экспонат.

Тело, которое он не просил. Кожа, покрытая грубой чешуёй. Щупальца, растущие из его спины, живущие своей жизнью, реагирующие на опасность быстрее, чем он успевает подумать. Всё, что осталось от него — обрывки одежды. Рваный пиджак, изодранный в боях, и брюки, превратившиеся в лохмотья.

Он пытается не смотреть в зеркало. Но не может.

Он хватается за раковину, его когти впиваются в фарфор, оставляя царапины. В голове — какофония из голосов:

— Ты больше не человек.
— Ты монстр.
— Ты ошибка.

Одно из щупалец вдруг дёргается, бьёт по стене. Штукатурка осыпается, трещина расходится, как молния. Он не контролирует это. Не контролирует себя.

Ярость подкатывает комком к горлу. Он орёт, бьётся головой о зеркало. Стекло трескается, дробит его отражение на десятки кусков. Теперь он видит себя множеством — каждый осколок показывает другую часть кошмара: здесь — большие глаза, здесь — рот, растянутый в беззвучном крике, здесь — извивающееся щупальце.

На полу — осколок стекла. Острый как бритва. Один точный разрез — и всё закончится. Он поднимает его, подносит к горлу. Рука дрожит. Щупальца вдруг сжимаются в комок, будто пытаются сдержать его. Дыхание. Частое. Громкое.

«Сделай это. Освободись.»

Но за дверью — голоса.

Джоан спорит с Яреком — её голос резкий, как всегда, когда она напугана. Коул что-то говорит Тьерри — спокойно, расчётливо. Они ждут его. Они нуждаются в нём.

«Они бы погибли, если бы не я. Я спас их.»

Осколок падает на пол, звенит. Он схватил его так сильно, что рассек себе ладонь. Но он даже не почувствовал. Он хватается за голову, за эту деформированную черепную коробку, в которой ещё теплится разум.

«Как такое возможно? Почему я всё ещё могу думать? Все, кого я знал, стали тварями. Сошли с ума. Умерли. Но не я. Француз говорил, что в его лаборатории смогут помочь.»
Частичка надежды. Она слабая. Хрупкая. Но её хватает.

«Может быть... может быть, я ещё смогу стать прежним? Но если нет...»

Если он всё же сойдёт с ума — он сделает всё, чтобы Коул и его люди не пострадали. Даже если это будет последнее, что он делает.

Заброшенный полицейский участок. Архив. Тьма в подвале была густой, почти осязаемой. Светильники, поставленные на стол, отбрасывали тени на стеллажи, забитые папками с делами.

Джоан сидела на полу, разложив перед собой папки с отчетами. Ее пальцы, покрытые слоем пыли, осторожно перелистывали страницы.

"Первые часы заражения..."

"На углу улицы Сейда и Нинно видели... Боже, я не знаю, что это было. Оно выглядело как мой сосед Томаш, но... его кожа пузырилась желтым, а изо рта росли... росли..." — дальше текст обрывался, залитый чернилами.

"Моя дочь... она кричала, что у нее чешется спина. Потом... потом у нее стали расти... Боже, помоги нам..."

Джоан почувствовала, как по спине пробежал холодок.

"Как будто Бог смешал людей с окружающей материей..."

Она закрыла папку, но образы уже врезались в сознание. Джоан поправила прядь рыжих волос выбившихся из хвоста и взяла следующий документ — Отчет о "Новой Земле".

Тьерри, копавшийся в соседнем шкафу, обернулся.
— Что там?

— 2030 год. Эко-террористы. Они распылили что-то... — она провела пальцем по строчкам, — биологическое оружие.

Тьерри подошел ближе, его тень накрыла документы.
— И что? Город справился?

— Если бы, — горько усмехнулась Джоан.

Она перевернула страницу. Фотографии. Люди с фиолетовыми пятнами на коже. Дети с черными как угли глазами. Трупы, сложенные в пирамиды.

Тьерри отвернулся.

— Боже...

Она закрыла папку, чувствуя, как ком подступает к горлу. Тьерри, копавшийся в соседнем шкафу, посмотрел на нее.

— Джоан... — он начал осторожно, подбирая слова. — Как ты... справляешься?

Она не сразу ответила. Её взгляд остановился на фотографии — снимке одной семьи, сделанном за неделю до их исчезновения.

— С чем именно?

— С тем, что произошло в музее. С девочкой...

Джоан закрыла глаза. Вспышки памяти. Крик. Плоть,двигающаяся не так, как должна. Закатившиеся глаза.

— Я... не справляюсь, — призналась она, и голос ее предательски дрогнул.

Тьерри молча сел рядом, отложив приборы.

— Ты не могла ей помочь.

— Я врач, — резко сказала она. — Я должна была помочь.

Джоан добавила:

— Моя мать умерла, когда мне было пять.

Тьерри взглянул на нее.

— Вирусная инфекция. Редкая. Неизлечимая. — Джоан говорила ровно, но в каждом слове стояла боль. — Я помню, как она угасала. Как врачи разводили руками. Как отец... сломался.

— Она...она не должна была так уйти. Никто не должен был уходить так рано.

Она перевернула страницу.

— Я решила стать медиком, чтобы такого больше не было. Чтобы дети... не теряли родителей.

Тьерри смотрел на нее, и вдруг понял, что видит не солдата. Не военного врача. А девочку, которая до сих пор держит руку умирающей матери.

Голос снова дрогнул.

— Но здесь... здесь я ничего не могу.

Тьерри молча протянул руку, накрыл ее ладонь своей.

— Ты спасла нас.

Она посмотрела на него.

— Мы еще живы. И пока это так — ты всё делаешь правильно.

И тогда Тьерри протянул руку — не как коллега. Как друг.

— Мой отец впервые привел меня в лабораторию, когда мне было семь.

Он улыбнулся, глядя в пустоту.

— Там показывали эксперимент с электричеством. Искры, свет... Я тогда решил, что стану ученым. Что сделаю мир лучше.

Джоан посмотрела на него.
— Он гордился бы тобой.

Тьерри кивнул, но в его глазах была тень.

— Он умер шесть лет назад. Рак легких. Я... я так и не смог ему помочь. А теперь я здесь. Среди этих бумаг. Среди этих кошмаров. И иногда мне кажется, что все это... бессмысленно.

Джоан медленно протянула руку, коснулась его пальцев.

— Нет. Потому что если мы сдадимся... то, кто тогда спасет тех, кто еще может быть спасен?

Тьерри посмотрел на нее. На ее усталые, но упрямые глаза. Он кивнул.

— Ты права.

На верху Коул снова и снова перечитывал строчки, выискивая то, что могло ускользнуть от него раньше.

"Эксперимент BT-6213. Кодовое имя: «Альфа-Гибрид»"

Фотография, прикрепленная к файлу, была размытой, но на ней угадывались очертания мужчины — до того, как он стал чем-то другим. До того, как его ДНК начала ломаться и перестраиваться.

Коул провел рукой по лицу, ощущая грубую щетину и усталость.

— Он не помнит, что делал в измененной форме, — пробормотал он, перечитывая отчет.

Последняя запись:

«Инцидент №51. BT-6213 непроизвольно активировал трансформацию во время осмотра. Убил ассистента (д-р Л. Ковальски). Потребовалось седативное. Испытуемый более не пригоден для контактов.»

Ярек, сидевший напротив и чистивший ствол своего дробовика, хмыкнул:

— И что, этот урод теперь тут шатается? Превращается во что захочет?

— Нет, — Коул покачал головой. — Он не контролирует это. Мутации случайны. Он может быть человеком... а через минуту — тем, что мы видели в музее.

Тьерри, вставший рядом, поднял голову:

— Значит, он не враг. Он жертва.

— Жертва? — Ярек усмехнулся. — Ты видел, что эти «жертвы» творят? Мне плевать, помнит он это или нет — если он сейчас в форме того скорпионьего ублюдка, я всажу ему в голову пулю, а потом разберусь.

Коул не ответил. Он нашел еще одну записку — маленькую, смятую, с координатами.

— «Церковь», — прошептал он. — За городом. Там должна быть резервная лаборатория.

Коул снова включил диктофон. Голос дребезжал, будто доносился из-под земли:

«Если вы это слышите... ищите церковь. Там ответы. Там... спасение. Или проклятие. Я больше не уверен.»

Запись оборвалась.

Ярек усмехнулся:

— Ну конечно, церковь. Где же еще прятать лабораторию?

Где-то за пределами участка что-то заскреблось по асфальту. Коул медленно поднял глаза.

— Значит, идем искать эту церковь.

ГЛАВА 9 – Лики смерти

Город вокруг них был словно вымерший скелет — облупленные фасады домов, разбитые витрины, ржавые автомобили, брошенные посреди улицы.

Отряд двигался осторожно, избегая открытых пространств. Коул шел впереди, его автомат наготове, анализируя темные окна, переулки, черные дыры подворотен, выискивая малейшие признаки опасности.

Медуза — или Ян, как он сам себя называл — держался чуть поодаль. Он остановился возле разбитой витрины, глядя на свое отражение в уцелевшем осколке стекла.

Там смотрел на него не человек. Не совсем. Пиджак, превратившийся в лохмотья, он наконец сбросил, оставив торс открытым — покрытым пятнистой, мерцающей зелено-желтой кожей.

Джоан замедлила шаг, давая остальным пройти вперед. Она посмотрела на Медузу, на его сгорбленную спину, на то, как одно из щупалец медленно почесывало место, где раньше был нос — жест, странно напоминающий человеческий.

— Ян? — осторожно позвала она.

Он вздрогнул, словно забыл, что у него еще есть имя.

— Да?

— Как ты себя чувствуешь?

Он медленно повернулся к ней. Его странные глаза изучали ее лицо, будто ища в нем ложь или страх.

— Ты помнишь, что с тобой было в музее?

— Помню. И мне страшно, Джоан.

Он сказал это так просто, так по-человечески, что у нее сжалось сердце.

— Я боюсь сойти с ума. Боюсь стать... таким же, как они.

Он кивнул в сторону переулка, где что-то шевельнулось в тени.

— Я пока еще могу думать. Еще помню, кто я. Но...

Он замолчал, его щупальца свернулись в комок.

— Но?

— Я забываю вещи. Лица. Имена. Иногда просыпаюсь и не понимаю, где я. А потом...

Он провел ладонью по своему лицу, словно пытаясь стереть с него мутации.

— Потом вспоминаю. И лучше бы не вспоминал.

Джоан молчала.

— Когда это началось... — он заговорил снова, тихо, будто боялся, что его услышит не только она. — Голова раскалывалась. Кости... они ломались и срастались по-новому. Позвоночник...

Медуза содрогнулся.

— Он будто проворачивался внутри. Раздваивался. Я чувствовал, как растут... эти.

Он показал на щупальца. Джоан не нашла слов. Вместо них она положила руку ему на плечо. Он вздрогнул, но не отстранился.

— Мы найдем лабораторию, — сказала она. — Там могут быть ответы. Может, даже... лекарство.

Он посмотрел на нее, и в его глазах впервые за долгое время появилось что-то, кроме страха. Надежда.

— Ты действительно так думаешь?

— Да.

Она не была уверена. Но солгать сейчас было бы куда страшнее. Впереди Коул подал сигнал — двигаться дальше. Медуза (нет, Ян) глубоко вдохнул и выпрямился.

— Пойдем.

Разрушенные пятиэтажки. Ржавые автомобили, брошенные посреди улицы с открытыми дверями. Вывески магазинов, где последние буквы давно осыпались, оставив лишь призрачные названия: «Гастроно...», «Мяс...», «Апте...».

Коул шел первым, его автомат наготове. Каждый шаг отдавался эхом в этом городе-призраке.

— Резервная лаборатория. Там должны быть образцы метеорита и матричные диски с исследованиями. Если мы их достанем — возможно, найдем способ остановить этот бардак.

— Значит, есть шанс, что нас тут не сожрут? — Рассмеялся Ярек, шагавший сзади

— Теоретически, — пробормотал Тьерри, поправляя очки.

— Гиперион, — Коул резко обернулся, его глаза сузились. — Если они все еще здесь — они тоже пойдут за этими дисками.

Тьерри нервно провел рукой по лбу

— Если они контролировали проект... Почему все пошло не так?

Коул не ответил. Где-то вдалеке скрипели вывески, качаемые ветром, словно предупреждая: «Бегите, пока можете». Но бежать было некуда.

— Тихо, — прошептал Коул, замирая у угла полуразрушенного магазина.

Впереди — автостоянка, заваленная брошенными машинами, и стройплощадка с недостроенным каркасом здания. Идеальное место для засады.

Именно тогда они появились. Сначала — тихий щелчок. Потом — свист.

— Ракета! — закричал Ярек, бросаясь в сторону.

Взрыв разорвал стену позади них, осыпав осколками. Из дыма вышел Элмер — двухметровый кошмар в хитиновом панцире, вместо лица — маска с прорезями для глаз, из которых струился желтый дым.

— Ох, мать твою, — пробормотал Ярек, заряжая дробовик.

Элмер вскинул руки вперед — лезвия выскользнули из предплечий с металлическим лязгом. Следом из дыма вышел второй.

Гарсия.

Его шея — длинная, гибкая, как у рептилии, — изгибалась, удерживая череп на манер клешни. В руках — пулемет, на ногах — берцы с металлическими шипами.

Он засмеялся — беззвучно, — и открыл огонь. Пули прошли стену, за которой прятался Тьерри.

— Нам нужен план! — крикнул француз, сжимая в руках гранату.

А потом пришла она. Люси. Суккуб из ночных кошмаров.

Ее тело — полуобнаженное, покрытое бурой чешуей, — скользило между развалинами, как змея. Голова раскрылась — вертикально, обнажая ряды зубов, как у глубоководного хищника.

— Они такие... милые, — прошипела она, целясь из винтовки.

Разрывной патрон прошиб бетонный блок, за которым пряталась Джоан.

— Курац, левый фланг! — скомандовал Коул.

Щупальца Яна метнулись вперед, обвивая ноги Гарсии. Тот взревел, рухнув на колени.

Ярек выскочил из-за укрытия, дробовик грохнул — хитин на груди Элмера треснул, но не пробился.

—Сука!

Элмер бросился в атаку. Коул успел отпрыгнуть, автомат строчил, но пули отскакивали от брони.

Люси смеялась, перезаряжая винтовку.

— Я люблю, когда они дергаются!

Тьерри швырнул гранату. Взрыв оглушил противников, но Гарсия уже поднялся, отшвырнув Медузу в стену.

Отряд Коула разделился.

Треск пулеметных очередей разорвал воздух, заставив отряд рассыпаться по стройплощадке. Люси скользила между бетонными плитами, ее бурая чешуя сливалась с ржавыми арматурами. Когда она смеялась, ее вертикальная пасть открывалась, как кошмарный цветок, обнажая ряды острейших зубов.

— Какие милые зверушки... — её голос был звучал издевательски и истерично. — Давайте поиграем.

Ярек, укрывшись у разбитого экскаватора, перезаряжал дробовик.

— А я думал, что только Медуза у нас болтать умеет. — бросил он, вытирая кровь с рассеченной брови.

Чёртова ирония. Чёртова насмешка судьбы.

Рядом, пригнувшись, замер Медуза. Его зелёная кожа пульсировала в такт дыханию, щупальца беспокойно шевелились, будто чувствуя опасность.

Ярек бы сейчас предпочёл компанию Джоан. Да, рыжая стерва вечно лезла не в своё дело, но хотя бы не была зелёной тварью с щупальцами. А теперь этот зелёный урод, которого он до сих пор считал бомбой замедленного действия, его единственный союзник на данный момент.

Люси мерзко засмеялась.

— Ты забавный. Я сожру тебя последним.

Медуза, стоявший чуть позади, кивнул Яреку.

— Она должна подойти поближе, — зашипел он.

Ярек отмахнулся от него. «Сейчас ещё этот урод ещё будет учить меня воевать». Первый порыв — послать его куда подальше. Но потом холодный расчёт взял верх. На дальней дистанции у них не было шансов.

— Чёрт... Ладно, давай попробуем, — процедил он, сам не веря, что соглашается.

— Ну что, красотка, давай ближе познакомимся? — Ович сделал шаг назад, притворяясь отступающим.

Люси бросилась вперёд. Она выстрелила на ходу — разрывной патрон взорвался в бетонной плите рядом, осыпав их осколками.

Ярек откатился за укрытие, перезаряжая дробовик.

— Сейчас, сучка...

Медуза ждал. Его щупальца напряглись, обвивая брошенный кран. В следующий миг он резко дернул — и его тело, словно катапультированное, перелетело через машину прямо на Люси. Щупальца впились в её плечи, жаля её электричеством. Одновременно он выплюнул струю кислоты — едкая жидкость попала прямо в ствол её винтовки. Металл зашипел, разъедаясь на глазах.

Люси взвыла от ярости, вгрызаясь зубами в плечо Медузы. Клыки пронзили кожу, кровь брызнула на асфальт.

— Жалкий гибрид! Ты даже не понимаешь, что ты такое! — она била его головой, разрывая плоть.

Ярек выскочил из-за укрытия, дробовик грохнул почти в упор. Пули разорвали чешую на её спине, но не остановили.

— Чёрт!

Тогда он активировал импланты. Металлические пластины на его руках раздвинулись, обнажив гидравлические усилители.

— Получай!

Удар пришёлся прямо в раскрытую пасть. Кость хрустнула, зубы разлетелись. Люси закачалась, но не упала. Медуза, собравшись с силами, обвинил её щупальцами, сжимая, как удав. Ярек не дал ей опомниться. Второй удар. Третий. Череп её треснул и она упала на асфальт.

Медуза тяжело дышал, поднимаясь с колен. Ярек окинул его оценивающим взглядом, затем кивнул:

— Неплохо... для гибрида

Вдалеке грохот боя напоминал - их товарищам тоже приходилось несладко. Но этот раунд они выиграли.

Гарсия выступил из дыма, его берцы вдавливались в асфальт, оставляя трещины. В руках — миниган, стволы которого уже начинали вращаться с жутким скрежетом.

— В укрытие! — рявкнул Коул, хватая Джоан за рукав и затаскивая её за разбитый грузовик.

Шквал огня прошёл металл, превращая кабину в решето. Стекла взрывались, обшивка рвалась, и Джоан пригнулась ниже, чувствуя, как пули свистят над головой.

— Чёрт! Он нас просто изрешетит! — крикнула она, перезаряжая пистолет.

Коул прижался к колесу, его взгляд скользнул по окружению — разбитые машины, груды кирпича, открытый люк в канализацию... План сложился мгновенно.

— Джоан, отвлекай! Я возьму его с фланга!

Она кивнула, резко выскочила из-за укрытия и дала очередь в Гарсию. Пули цокали по его бронированной груди, не пробивая, но заставляя развернуться.

Коул побежал вперёд, пригнувшись, используя машины как прикрытие. Гарсия, заметив движение, развернул ствол, но слишком поздно. Три выстрела в упор. Правая рука Гарсии разлетелась в кровавое месиво, миниган с грохотом рухнул на землю. Монстр заревел, выдернув мачете из ножен.

Удар. Остов автомобиля располосовало пополам, будто бумагу. Коул отпрыгнул, ещё два выстрела в голову, но череп лишь отклонился, защищённый клешней.

— Джоан!

Она уже целилась. Выстрел. Левая рука Гарсии отлетела, мачете с лязгом упало на асфальт.

Коул подхватил его на бегу. Гарсия шатался, чёрная кровь хлестала из культей, но он не падал. Его клешня сжала череп ещё сильнее, зубы скрипели от ярости.

Коул взобрался на крышу разбитого седана, схватил мачете, прыгнул. Взмах. Клешня отделилась от шеи, чёрная жижа брызнула фонтаном. Гарсия замер, его тело дрогнуло... А затем рухнуло на колени. Череп, наконец отпущенный, покатился по асфальту, оставляя за собой тёмный след.

Джоан подошла, пистолет всё ещё наготове. Коул тяжело дышал, стоял звон в ушах.
— Ты в порядке?

Коул взглянул на мачете, покрепче обхватил рукоять.
— В порядке.

Где-то вдали раздался рёв Элмера. Бой не закончен.

Тьерри откатился за разбитый погрузчик, его сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Ладони скользили по импровизированному огнемёту — газовой горелке, примотанной синей изолентой к разобранному стволу винтовки. Он был отрезан от остальных — Коул и Джоан сражались где-то в стороне с Гарсией, а Ярек и Медуза держали оборону против Люси.

Из-за груды искорёженного металла раздался скрежет — это Элмер шагнул ближе. Его хитиновый панцирь, покрытый камуфляжными пятнами, сливался с руинами, делая его похожим на оживший танк.

"Это он сбил вертолет..." — мысль пронеслась в голове, горячая, как адреналин в крови.

Тьерри понял: он загнан в угол.

Француз резко побежал влево, одновременно нажимая на спусковой крючок огнемёта. Струя пламени ударила в грудь Элмера, но огонь лишь скользнул по хитину, не причиняя вреда.

«Черт, он невосприимчив...»

Элмер не медлил. Его рука с лезвием взмахнула, проносясь в сантиметре от лица Тьерри. Тот отпрыгнул за бетонную колонну, чувствуя, как воздух рассекает очередной удар.

Мысли метались:

«Огонь не берет его... Броня слишком толстая. Но...»

Тьерри взглянул на ракетницы. Стыки. Места соединения брони с бионикой. Уязвимость. Элмер занес лезвие — и в этот момент Тьерри рванулся вперед, под удар. Огнемёт выстрелил прямо в ракетницу. Пламя ворвалось внутрь механизма.

Искры. Дым. Взрыв.

Элмер взревел, когда правая ракетница разорвалась, разбрасывая куски мяса и металла. Но он не упал. Он разозлился и бросился вперед, лезвия свистнули в воздухе.

Тьерри отпрыгнул, но один удар прошелся по его боку — кровь брызнула, прожгла болью.

"Слишком быстрый... Слишком сильный..."

Пулеметная очередь прошла воздух, ударив Элмера в спину. Броня треснула, черная жижа брызнула из пробоин.
Коул стоял в десяти метрах, сжимая в руках пулемет Гарсии.

— ТЬЕРРИ, ОТПОЛЗАЙ!

Элмер развернулся, ракетница загудела снова — но Коул уже нажал на спуск. Вторая очередь. Голова Элмера взорвалась, осколки хитина разлетелись. Тело замерло, закачалось — и рухнуло, как срубленное дерево.

Тьерри смотрел, не веря. Коул подошел, бросил пулемет.
— Ты цел?

Тьерри кивнул, зажимая рану.
— Спасибо.

Коул опустился на одно колено рядом с телом Элмера. Мертвый гибрид лежал в луже черной, вязкой жидкости, его хитиновая броня треснула, обнажив бледную, покрытую шрамами плоть. На груди, чуть ниже ключицы, виднелась выжженная метка — Три скрещённых клинка с разорванной цепью.

"Гиперион".

В памяти тут же всплыли обрывки документов, которые он изучал в опустевшем полицейском участке. "Проект "Химера". "Гибридизация образцов А-24 с генетическим материалом метеорита". "Повышение агрессии, регенерации, адаптации".

— Это их работа, — пробормотал он, проводя пальцем по символу. — Те самые эксперименты над солдатами. Первые успешные образцы.

Ярек, перезаряжая дробовик, бросил взгляд на метку и тихо рассмеялся:

— Ну конечно, блядь. Значит, Себастьян Корсо и его ублюдки из "Гиперион" все-таки добились своего, начали клепать этих сраных суперсолдат. — Он плюнул в сторону труп.

Тьерри, сидя на корточках рядом с Элмером, осторожно приподнял его оторванную конечность, изучая неестественные мутации.

— Они не просто скрещивали их с животными... — в его голосе было что-то от научного азарта, пробивающегося сквозь ужас. — Часть насекомого, часть рептилии, часть... чего-то еще.

Джоан, сидела рядом, тяжело дышала. Медуза стоял чуть поодаль, его щупальца медленно шевелились, улавливая вибрации воздуха. Его зелено-фиолетовая кожа покрылась нервными пятнами, а взгляд был уставлен на трупы.

— Они... не должны были существовать, — наконец произнес он, его голос звучал глухо, словно доносился из глубины колодца. — Это не эволюция. Это... надругательство.

Коул поднялся, стирая с рук черную кровь.

— Значит, "Гиперион" здесь. И если они выпустили этих тварей на нас, значит, они сами скоро обьются. — Он посмотрел на остальных. — Нам нужно двигаться. До лаборатории путь не близкий.

Ярек мрачно усмехнулся.

— Или новые уроды с пулеметом вместо рта.

Но спорить никто не стал. Перезаряжая оружие и перевязывая раны, они приготовились к последнему рывку — в самое сердце тьмы, породившей этих монстров.

Отряд продвигался по узкому переулку, заваленному обломками кирпича и ржавыми балками. Впереди, в полумраке, что-то шевельнулось.

— Тихо, — Коул поднял кулак, сигнализируя остановку.

В тени появилось нечто.

Человек... бывший человек. Его тело срослось с пожарной лестницей — металлические прутья пронзили плоть, словно корни дерева, а кожа обвила железо, слившись с ним в единый, пульсирующий кошмар. Глаза, когда-то, наверное, голубые, теперь были мутными, как грязный лёд.

— Обходим. — прошептал Коул.

Гибрид смотрел прямо на него. И вдруг...он провалился в прошлое.

Северный Кавказ. Десять лет назад. Темный густой лес.

Взвод из двенадцати человек двигался бесшумно, как тени. Ник Портер — командир отряда - широкоплечий, с короткой седой щетиной — шёл первым. Коул — тогда ещё лейтенант — прикрывал тыл. Манович, коренастый сержант с лицом, изборозждённым шрамами, вёл группу по флангу.

— Ловушки поставлены, — прошептал Манович.

Портер кивнул. Они ждали. И враг пришёл.

Террористы — их было больше двадцати — шли уверенно, не подозревая о засаде. Первая мина сработала. Взрыв разорвал ночную тишину, осветив лес на мгновение алым заревом. Тело одного из боевиков подбросило в воздух, разорвав пополам.
— Огонь! — рявкнул Портер.

Пули прошивали стволы деревьев, срезая ветви. Гранаты взрывались в гуще врагов, разбрасывая осметки тел. Террористы отстреливались, но взвод Коула был точнее. Хладнокровнее. Коул выскакивает из укрытия, короткими очередями кроет огневую точку. Пули щёлкают по деревьям, одна впивается ему в броню, но он даже не замедляется.

Террористы не новички — они отступают к бункеру, прикрывая друг друга. Один кидает гранату — Коул падает в грязь, взрывная волна оглушает, но он вскакивает, добивает раненого, даже не глядя ему в лицо.

Десять минут бойни. Когда смолкли выстрелы, в живых остались только трое: Портер, Коул, Манович.

Девять трупов их товарищей лежали среди листвы.

— Вперёд, — сказал Портер, даже не оглядываясь на погибших.

Бункер. Он был скрыт под слоем земли и камней, вход замаскирован под скальный выступ. Лабиринт узких коридоров, освещенных тусклыми аварийными лампами.

Лаборатория. Стены, увешанные схемами, формулами, чертежами устройств, которые никто из них не понимал. В центре — платформа телепортации, окружённая мерцающими экранами. Устройство, похожее на гигантский квантовый ускоритель.
— Собираем данные, — приказал Портер.

Коул вскрыл терминал, загружая файлы на портативный жёсткий диск. Манович прикрывал вход, его глаза бегали по тёмным углам.

И тут — движение.

Один из выживших террористов, истекающий кровью, поднял руку... и нажал кнопку. Яркий луч ударил в Мановича.

— Что за...

Его тело искривилось, растянулось, разорвалось в пространстве. А потом материализовалось в трёх метрах от прежнего места. Но по частям. Металлические прутья торчали из его груди, живота, лица. Один пронзил глаз, выйдя через затылок. Его кожа срослась с металлом, как будто он расплавился и застыл заново.

— Блейз! — закричал Коул.

Но Манович был уже мёртв. Террорист надрывно закричал, и снова навёл луч. Хлам полетел в них. Гайки, болты, обломки труб — всё это телепортировалось в воздух перед ними, впиваясь в плоть. Осколок рассек Коулу левую щёку. Кровь. Боль. Но он не фокусировался на ней. Луч ударил в Портера.

Его нога вплавилась в металлический пол.
— ААААРГХ!

Коул кинулся к нему, но Портер оттолкнул его. Ник прицелился и выстрелил.

Террорист рухнул, но перед смертью дёрнул рукой. Он попал лучом в баки с горючим. Пламя вспыхнуло, поглощая комнату.

— Бери данные и уходи!

— Я тебя не брошу!

— Это приказ, чёрт возьми!

Коул схватил диски и побежал. За спиной — крик Портера. Потом — аномальный гул.

Всё смешалось. Металл переплетался с камнем, плоть смешивалась с проводами. Это было неестественно. Безумно. Тела террористов сливались со стенами, с оружием, с землёй.

Коул выпрыгнул из бункера, и в тот же миг аномальный взрыв едва не разорвал его на части. Он упал, катился по склону, врезался в дерево. Только шум в ушах. И кровь, капаящая из раны на щеке...

— Коул? — Джоан дотронулась до его плеча.

Он вздрогнул. Перед глазами — гибрид. Его глаза.

Такие же, как у Блейза. Коул достаёт пистолет. Выстрел. Гибрид вздрагивает и затихает.

Коул зажмуривается, но снова видит перед собой тело Мановича — с торчащими прутьями, с кожей, слитой с металлом.

— Идём, — бросает он, разворачиваясь, пытаясь снова справиться с нахлынувшим на него кошмаром.

ГЛАВА 10 – Тень Корсо

Улицы города-призрака, заваленные обломками и ржавой техникой, вели в никуда. Перед Отрядом Коула возникло новое препятствие — перевернутый грузовик, перекрывающий проход. Металл был изуродован, будто что-то огромное и сильное швырнуло его сюда.

— Попробуем обойти? — спросила Джоан, озираясь.

— Нет времени, сдвинем. — Коул уже делал шаг вперед, когда земля под грузовиком дрогнула.

Из-под обломков вырвалось нечто — гибрид человека, механизмов и сколопендры. Его тело было сплетено из стальных пластин и хитиновых сегментов, а голова — человеческая, но с раздвоенной челюстью, как у насекомого. Мандибулы щелкнули, брызгая слюной.

Отряд вскинул оружие, но выстрелы раздались раньше. Шквал огня. Гибрид разлетелся на куски под градом пуль. Из-за угла вышли солдаты — десять человек в черной тактической экипировке. И впереди них — Себастьян Корсо.

Он был высок, широк в плечах, словно вытесан из камня. Седые волосы, шрам на нижней губе, что придавал его улыбке что-то хищное, холодные глаза, в которых читалась сила и власть.

— Майор Салливан, да? Вы упорны... Жаль, что ваше упорство направлено не туда, — его голос был гладким, как лезвие. — Думаю, вы и так знаете, кто я.

Коул не опустил автомат.

— Знаем.

Тьерри вздрогнул, заметив знак на форме солдат — тот же, что был у Элмера.

— Но все же — Себастьян Корсо. Командующий "Гиперионом".

— Чего ты хочешь? — Коул чувствовал, как Корсо буквально пожирал его глазами.

— У нас одна цель, майор. Лаборатория. — Себастьян улыбнулся.

— Не думаю, — холодно ответил Коул.

Корсо усмехнулся. Он сделал шаг вперед, давя авторитетом, числом, оружием, нацеленным на отряд.

— Но у вас есть кое-что... мое. Документы. Там формулы, — продолжал он, гладко, убедительно. — Последние данные Добровского. Они позволяют провести эксперимент... без побочных эффектов. Без мутаций. Без безумия. Отдайте их мне, и мои люди вывезут вас из города. Заключим сделку. Я хочу исправить ошибки...

— Тебе нужна власть. — перебила его Джоан.

— Я прекрасно понимаю, кто ты. И что ты задумал. — Коул не моргнул.

— Продолжить эксперименты? — Ярек фыркнул, перебивая. — Да он нас тут же пристрелит, как выйдем из города!

— Я не торгуюсь, майор. Я предлагаю вам жизнь. Если бы я хотел вас убить... — Корсо взглянул на Овича как на назойливого пса и кивнул в сторону своих солдат. — ...вы бы уже были мертвы. Страшно, Салливан? — Корсо наклонил голову. — Хотите дальше рисковать своими людьми?

Тьерри вмешался:

— Ты глушил нашу связь.

— Для вашего же блага, — отрезал Корсо. — Вы не понимаете, во что влезли. Это не ваше дело. Не мешайте мне. А теперь документы. Сейчас же.

Ярек взрывается:

— Он нас уже предал! — Ович шагнул вперед, игнорируя стволы. — Он не оставит нас в живых!

Корсо узнал его.

— Ах, Ович... — улыбка стала шире. — Ты всегда был слишком глуп, чтобы понять. В Конго ты видел, как умирают обычные люди. Хрупкие. Слабые.

Ярек закипел. Его трясло от ярости.

— Я не забыл, ублюдок! Как ты бросил своих умирать! Ты сходишь с ума от власти! Ты — самодовольная мразь, которой наплевать на всех, кроме себя!

— Я улучшаю человечество. — Корсо не моргнул.

— Ты — ублюдок! — Ярек был вне себя от ярости.

— Эмоции. Это так по-человечески. — Корсо не изменился в лице.

Корсо отвечал глухо, без злобы:

— Добровский был гением. Я уважал его. Но он верил, что человечество достойно спасения в своем нынешнем виде. Жалкая иллюзия. Но он держал важные данные при себе. Захотел скрыть их от меня.

Он сделал шаг вперед, и свет горящего грузовика осветил его лицо — шрамы, седина, холодные глаза.

Коул не отвечал. За его спиной Ярек стиснул зубы.

Себастьян продолжал, почти задушевно:

— Это он сам пришел ко мне. Думал, что сможет направить мои ресурсы в «правильное русло». Но Морозов оказался умнее...

Тень усмешки скользнула по его лицу.

— Он понял, что будущее не за исследователями, а за теми, кто осмелится действовать.

Коул наконец, сквозь стиснутые зубы.

— И ваши действия привели к этому? — Он кивнул в сторону города, в сторону криков мутантов, воя ветра в пустых окнах.

Корсо не дрогнул.

— Ошибки неизбежны. Но я видел, каково это — проигрывать из-за слабости.

Его голос впервые дрогнул.

— Много лет назад, мой отряд попал в засаду. Они кричали, умоляли о помощи... А я мог только смотреть, как они умирают один за другим.

Даже солдаты «Гипериона» замерли.

— Если бы они были сильнее... Если бы не чувствовали страха, не уставали, не боялись боли... Они бы выжили. И таких, как они — миллионы. Ты действительно хочешь, чтобы человечество и дальше погибало из-за своей хрупкости? — В его голосе появилась маниакальная страсть:

— С документами Добровского мы создадим совершенных солдат. И ты, Салливан... Ты мог бы быть среди них. Представь - никакой боли. Никакого страха. Ты буквально неуязвим.

Затем Корсо вздохнул, устало.

— Майор, последний шанс. Отдай документы мне.

Коул посмотрел на своих людей. На Тьерри, который стоял, стиснув зубы. На Джоан, сжимавшую пистолет. На Ярека, готового рвать Корсо голыми руками. На скалящегося Медузу, чьи щупальца пульсировали.

— Пошел ты. Я не позволю тебе превратить весь мир в этот город.

Корсо вздохнул — разочарованно, почти грустно.

— Жаль.

Он развернулся, давая своим людям команду. Солдаты "Гипериона" подняли оружие. Коул вскинул автомат.

Щелчок предохранителей. Глухой стук падающих гильз. Бой начался.

Первая очередь бьет в грузовик за спиной Коула, осыпая отряд искрами и осколками. Ярек мгновенно падает на колени, его автомат отвечает точной очередью — один из бойцов «Гипериона» падает, убитый в голову.

Тьерри откатывается за бетонный блок, швыряя в сторону врагов залп из слезоточивого гранатомёта — облако едкого дыма окутывает перекресток, но солдаты в масках уже расходятся, используя огневую тактику "молот и наковальня".

— Фланг! — кричит Коул, и Джоан разворачивается, успев выпустить очередь из винтовки в бойца, заходящего слева. Пули срывают с него камуфляжную сетку, но не останавливают — тот падает лишь после третьего выстрела в живот.

Медуза вступает в бой — Живая буря. Из дыма вырывается гибрид — его щупальца бьют током, ослепляя одного из наемников. Тот кричит, падает, а Медуза молниеносным рывком хватается за бронежилет, используя как щит.

— Мочи их! — рычит Коул, и Медуза выдергивает одним движением из рук солдата УЗИ.

Очередь. Еще один боец падает, сраженный в шею.

Но «Гиперион» не лыком шит — их лидер свистит, и двое бойцов открывают шквальный огонь по Медузе. Пули рвут плоть, но гибрид лишь огрызается, швыряя в них труп своего живого щита.

Ярек и Коул синхронно перезаряжаются, двигаясь в такт — два волка против стаи.

— Гранату! — кричит кто-то из «Гипериона», и световая вспышка ослепляет на секунду.

Но Тьерри уже ждал этого – он швыряет дымовую шашку под ноги врагам, и в следующее мгновение Медуза бьет током через завесу. Один из бойцов корчится в конвульсиях, его напарник в панике отступает – прямо под прицел Джоан. Выстрел в голову.

Один из охранников Корсо вынырнул из дыма, но Ярек уже вонзил ему нож в горло. Второй ударил прикладом, но поляк уклонился и перехватил его винтовку, выстрелил в колено, а потом добил – ствол в рот и выстрел.

Корсо отступал – не бежал, нет. Он отходил, как старый волк, знающий, что за ним охотятся. Его дыхание было ровным, но глаза горели – не страхом, а холодной яростью. Но Ярек уже рвется за ним.

Тени арочного переулка смыкались над ними, как челюсти.

— Ты не уйдешь! – рычал Ярек, выскакивая из дыма, нож в руке, клинок залит кровью.

Корсо резко развернулся, и в его руке вспыхнуло зеленое лезвие – тактический нож, покрытый чем-то, что отдавало слабым ядовитым блеском.

Ярек сделал выпад, нож свистнул – но Корсо уклонился, лезвие лишь чиркнуло по его бронежилету, оставив искры. В ответ – молниеносный удар в живот.

Хруст.

Ребра заскрипели под ударом, но Ярек не отпрянул. Вместо этого он всадил колено в пах Корсо, заставив того крикнуть, и тут же рубанул в шею.

Лезвие скользнуло по коже – кровь брызнула, но не смертельно. Корсо отшатнулся, лицо исказила гримаса ярости.

— Смерть тебе к лицу, поляк.

Они сцепились, ножи звенели, искрились, скрежетали, высекая огненные росчерки в полутьме. Ярек рубанул сверху – Корсо парировал, ударил локтем в лицо. Хруст носовой перегородки. Корсо отпрыгнул назад, нож чиркнул по камню, высекая искры. В следующее мгновение он контратаковал – удар снизу, зеленое лезвие просвистело в сантиметре от живота Ярека.

Близко. Очень близко.

Они кружили, как два хищника, сталь звенела, удары шли вперемешку с плевками и проклятиями. Ярек плюнул кровью, всадил колено в живот, попытался достать пистолет – но Корсо выбил оружие, царапнув лезвием по запястью. Кровь залила пальцы.

Корсо врезал локтем в челюсть, Ярек захлебнулся кровью, но не упал. В ответ – удар коленом в пах. Корсо крикнул, но не отпустил нож, лишь сильнее впился пальцами в рукоять. Ярек плюнул ему в лицо и всадил короткий клинок в бок. Кровь.

Корсо зарычал, не от боли – от ярости. Его кулак врезал в переносицу поляка, тот отлетел к стене, но тут же оттолкнулся, снова бросаясь в бой.

Корсо пнул Ярека в грудь, вырываясь.

— Ты мог бы быть с нами! – прошипел он, прижимая Ярека к земле. — Сила или смерть, Ович. Ты выбрал смерть.

Но Ярек не отпустил. Его кулак врезал в челюсть Корсо – хруст, зуб отлетел в темноту.

Себастьян зарычал, но ни то от боли, ни то от ярости. Его кулак врезал в живот Ярека, заставив того согнуться, но поляк успел схватить его за горло.

— Я тебя убью... – прошипел Ярек, кровь капала из его рта.

— Попробуй... – Корсо потянулся к пистолету.

И тут – грохот. Бетонная стена арочного прохода вздыбилась, раскололась, и сквозь дым и пыль проступило нечто.

Гибрид с искаженной головой, прикрученной к массивному телу четырьмя стальными стержнями. Вместо руки – пулемет с отбойным молотком, вместо ног – гидравлические подпорки.

Пули прошли переулок, разорвав двух бойцов "Гипериона", которые только что прибежали на звуки драки.

Корсо взглянул на Ярека, на Марионетку, на гибридов выползающих из соседних улиц на шум боя.
— До следующего раза.

И исчез в дыму, оставив своих людей умирать.

Ярек хотел броситься следом, но сильная рука схватила его за плечо.

— Хватит! — это был Коул. — Мы уходим. Сейчас.

И они побежали в темноту, пока за спиной раздавались вопли солдат "Гипериона", разрываемых гибридами.

ГЛАВА 11 – Молитвы

Солнце, кроваво-красное, как открытая рана, медленно сползло за горизонт, окрашивая всё в багровые тона.

Ярек впереди, но его мысли были далеко. В ушах стоял гул — не от выстрелов, а от голосов прошлого.

Флешбек.

«Конго. Дождь. Липкий, горячий, как кровь. Они шли колонной, двадцать человек — элитный отряд «Гиперион», лучшие из лучших. Корсо вёл их, уверенный, непробиваемый. Они не ждали засады.

А потом начался ад. Из тени деревьев вынырнули фигуры в масках — наёмники, подготовленные, хладнокровные. Пули свистели в листве, взрывы рвали землю. Первая же очередь скосила трёх бойцов.

— В укрытие! — орал Корсо, но было уже поздно.

Ярек метнулся за ствол дерева, почувствовал, как пуля срывает кусок камуфляжа с плеча. Кровь. Он видел, как падают его люди. Как их расстреливают, как один за другим они захлёбываются в грязи, хватаясь за раны. Двадцать человек. Двадцать жизней.

Корсо стрелял, перезаряжался, стрелял снова. Его лицо было искажено яростью. Но их ряды таяли. Ярек получил первую рану — пуля вошла в бок, обожгла рёбра. Вторая — раздробила колено. Он рухнул, стиснув зубы, но продолжал стрелять. Он не мог умереть здесь. Не так.

Когда всё закончилось, Корсо стоял над телами своих бойцов, его глаза были пусты. Он подошел к одному из своих тяжело раненных солдат и выстрелил ему в голову.

— Они были слабы, — прошептал он. — Люди всегда слабы.

Он смотрел вдаль, будто видел что-то, чего не видел никто другой.

— Нужно стать сильнее. Нужно... измениться.

Себастьян подошел к Яреку и направил ствол ему в лицо. Он стоял так, смотря куда-то в пустоту. Ович закрыл глаза, но затем Корсо опустил ствол и просто скрылся где-то в джунглях. И тогда Ярек понял — его командир сошёл с ума. Он помнил. Помнил, как Корсо бросил его умирать. Помнил, как сам выжил — через боль, через кровь, через ненависть.

Месяц спустя Ярек стоял перед зеркалом, глядя на хирургические шрамы на своем теле. Стальные нити, вплетённые в мышцы. Импланты, позволяющие голыми руками пробивать череп. Но он не стал монстром как Корсо. Он остался человеком.»

Ярек моргнул, возвращаясь в реальность. Его обуревала ярость. Коул наблюдал за ним, но ничего не спрашивал. Он знал этот взгляд — взгляд человека, которого предали.

Его собственные мысли подкрадывались, как тени.

Он не хотел этого. Не хотел снова чувствовать. После того, как вирус забрал его семью, он похоронил не только их — но и себя. Никаких привязанностей. Никаких слабостей. Но в какой-то момент он сломался.

А теперь... Он посмотрел на Джоан, которая перевязывала рану. На Тьерри, который, несмотря на усталость, тащил на себе лишний рюкзак с патронами. Даже на Медузу – того, кто уже не человек, но все еще сражается за них.
— Черт.

Коул не мог позволить себе сломаться. Не сейчас.

Медуза отставал. Его тело ныло, мутация бушевала внутри, перестраивая кости, мышцы, кожу. Гребень на голове жгло. Он собирался почесать его щупальцем, но то — изуродованное пулями — лишь дернулось, как перебитая змея. Раздраженно рыкнув, он провел по гребню когтями, оставив кровавые полосы. Он не знал, когда потеряет себя окончательно. Но пока его разум был ясен, он будет идти.

Джоан заметила это и замедлила шаг:
— Тебе хуже?

Медуза покачал головой, но в его глазах читалась боль.

Коул остановился, указывая вперед:
— Церковь. Там, — он кивнул на полуразрушенную дверь в склеп. — Лаборатория.

Ярек усмехнулся.
— Конечно, в склепе. Где же еще?

Его голос звучал грубо, в нем слышались усталость и что-то, что заставило Коула впервые по-настоящему взглянуть на него.

— Ты держишься? — спросил Коул тихо.

Ярек замер, потом кивнул.
— До победного.

И в его глазах было столько ярости и боли, что Коул понял — они уже привязались. Все они.

Церковь встретила их гробовой тишиной. Разрушенные своды пропускали лучи багрового заката, окрашивая красным осыпавшиеся фрески. Разбитые скамьи, опрокинутые подсвечники, иконы, с которых содрали лики — все говорило о том, что святость этого места давно вытравили насилием и отчаянием.

Коул шагнул первым. Он ждал засады, ждал, что из-за алтаря выскочат гибриды или солдаты Корсо. Но церковь была пуста. И тогда он услышал шорох за спиной.

Ярек опустился на колени. Не перед алтарем — перед разбитой статуей ангела, у которой отломали крылья. Его губы шевелились беззвучно, пальцы стиснули ржавый крест, который Коул раньше не замечал.

— Ты... верующий? — спросил Коул, и даже сам услышал неловкость в своем голосе.

Ярек не ответил сразу. Он провел рукой по лицу, оставляя грязную полосу на лбу, и тихо рассмеялся.
— Нет.

Потом встал, похрустывая костяшками пальцев, и взглянул на Коула. В его глазах плавала странная смесь злости и усталой грусти.
— Мой отец был священником.

Коул не ожидал этого.

— В деревне под Вроцлавом, — продолжал Ярек, пиная осколок витража. — Каждое воскресенье — проповеди о любви и прощении. А по понедельникам — избивал меня и мать ремнем, за малейший проступок. А потом читал псалмы и говорил, что это божья воля.

— И что... ты сделал? — тихо спросила Джоан.

— Однажды я ему сломал нос. — ответил Ярек.

Где-то капнула вода, эхо разнесло звук по пустым сводам.

— Мне было семнадцать. Он упал, захлебываясь кровью, а я.... я просто ушел. Сбежал. Больше не видел ни его, ни мать.

Взгляд Ярека упёрся в распятие над алтарем – перекошенное, с оторванной ногой Христа.

— Как такой ублюдок мог говорить о Боге? – его голос дрогнул, но тут же окреп, загрубел. – Поэтому я и вступил в армию. Думал – там хоть честно скажут, если ты дерьмо.

Коул молчал. Он понимал – это не просто история. Это ключ к тому, почему Ярек такой: вспыльчивый, неуправляемый, яростный.

Отец научил его ненавидеть лицемерие. Армия – ненавидеть слабость. А Корсо...

— Бог молчал тогда. Молчит и сейчас. Но всё же... — Он взглянул на разбитый крест за алтарём.

— Но, если он есть... пусть видит, во что превратился его мир.

Тьерри неожиданно рассмеялся — коротко, горько.

— Mon ami, если Бог и есть... — он махнул рукой в сторону города, — то он явно на стороне гибридов.

Джоан ничего не сказала. Она подошла к Яреку, положила руку ему на плечо — крепко, по-солдатски. Он усмехнулся, плюнул на пол и повернулся к выходу в склеп.

— Ну что, шеф? Готов встретить дьявола?

Коул не ответил. Он смотрел на разрушенную церковь, на Ярека, который уже шагал вперед, словно ничего не произошло.

— Лаборатория в склепе, — сказал он, меняя тему, но голос звучал уже не так жёстко.

Ярек последний раз окинул взглядом разорённую церковь.

— Хорошее место для конца света.

И они двинулись вперёд, оставляя за спиной тень Бога, который, возможно, так и не услышал их молитв.

Церковный склеп пах сыростью и тленом. Разбитые гробы, кости, разбросанные по полу, будто кто-то торопился выбраться.

— Здесь, — Тьерри присел, отодвигая груды обломков. Под ними обнажился широкий металлический люк с потускневшей табличкой «Доступ запрещен».

Коул переглянулся с Яреком. Тот молча кивнул, сжимая лом, найденный еще на крыше музея. Скрип железа, глухой удар — и люк открылся, обнажив шахту лифта. Лифт был тесным, ржавым, с сеткой вместо стекол. Когда они спустились, кабина вздрогнула и медленно поползла вниз.

— Добровский явно любил уют, — пробормотал Ярек, вжимаясь в стену.

Тьерри нервно постукивал пальцем по винтовке. Джоан прислушивалась к скрежету тросов. Коул следил за этажами на панели — минус три, минус четыре... Резкий толчок. Лифт замер, застряв между уровнями.

— Чёрт! — рывкнул Ярек, ударив кулаком по стенке.

Коул уже тянулся к аварийному люку на потолке, когда услышал это — Тихий, прерывистый скрежет. Он обернулся. Медуза дергался, его щупальца судорожно сжимались, когти царапали металл пола.

— Не сейчас... — прошипел гибрид, сжимая голову руками. В его голове все перемешалось, как в кубике Рубика, который с невероятной скоростью собирали и разбирали снова и снова.

Джоан присела рядом, осторожно протянув руку.

— Держись, мы почти...

Щупальце впилося ей в шею.

— Гхх! — захрипела она, забилась, царапая пальцами скользкую плоть.

Ярек среагировал молниеносно — приклад его дробовика врезался Медузе в голову с глухим ударом.

— Я ГОВОРИЛ! — взревел он, заноса удар снова. — ГОВОРИЛ, ЧТО ОН НАС ВСЕХ ПЕРЕБЬЁТ!

Медуза отлетел, ослабив хватку. Джоан рухнула на колени, кашляя. Гибрид медленно поднялся, его глаза смотрели сквозь них.

— Я.... проиграл, — прохрипел он. — Он прав. Я больше не могу... не могу... контролировать это.

Тьерри шагнул вперед.

— Подожди, мы можем...

— Нет! — резко отрезал Медуза. — Вы не понимаете. Я чувствую, как оно растёт во мне. Скоро... скоро я не смогу остановиться.

Ярек стоял напряжённый, готовый ударить снова.

— Так что же, просто отпустить тебя? — прошипел он. — Чтобы ты вернулся и перегрыз нам глотки?

Медуза посмотрел прямо на него, а затем на Коула. Он сначала хотел его остановить, но затем понял, что лучше позволить ему покинуть команду.

— Я уйду. — Медуза взирал на него своими большими глазами.

— Да проваливай уже! — взревел Ярек, размахнувшись рукой в пустоту.

Молчание. Потом гибрид развернулся, его щупальца скользнули по стенам, и он исчез в тени шахты. Питание снова заработало, и спустя несколько минут они доехали до нижнего этажа и двери лифта со скрежетом разошлись.

Во мраке виднелись полуразрушенные арки, провода, свисающие, как лианы, лужи мутной воды, в которых отражались искаженные тени. Отряд шёл медленно, осторожно, но каждый шаг отдавался эхом, будто катакомбы прислушивались к ним.

Они уже шли вчетвером — теперь уже без щупалец, без электрических разрядов.

Тьерри шагал вторым, его пальцы нервно перебирали кнопки на планшете, который он упорно таскил с собой, несмотря на все перипетии. Экран мерцал в полумраке, подсвечивая его бледное, задумчивое лицо.

«Щупальца... Гибкость... Электроимпульсы...»

В голове роились схемы, чертежи, расчеты. Он уже видел прототип — экзоскостюм, усиленный гибкими гидравлическими манипуляторами, способными пробивать броню, шокировать врага, держать его на расстоянии...

«Если бы мы могли воспроизвести его биомеханику...»

Но Медузы с ними больше не было. И это больше всего бесило. Коул шел первым, его фонарь освещал размытые очертания туннелей. Он стиснул зубы, заставляя себя не оглядываться.

"Документы. Лаборатория. Конец этой истории."

Но мысли упорно возвращались к щупальцам, обвинившим шею Джоан. К черным, бездонным глазам, в которых не осталось ничего человеческого.

Джоан шла последней, она была тише, чем обычно. Пальцы непроизвольно тянулись к шее, к красным полосам, оставшимся от щупальца. Она не боялась. Но чувствовала вину.

"Могла ли я сделать что-то иначе?"

Ярек шел молча. Он не жалел. Не сомневался. Не оглядывался.

— Хватит уже, настроение и так как на похоронах, — бросил он. — Он выбрал свой путь.

— Ты доволен? — тихо спросила Джоан, не глядя на него.

Ярек не ответил.

— Он был одним из нас, — добавил Тьерри.

— Он был угрозой, — резко отрезал Ярек. — И мы все это знали.

Коул остановился, его тень на стене, как призрак.

— Хватит, — тихо, но твёрдо сказал он. — Он ушел. Но нам нужно идти вперёд.

Джоан поравнялась с Салливаном, Ович и Тьерри остались чуть позади.

— Почему ты не убедил его остаться? — спросила она его. — В той лаборатории, которую мы ищем, должно быть что-то... что возможно помогло бы ему. Взять под контроль его мутации. Может даже обратить вспять.

Коул не обернулся. Его ответ был таким же чётким, как его шаги.

— Курац стал непредсказуем. Он едва не сломал тебе шею, если бы не Ярек. — Он сделал паузу. — Мне искренне жаль Яна. Правда. Но мой долг — минимизировать риски для жизней, которые всё ещё можно спасти. На этом проклятом задании уже погибло слишком много хороших людей. Я не собираюсь пополнять этот список по собственной глупости. Если я позволю эмоциям взять верх, я приму неправильное решение, и кто-то умрёт. Всё просто, МакФадден.

Джоан подошла ближе.

— Я кое-что заметила тогда, в трущобах. Когда мы нашли того несчастного, что сросся с лестницей. Ты приказал всем отойти. Я считала это в твоём взгляде на него. Ты переживал нечто подобное раньше, так ведь.

Коул наконец повернулся к ней и вгляделся в её глаза.

— Ты очень проницательна, Джоан. Это ценнее, чем просто умение накладывать швы. Я видел, как ты разговаривала с Яном. Как пыталась помочь ему. Как ты споришь с Овичем, и как у вас налажен контакт с Трантином. — Он поправил лямку рюкзака на плече. — Ты — то, что держит нашу разрозненную банду от распада. Не я. Я просто тот, кто ведёт их в бой и поддерживает в них веру в то, что мы можем победить. Я действую и мыслю, как старый солдат. А ты действуешь от сердца. Ты вселяешь в них веру в человечность.

Он отвернулся, вновь глядя в темноту тоннеля. Его голос стал мягче, обнажив старые душевные раны.

— Когда-то давно, я был ещё лейтенантом и состоял в отряде секретной миссии на Северном Кавказе. Мы попали в засаду. — Он говорил спокойно, но каждое слово давалось ему с усилием, будто он вытаскивал из себя осколки шрапнели. — Погибли мои друзья. Люди, с которыми я ел из одного котелка и делил последний патрон. Среди них был мой наставник по имени Портер. Я единственный, кто тогда выжил и заработал себе шрам на щеке. И с тех пор понял: командир не может позволить себе роскоши дружбы. Сильная привязанность в бою слепит. Заставляет выбирать между долгом и.... чувством. Даже с Яреком, с которым мы прошли огонь и медные трубы, я держу дистанцию, и я не хочу нарушать субординацию. Это мой щит.

Джоан молча кивнула. Она не стала говорить, что он неправ. Не стала говорить, что без человечности любая победа — пиррова. Она просто поняла. Поняла цену, которую он платил каждый день, чтобы они все продолжали идти вперёд.

Он снова посмотрел на неё, а затем кивнул в сторону Ярека, что шёл позади них.

— А знаешь, что самое ироничное? Этот бешеный поляк, со всей его яростью и проблемами... у него есть задатки настоящего лидера. Он чувствует поле боя на уровне инстинкта, и люди за ним идут, потому что верят в его непобедимую волю. Просто ему ещё нужно научиться не только атаковать, но и отступить. Чтобы было кому возвращаться.

Он сделал шаг вперёд, его тень снова растворилась впереди.

Шахта разверзлась перед ними, обнажая чудовищный храм из бетона и ржавого железа. Технический зал, заваленный обломками механизмов, напоминал вскрытый труп — шестерни, как вырванные органы, провода, словно кишки, тянулись из разорванных панелей. И над всем этим — Он. Мессия.

Гибрид врос в стену, словно распятый на невидимом кресте. Его тело — слияние человека и чего-то древнего, чудовищного — было пронизано стальными стержнями, будто гвоздями.

Но самое жуткое — голова. Один огромный глаз, заполняющий всё лицо, желтый, мутный, с вертикальным зрачком, как у глубоководного существа. И он бормотал. Обрывки молитв. Псалмов. Проклятий.

«...и избави нас от лукавого... ибо Твое есть Царство... плоть... плоть... плоть...»

Голос разных тонов — скрипучий, будто несколько голосовых связок срослись в одну. Десяток щупалец шевелились вокруг него, как змеи перед ударом.

— Боже... — прошептала Джоан.

Коул замер, его пальцы застыли на спусковом крючке.

— Назад... — прошептал он.

Но было поздно. Глаз дёрнулся, уставился на них.

«...ИЗБАВЬ НАС ОТ ДЬЯВОЛА!»

Щупальца взорвались движением. Ярек успел выстрелить — пули вонзились в студенистую плоть, но не пробили, будто утонули в ней.

— Чёрт! — взревел он, отпрыгивая, но одно щупальце хлестнуло его по ногам, сбивая с ног.

Тьерри швырнул гранату — взрыв разорвал воздух, но когда дым рассеялся, Мессия был невредим, его щупальца сложились в щит, поглотив удар.

«...да придёт Царствие Твоё...»

Джоан стреляла в глаз — стекловидная оболочка лишь треснула, как лёд.

— Он не...

Двое щупалец ударили ей в живот, подняли в воздух и швырнули в стену. Поляк откатился, хватая нож. И тогда оно схватило его. Щупальца обвили шею, сжимая, вытягивая жизнь.

«...и остави нам долги наша...»

Глаз приблизился, заполнив всё зрение.

И вдруг... Он снова был мальчишкой. Тёмная комната. Запах ладана и водки. Отец над ним, рыча:

«...отче наш...»

Ремень свистит в воздухе.

«...яко же и мы оставляем...»

Ярек задохнулся. Не от щупальца. От ужаса. Тьерри полз к нему, но хлыст щупальца отшвырнул его. Коул перезаряжал винтовку, понимая, что пули бесполезны. Джоан лежала без движения. Из вентиляции свалилось нечто — зеленое, стремительное, с вспышками электричества. Медуза. Его щупальца впились в глаз Мессии, разряды прожгли мутную плёнку.

«...ААААМИИИНЬ!»

Медуза набросился на Мессию, его тело — искривленное, перекошенное мутацией — двигалось с жуткой, нечеловеческой грацией. Щупальца на спине вздыбились, как гневные змеи, и ударили.

Щупальца Мессии вскинулись, как змеиная корона, его глухой, молитвенный бред плыл под сводами:

«...Если я пойду и долиною смертной тени... не убоюсь зла...»

Разряд. 2000 вольт пронзили щупальца Мессии, заставив их дергаться в агонии.

— Раз, два, три, четыре, пять... — его голос уже не звучал человеческим — это был хрип, предсмертный вой зверя. — ...приготовься умирать!

Мессия застонал, его гигантский глаз судорожно заморгал, но щупальца, обвивавшие Ярека, ослабли. Поляк рухнул на бетон, захлебываясь воздухом, его лицо багровое от удушья.

— Бенуа Лугоши... МЕРТВ! — Медуза издал безумный вопль.

И тогда он сделал последнее, что мог. Зеленый подбежал и вырвал из пояса Ярека связку гранат, зубы его оскалились в ужасной гримасе.

Коул кинулся к Овичу, схватил за бронежилет, оттащил назад, в относительную безопасность. — Держись! — крикнул он, но Ярек не слышал — его глаза были прикованы к Медузе.

Два гибрида сцепились, как демоны в последней схватке. Медуза жалил снова и снова — электричество прожигало плоть Мессии.

«...да приидет Царствие Твое...»

Молитва становилась громче, истеричнее. Щупальца хлестали, обвивались, рвали друг друга. Медуза впился в тушу Мессии, его когти разрывали студенистую плоть, кислота из его рта плеснула прямо в глаз чудовища. Вопль потряс стены.

Он воткнул гранаты глубоко в разорванную пасть Мессии, засунул их по локоть, внутрь, туда, где пульсировали органы. Зубы сомкнулись, кость хрустнула. Рука Медузы осталась в пасти.

«...да не увижу я зла...»

Медуза даже не закричал — лишь усмехнулся, густая черная кровь стекала из его рта.

— Цветы доставлены по заказу...

Щупальца Мессии обвили его, сжали — и разорвали. Пополам.

Туловище швырнуло в стену, кровь брызнула на бетон, рисуя черно-красные узоры.

Взрыв. Огненный шар разорвал Мессию изнутри, выплевывая наружу клубки кишок, осколки костей, куски мяса. Кишки, обрывки щупалец, осколки костей разлетелись по залу. Но оно все еще шевелилось. Глаз дергался, пасть хлопала, обрубок тела полз вперед.

Коул встал.

— Огонь.

Винтовки взвыли. Очередь за очередью вгрызались во внутренности, размазывая их по стене. Мессия наконец затих.

Ярек откашливался, его горло горело, на шее виднелись багровые полосы от щупалец. Он поднялся, шатаясь, и подошел к тому, что осталось от Медузы.

Труп лежал в неестественной позе, разорванный, искалеченный. Его щупальца, когда-то гибкие и опасные, теперь бессильно раскинулись, как сломанные крылья. Лицо — если это еще можно было назвать лицом — застыло в последней гримасе, оскал зубов, застывшая усмешка. Гребень на голове был изувечен.

Ярек стоял над ним. Он ошибался. Так сильно ошибался.

Он ненавидел его. Боялся. Не доверял. А этот... это... существо, чудовище, гибрид... пожертвовал собой. Ради него. Ради того, кто презирал его до последнего вздоха.

— Черт... — прошептал он, и его голос предательски сорвался.

Джоан подошла тихо, ее шаги почти неслышны. Она присела рядом, ее пальцы коснулись обломанного щупальца.

— Спи спокойно, Ян... — ее голос дрогнул, и слезы покатались по щекам, оставляя чистые дорожки на запачканной сажей коже.

Тьерри стоял чуть поодаль, его лицо было бледным, пустым. Он смотрел на Медузу, но видел не гибрида. Он видел того, кто стал боевым товарищем.

— В тебе... — его голос предательски дрогнул, — ...было больше человеческого, чем я думал. — тихо сказал Ярек, его слова звучали как признание, как покаяние. Он опустил на колени.

Коул стоял в стороне, его лицо было каменным, но внутри...

Внутри горело. Он не чувствовал такого, когда погибли Антон, Шеймус, Новак. Они были солдатами. Они знали, на что шли. А этот... Этот знал только боль. И все равно выбрал спасти их. Опять. Опять он терял тех, к кому привязался.

Опять мир забирал у него кого-то. Он сжал кулаки, почувствовав, как гнев и горе кипят внутри, но не позволил им выйти наружу. Не сейчас. Не здесь.

Прах. Пепел. Смерть. И ничего больше. Теперь им нужно идти дальше.

Но никто из них не знает, смогут ли они вообще когда-нибудь оправиться от этого момента.

ГЛАВА 12 – Лаборатория

Тяжелая дверь-шестерня заскрежетала, медленно отъезжая в сторону, словно нехотя впуская их в самое сердце кошмара.

Дезинфекция. Из скрытых форсунок хлынули струи едкого антисептика, обжигая кожу, впитываясь в одежду, заставив Тьерри закашляться, а Джоан прикрыть лицо рукавом.

Ярек стоял напряженный, его пальцы впились в приклад дробовика. Никаких шуток, никаких ехидных замечаний — только тяжелое дыхание. Медуза погиб. И теперь в его глазах горело только одно — месть.

Коул первым переступил порог, его тень растянулась по стерильному полу. Лаборатория жила. И это было страшнее, чем любая тьма.

Помещение расплзлось на несколько уровней, соединенных металлическими мостками. Стены покрыты панелями с мигающими индикаторами, провода свисали с потолка, как лианы техногенных джунглей.

Свет мерцал, отдавая синевой — холодной, больной, неестественной. Он не освещал, а подчеркивал тени, делая каждую трубу, каждый вентиль острым, угрожающим.

Гудение генераторов, мерцание экранов, тихий писк умирающей техники. Тьерри шагнул вперед, его глаза бегали по приборам, экранам, стеклянным колбам с мутными жидкостями.

— Здесь... — он глотнул, — здесь нет ничего человеческого. Это не просто лаборатория... Это фабрика.

Он первым заметил дверь с жёлтым знаком радиации.

— Экзокостюмы, — прошептал он, входя.

Комната напоминала арсенал киберпанка — ряды бронированных костюмов, мерцающих хромом и чёрным карбоном. Они висели на стойках, как кожа, снятая с каких-то футуристичных солдат.

Но Ярека привлекло другое. Оружие. Не просто винтовки, не стандартные пистолеты — что-то новое, чужое. Он потянулся, схватил бластер с зеленым корпусом. Оружие ожило у него в руках. Голубые светодиоды вспыхнули, за пульсировали, как жилы. Гудение нарастало, вибрируя у него в руках.

— Охренеть... — прошептал он, чувствуя, как энергия струится по жилам, сливаясь с его яростью.

Ярек оскалился, сжимая рукоять.

— Кто бы тут ни был... — прошипел он. — Я разнесу его на молекулы.

Коул молча надевал костюм. Металл охлаждал кожу, гидравлика шипела, подстраиваясь под его движения.

— Ты в порядке? — спросила Джоан, замечая, как его руки дрожат.

Он не ответил. Не мог. Слишком много уже потеряно.

Серверная. Десятки мониторов, полуразобранные системные блоки, провода, тянущиеся к центральному терминалу. База данных. Коул подошел, его пальцы замерли над клавиатурой. Он ввел код, панель замигала зеленым.

— Это все, — сказал он тихо. — Все, что осталось от Добровского.

Экран замигал.

«ДОСТУП РАЗРЕШЕН».

Коул медленно достал из потрёпанной папки флешку - маленький кусочек пластика и металла, содержащий в себе ключи от самой страшной истины. Его пальцы на мгновение замерли перед портом, будто подсознательно сопротивляясь тому, что им предстояло увидеть.

— Поехали, — прошептал он, вставляя устройство в USB-порт.

Мониторы вспыхнули голубым светом, строки кода побежали по экранам, как цифровые змеи. Один за другим загружались файлы, складываясь в мозаику кошмара. В воздухе повисло напряжение - даже Ярек перестал перебирать своё новое оружие, его пальцы замерли на корпусе бластера.

"Добровский В.А. - Исследовательские записи. Проект "Дашина Семья" - Коул щёлкнул по первому файлу.

Экран разделился на десятки окон: сканы рукописных заметок с пометками "СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО", технические чертежи, графики мутаций... Но больше всего привлекла внимание одна видеозапись.

Воспроизведение.

На экране появилась лаборатория, залитая стерильным белым светом. Люди в био-защитных костюмах осторожно вкатывали на тележке странный объект - чёрный обелиск около метра высотой, покрытый пульсирующими биолюминесцентными узорами. Камера дрогнула, когда объект внезапно засветился изнутри, отбрасывая на стены движущиеся тени, словно живые.

"Объект GB-LN8, извлечён со дна залива в 4:30 утра", - раздался за кадром голос Добровского. - "Первичный анализ показывает, что это не метеорит в привычном понимании. Структура напоминает биологический контейнер с..."

Видео прервалось, автоматически запустив следующий файл.

Эксперимент RC-28

Кадры, снятые через бронестекло: в клетке металась искажённая тень. Когда камера сфокусировалась, стало видно — это была крыса, вернее, то, во что она превратилась. Её тело было покрыто хитиновыми пластинами, из спины росли костяные шипы. Животное билось о стенки клетки с неестественной силой, его глаза... их было слишком много, и все они смотрели с человеческим осознанием.

"Пятнадцатая попытка стабилизации образца", - запись Добровского звучала устало. - "Геном продолжает мутировать без контроля. Если мы не найдём ключ к..."

Голос оборвался, когда крыса внезапно взорвалась, забрызгав стекло чёрной слизью. Коул переключил на следующую запись, и экран заполнило лицо Добровского - усталое, с тёмными кругами под глазами, но полное решимости.

"Личный дневник, день 95. Корсо предоставил новых «добровольцев», - он понизил голос, - "Но это уже не наука. Я хотел создать вакцину, а не оружие. Мы же создаём монстров, а он называет это эволюцией. Если формулы не..."

Внезапно Коул резко наклонился к экрану...

— Это он, - прошептал он. — Тот старик... Это Добровский. Но... что с ним произошло?

Кадр крупным планом показывал те же пронзительные глаза, те же черты лица. Теперь было ясно - встреча в городе не была случайностью. Диктофон, переданный Коулу, лаборатория... Всё это было продумано.

— Он вел нас сюда, - пробормотал Тьерри. — Но почему? Что он хотел, чтобы мы...

«ЗАГРУЗКА ДАННЫХ»

На главном экране всплыли папки:

«ПРОЕКТ ЖИЗНЬ. ОТЧЕТЫ»
«ЭКСПЕРИМЕНТЫ. ВИДЕОАРХИВ»
«МЕТЕОРИТ. ДЕШИФРАЦИЯ»

«ПРЕДТЕЧИ. ТЕОРИИ»

Коул щелкнул на первую.
Документы. Графики. Фотографии.

Первые страницы — сухие отчеты о добровольцах, испытаниях, побочных эффектах.

«Объект 051. Введение образца G-21. Через 3 часа — неконтролируемый рост костной ткани. Через 5 — смерть от удушья»

«Объект 112. Мутация стабильна 48 часов. Затем — распад ДНК. Ткани превращаются в аморфную биомассу»

Прокрутка вниз.

И вот — прорыв.

«День 214. Образец BT-6200. Стабильность достигнута. Генетический код синхронизирован. Объект сохраняет сознание и контролирует трансформацию»
Подпись: «Добровский В.А., Морозов А.К.»

— Черт возьми... — пробормотал Тьерри, впиваясь глазами в строки.

Коул перешел к видеоархиву. Экран разделился на несколько окон.

Первое видео:

Лаборатория. Человек в смирительной рубашке. Добровский в защитном костюме вводит шприц с зеленоватой жидкостью.

— Начинаем протокол BT-6205, — его голос спокоен.

Через минуту тело добровольца дергается. Кожа желтеет и трескается, кости ломаются и срываются заново. Человек кричит — но это уже не крик, а вой.

Камера трясется, когда что-то разрывает смирительную рубашку.

Экран становится черным.

Текст: «Объект потерян. Протокол приостановлен»

Второе видео:

Корсо в камуфляже стоит рядом с Морозовым. Они смотрят на экран с данными.

— Вы понимаете, что это значит? — Морозов ухмыляется. — Мы можем создать солдат, которые не чувствуют боли. Которые регенерируют. Которые никогда не проиграют.

Корсо молчит, но его глаза горят.

Третье видео:

Добровский один в пустой лаборатории. Он вставляет диск в компьютер. На экране — странные символы, нечеловеческие, угловатые.

— Это не случайность, — он шепчет, записывая дневник. — Метеорит — это оружие. Послание. Они... они хотели, чтобы мы его нашли.

Камера приближается к его лицу.

— Предтечи. Они изменили себя. И теперь хотят изменить нас. Геном Предтеч должен был стать ключом к победе над вирусом «Новой Земли» ... но это было ошибкой.

Коул закрыл видео.

— Значит, Корсо знал, — прошептала Джоан.

— Он знал, — подтвердил Коул. — И Добровский тоже. Они оба понимали, что играют с огнем.

Ярек внезапно ударил кулаком по столу. Тьерри листал файлы, его глаза бегали по строкам.

— Тут что-то еще... — он открыл папку «Предтечи».

Изображения. Схемы. Переводы.

Один файл выделялся:

«Последняя запись Предтеч»

Коул щелкнул на него.

На экране появились строки, переведенные Добровским:

«Мы изменили код. Мы стали совершенны. Но совершенство — это смерть. Оно не оставляет выбора. Не повторяйте нашей ошибки.»

Даже Ярек не нашел, что сказать.

Запись с камер наблюдения.

Добровский, в ярости бьет кулаком по столу перед Морозовым:

"Ты продал нас военным! Ты превратил науку в бойню! Ты понимаешь, что Корсо использует нас? Эти эксперименты - чистое безумие!"

Морозов, высокий, с очками в тонкой оправе, лишь усмехнулся:

"Безумие — это цепляться за старые принципы, когда мир умирает. Мы создаём будущее, Василий. Корсо даёт нам ресурсы. Ты же сам сказал — метеорит может изменить всё."

Следующий файл.

«МАШИНА УЭЛЛСА. ФАЗА III»

И под ним — чертежи. Огромный аппарат, напоминающий гибрид томографа и промышленного пресса. Внутри — человеческая фигура, обвитая щупальцами проводов, иглами, излучателями.

Тьерри придвинулся ближе, его глаза расширились.

— Mon Dieu... Они буквально разбирают людей на молекулы и собирают заново...

Коул прокрутил дальше.

Бездомные, прикованные к креслам. Излучатель гудит, синий луч пронзает их тела. Кожа трескается, кости ломаются и собираются заново. Кто-то взрывается в кровавую массу. Кто-то выживает — но уже не человек.

Коул щелкнул по папке с пометкой «ЛИЧНЫЕ ЗАПИСИ ДОБРОВСКОГО».
Файл запустился.

Экран погас, а затем заполнился статикой.

И голос. Добровский.
«Если кто-то это слышит... резервная лаборатория еще цела. Найдите её.»

Его голос был надломленным, будто он говорил, задыхаясь.

«Корсо и Морозов... Они взяли контроль. Они используют метеорит не для спасения... а для создания оружия.»

Запись прерывается статическими помехами.

«Я.... я скопировал все данные в матричные диски. Все, что мы расшифровали. Возможно... возможно, этому можно положить конец. Я скрыл крупный осколок в засекреченной резервной лаборатории, чтобы продолжить исследования вне контроля Корсо...»

Пауза. Шепот:

«Они уже идут. Я попытаюсь...»

Коул пролистал дальше. Стало ясно — то зашифрованное сообщение, что получил Ламар, было отправлено им.

«Экзо-скелеты серии "Хитин" — броня, вдохновленная биологией насекомых, усиленная кристаллами метеорита.»

«Оружие на основе генома Предтеч — чертежи бластеров, стреляющих сгустками ионизированной плазмы.»

Ярек посмотрел на бластер в руках, его глаза горели:
— Значит, это оружие... оно тоже часть всего этого.

Коул не ответил.
Новое видео. Теперь Морозов в роскошном кабинете пожимал руку Корсо. На столе между ними - контракт с логотипом "Гиперион".

Второй файл.

Секретная переписка. Морозов - Корсо:
"Добровский стал проблемой. Предлагаю перевести его в категорию 'Альфа-объектов'. Его знания слишком ценны, чтобы просто устранить."

Ответ Корсо был лаконичен:
"Сделайте. ВТ-6213 - его новый идентификатор."

Третья запись.

Самый страшный файл.

Камера тряслась, будто оператор боялся того, что снимал. Добровский, уже не совсем человек, прикован к столу. Его волосы поседели, кожа покрылась морщинами - за несколько недель он постарел на десятилетия.

"Фаза трансформации началась", - констатировал невидимый голос.

И тогда...

Кости затрещали. Кожа натянулась, порвалась. Из спины вырвались хитиновые наросты. Челюсть разделилась на две части. Муха. Огромная, мерзкая, но с человеческими глазами, полными ужаса. Ассистентка в углу вскрикнула. Слишком поздно. Когти пронзили её грудь, вырвав сердце одним движением. Камера упала, но микрофон ещё поймал рыдания Добровского, уже снова человека, держащего в дрожащих руках окровавленный комок плоти.

"Что я наделал... Боже, что я наделал..."

Четвёртый файл.

Корсо стоит перед тремя фигурами в клетках.

Элмер. Гарсия. Люси.

Они ещё не монстры — но уже не люди.

Элмер (код "Броня") - хитиновая защита, интегрированное оружие

Люси (код "Цветок") - гиперподвижность

Гарсия (код "Клещи") - усиленные конечности, регенерация.

Примечание: "Все три объекта демонстрируют крайнюю агрессию. Контроль возможен только через чип-подавитель."

Коул открыл папку с записями камер наблюдения.

Дата: 17.05.35. 23:47.

Экран разделился на четыре изображения с разных камер.

Камера 1: Главный зал. Добровский — уже не совсем человек, его тело деформировано, покрыто чешуйчатыми наростами, но глаза... глаза все еще сознательные. Он разрывает троих охранников.

Камера 2: Морозов в панике бьет по тревожной кнопке. Его лицо искажено ужасом. — Он... он не должен был так мутировать! — его голос дрожит в записи.

Камера 3: Корсо, облаченный в один из таких же тактических костюмов, что и на отряде сейчас, наблюдает со стороны, его лицо словно маска. Он не помогает, не мешает — просто ждет.

Камера 4: Излучатель. Огромная, пульсирующая машина, окруженная стеклянными капсулами с подопытными.

Добровский врывается в зал.

— Ты предал нас всех! — его голос уже не человеческий, скрежещущий.

Морозов хватает пистолет. Выстрел. Пуля входит в плечо Добровского, но не останавливает его.

Щупальца вырываются из его груди, пронзают Морозова насквозь, поднимают в воздух и швыряют его в стену. Треск костей. Он поворачивается к излучателю. — Нет! — кричит Корсо, но поздно.

Добровский вцепляется в панель управления, рвет провода, бьет по стеклу.

Искры. Гул нарастающей перегрузки. Красные лампы вспыхивают.

ВЗРЫВ. Основной метеорит и Машина Уэллса уничтожены.

Камеры заливаются белым светом. Когда изображение возвращается... Это уже не лаборатория. Это ад.

Камера 1:

Подопытные в капсулах дергаются, их тела вздуваются, ломаются, перестраиваются. Стекло трескается. Они вырываются.

Камера 2:

Охранники падают на колени, их кожа лопается, обнажая кости, которые удлинняются, скручиваются, превращаются в нечто иное.

Камера 3:

Корсо отступает, его лицо наконец показывает эмоцию — страх. Запись обрывается.

В серверной стояла гробовая тишина. Ярек сжал бластер со всей силы. Тьерри закрыл лицо руками. Джоан стояла неподвижно, ее глаза были сухими — слишком много ужаса, чтобы плакать. Коул медленно откинулся на спинку кресла.
— Так вот как это началось, — его голос звучал безэмоционально.

На экране мигало последнее сообщение:

«РЕЗЕРВНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АКТИВИРОВАНА. ДАННЫЕ СОХРАНЕНЫ».

И подпись: «В. Добровский».

Лицо Коула в синеватом свечении казалось измождённым.
— Мы можем уничтожить метеорит, — произнёс он наконец. — Эти данные дают нам схему его структуры. Если мы взорвём его ядро, мутации прекратятся.

Тьерри резко поднял голову. Его глаза теперь горели фанатичным блеском.
— Нет! — он ударил ладонью по столу, заставив клавиатуру дребезжать. — Ты видел те же записи, что и я! Корсо форсировал процесс, он действовал как мясник! Но геном Предтеч — это ключ к спасению человечества!

Он схватил один из матричных дисков, поднял его перед собой, словно священную реликвию.
— Если я смогу доставить это в Онирикью Индастриз, мы сможем переработать геном! Избежать мутаций! Да, это займёт годы, но у нас больше нет другого шанса!

Ярек, до этого молчавший, резко ответил.
— Ах, вот как? — он шагнул вперёд, его голос был низким, опасным. — Ты видел, во что превратились люди, да? Вспомни "пупсиков", которые рвали нас на части. Вспомни Яна.

Он произнёс имя впервые — настоящее имя Медузы.
— Он сгорал заживо от мутаций! И ты хочешь повторить это снова?

Тьерри не отступил.
— Мы сможем это исправить! — он почти кричал. — Мы не такие как Корсо! Мы не будем бросаться в эксперименты, как безумцы! Если действовать правильно, если изучить—

— Если, если, если! — Ярек перебил его, лицо исказилось в гримасе ярости. — А если нет? Если через пять лет вместо спасения случится Горький-18? Ты готов взять на себя эти смерти?

Тьерри вздрогнул, но не сдавался.
— Ян... Медуза... Он получил сырую, нестабильную версию облучения. Но представь солдата, который может регенерировать раны! Представь, что мы сможем победить тот вирус, что убил твою семью, Коул!

Имя было произнесено. Коул закрыл глаза. Внутри него бушевала буря. Перед ним всплыли образы - жена, смеющаяся на кухне; сын, тянущий к нему руки; пустые кровати в опустевшем доме. Его челюсть напряглась. Уничтожить — значит навсегда лишить человечество шанса. Сохранить — значит рискнуть миллионами жизней. Он медленно поднялся, его пальцы скользнули по голографической карте лаборатории.
— В двухстах метрах отсюда — камера с фрагментами метеорита, — сказал он тихо. — Сначала мы доберёмся туда. А там...

Он не закончил. Потому что сам ещё не знал ответа.

Пол в отсеке с экспериментальными образцами был затоплен на несколько сантиметров, и каждый шаг отдавался глухим эхом, будто лаборатория вздыхала от их вторжения.

Разбитые капсулы торчали из стен, как пустые коконы, их стеклянные осколки мерцали в свете фонарей. Что-то скользкое и бесформенное плавало в мутной воде — останки несостоявшихся существ. Вода, смешанная с химикатами, отражала мерцание аварийных ламп — кроваво-красных, как предупреждение.

Коул шёл первым, его винтовка была наготове. Он не видел угрозы, но чувствовал её.

— Тише... — прошептал он, замирая.

Тьерри замер за ним, его пальцы дрожали на планшете, пытаясь засечь тепловые сигнатуры.

— Ничего... — прошептал он.

Ярек медленно повернул голову. Его новый бластер тихо гудел, голубые огоньки на корпусе пульсировали в такт его дыханию.

Воздух зашевелился, и Коул инстинктивно отпрыгнул, едва избежав удара. Нечто пронеслось мимо, и на секунду проявилось — высокое, змееподобное, с темно-зеленой чешуей, сливающейся с окружением. Руки, сросшиеся за спиной, образовывали гибкий хлыст с костяным жалом на конце. Гибрид-Невидимка. Тварь снова исчезла.

— Огонь! — закричал Коул, и отряд открыл шквал.

Вода вздыбилась выстрелов. Ничего не было видно — только рябь, расходящаяся сама по себе.
— Чёрт, — прошипел Ярек, пытаясь целиться в нечто, что он не видел.

Искажённая, как мираж в пустыне, тень метнулась к ним снова. Коул дал очередь из автомата. Попадание. Существо пронзительно вскрикнуло — и на секунду материализовалось перед ними.

Джоан вскрикнула:

— Это... это они! Такие же твари убили «Альфу»!

Её голос дрожал, глаза расширились от узнавания. Невидимка снова исчез.

— Кругом! — крикнул Коул.

Отряд прижался спинами друг к другу, стволы металась по комнате.

Затаившееся дыхание. И тогда — Удар. Ярек отшатнулся, когда жало чиркнуло по его бронежилету, оставив трещину.

— Сука!

В этот момент Джоан заметила валяющийся огнетушитель. Молниеносное решение - она схватила его, сорвала пломбу и нажала рычаг. Белая пена с шипением вырвалась наружу, оседая на невидимом противнике. Контуров чудовища начали проступать сквозь химическую взвесь.

— Ярек, сейчас! - крикнула она, откатываясь в укрытие.

Он развернулся, бластер в руках загудел, голубые светодиоды вспыхнули.

Молниеобразный луч бластера пронзил воздух, попав точно в обретающего форму гибрида. Существо загорелось, вопя не своим голосом, его камуфляж отключился, обнажив извивающееся тело. Ярек не дал ему ни шанса - второй выстрел разнёс голову твари в клочья плазмы и обугленной плоти.

Третий гибрид атаковал из тени. Жало метнулось к Коулу. Тьерри побежал вперёд, схватил медицинский стол — ЧВАНЬ! Остриё вонзилось в металл, застряв.

— Сейчас! — взревел Коул.

Они стреляли в упор, пули разрывали чешую, покрывая стены чёрной кровью. Существо рухнуло, ещё дергаясь.

Но другая тварь была умнее. Она ударила из воды. Жало вонзилось Джоан в плечо. Она не закричала. Только ахнула, как будто её ударили в солнечное сплетение. Невидимка отпрянула, но слишком поздно. Коул взревел. Он набросился на тварь, игнорируя все тактические правила. Его нож вонзился в невидимку, но та извивалась, вырывалась. Змеиная морда зашипела, жало занеслось для удара. Коул перехватил его, и с размаху воткнул в её же голову. Череп хрустнул, яд хлынул в мозг. Тварь забилась, захрипела и рухнула.

Джоан лежала на полу, её дыхание прерывистое, кровь текла из глаз.

— Нет, нет, нет! — Тьерри бросился к ней, доставая аптечку трясущимися руками.

— Не... не трать силы... — прошептала она, сжимая руку Тьерри.

Её кожа быстро темнела, покрываясь черными пятнами.

— Мне... жаль ту девочку... — её голос ослабевал. — В Музее... Мне жаль...

И тогда её глаза остекленели. Тьерри тихо заплакал. Он сидел на коленях, сжимая её уже холодную руку. Коул и Ярек стояли возле них. Бластер Ярека дымился. Воздух в отсеке пропитался едким запахом плазмы и горелой плоти, а на полу, в лужах мутной воды, растекались чернильные пятна крови.

Джоан лежала на спине, ее глаза, еще широко открытые, смотрели в пустоту. Кровь, стекавшая из уголков, уже начала темнеть, смешиваясь с водой. Ее пальцы все еще были сжаты в кулак — последнее усилие, последняя попытка удержаться за жизнь.

Коул смотрел на неё и не верил.

"Не может быть. Не сейчас. Не она."

Он ждал, что она вдруг задышит, застонет, скажет что-нибудь резкое, как всегда. Но её грудь не поднималась. Лицо стало бледным, почти восковым.

"Мы теряли людей. Всегда. Но не её. Не Джоан."

Она вытаскивала их из самых безнадежных перестрелок. Она зашивала раны под огнём, смеялась сквозь боль, спорила с Яреком, была добра к тому бедняге-мутанту Яну. Она была...

"Нет. Не думай. Солдаты умирают. Это закон войны. И ты либо идешь дальше, либо ломаешься."

Но внутри у него всё кричало. Они потеряли Джоан. Весь отряд "Альфа" был мертв. И тогда Ярек взревел.

— СУКА! — его крик разорвал тишину, эхом отразившись от металлических стен. Он с размаху ударил сапогом по ближайшему операционному столу. Тот с грохотом перевернулся, разбросав инструменты по полу. Не останавливаясь, он дал залп из бластера в уже мертвое тело одного из гибридов. Рев оружия. Вспышка.

Ключья плоти разлетелись по стенам, обугленные останки твари рассыпались, как пепел.

— Корсо заплатит... — он прошипел сквозь зубы, его голос был полон ярости. — Он заплатит за всё.

Но потом силы оставили его. Он рухнул на колени и скинув шлем, схватился за голову, пальцы впились в светлые волосы. Дрожь пробежала по его спине. Коул видел это. Чувствовал ту же ярость. Но его лицо оставалось каменным.

"Не сейчас. Не здесь. Соберись, чёрт возьми."

Он медленно достал часы, отметил время в полевом журнале.

"Джоан МакФадден. 00:55. Конец записи."

Его пальцы сжали ручку так сильно, что костяшки побелели.

"Она не должна была умереть. Мы должны были уйти отсюда вместе."

Тьерри не двигался. Он сидел рядом с телом, его руки лежали на шее, будто он все еще надеялся нащупать её пульс. Он хотел показать ей Париж после того, как они выберутся из этого ада. Он вспомнил их разговор в архивах полицейского участка. Она смеялась, рассказывая, как впервые перевязывала рану на тренировке и чуть не упала в обморок.

— *"Но я решила — буду спасать людей. Даже если это последнее, что я сделаю."*

Ирония. Она спасала их всех — в перестрелках, в катакомбах, в этом аду. Но себя — не смогла. Коул знал, что надо сказать. Надо вести их дальше. Но слова застряли в горле.

— Мы должны идти, — наконец пробормотал Коул, его голос был тихим, чужим. Тьерри не ответил. Он лишь медленно провел рукой по её лицу, закрывая ей глаза. — *Désolé* (Прости) — прошептал он.

Она не услышит. Никогда. Теперь их трое. И метеорит ждет...

ГЛАВА 13 – Дар Предтеч

Зал с метеоритом встретил их холодным сиянием. Круглое помещение, напоминающее древний храм, перестроенный под хай-тек кошмар, уходило ввысь темными стенами, испещренными панелями управления и потрескавшимися экранами. В центре, на массивной платформе, покоился осколок метеорита Предтеч — темный, словно вырезанный из самой тьмы. Его поверхность мерцала, как масляная пленка на воде, переливаясь неестественными оттенками. От него исходили импульсы — не звук, не свет, а что-то иное, что заставляло кожу покрываться мурашками, а зубы ныть от странного резонанса.

Коул шагнул вперед, его экзокостюм гудел, усиливая каждый шаг. Он чувствовал тяжесть — не физическую, а ту, что давила на разум.

— Здесь... — прошептал Тьерри, его взгляд жадно скользил по цифровым панелям вокруг контейнера. Формулы, коды доступа, схемы — все, что могло спасти человечество.

Он не произнес вслух своих надежд. Но его пальцы непроизвольно дернулись, будто уже держали эти данные, уже везли их в безопасную лабораторию, где можно было исправить ошибки, переписать судьбу...

— Увидели ли вы достаточно?

Голос раздался из темноты, и все трое вздрогнули, стволы оружия мгновенно наведены на источник звука. Из тени вышел Добровский. Он был едва узнаваем. Его лицо, когда-то интеллигентное, теперь еще сильнее иссохло, кожа просвечивала синеватыми черными венами. Глаза — слишком яркие, слишком осознающие, полные боли. Он шатался, его руки дергались, пальцы сжимались и разжимались, будто тело не слушалось его.

— Ты... — Коул не опустил ствол. — Мы думали, ты мертв. Там, в тоннелях...

— Я должен был умереть, — Добровский кашлянул, и из уголка рта струйкой потекла черная жидкость. — Но я не мог... не мог позволить себе такой роскоши.

Он посмотрел в сторону метеорита.

— Вы видели записи. Вы знаете, что я натворил. Метеорит был надеждой... Надеждой на исцеление.

— Какого черта ты не уничтожил метеорит, если знал, на что он способен?! — Ярек вырвался вперед. Его голос звенел от ярости. — Ты же видел, что он делал с людьми!

Добровский повернул к нему голову.

— Потому что я ученый.

Он сделал шаг вперед, и теперь все видели, как его кожа шевелится под одеждой, будто под ней что-то живет.

— Потому что я верил, что смогу исправить ошибку.

Черная жидкость капнула из его носа на его грязный серый свитер. Он не вытер ее.

— Потому что... потому что я боялся.

— Боялся? — спросил Коул.

— Что, если... это последний шанс. — Добровский поднял дрожащую руку к метеориту. — Что если я уничтожу единственное, что могло бы спасти человечество от вымирания... Он не договорил.

Ярек фыркнул:

— И что? Теперь мы все должны сказать "спасибо", что ты оставил нам эту чертову хрень?

Добровский резко повернулся к нему:

— Нет! — Его голос сорвался в хрип. — Я оставил выбор. Тот, которого у меня не было!

Он схватился за грудь, будто сердце разрывалось.

— Корсо... Морозов... Они уже решили за всех. Они превращали людей в оружие! А я... Я спрятал его. Чтобы только тот, кто действительно готов взять на себя ответственность... мог решить.

— Ты играл в бога, — Коул бросил это как обвинение. — И из-за тебя весь город превратился в ад.

Добровский закрыл глаза, его веки дрожали.

— Да.

Одно слово. Признание. Он раскрыл глаза, и в них горело что-то, что заставило Коула напрячься.

— Но они не хотели, чтобы их технологию контролировали. Они создали её как инструмент... очищения.

Тьерри шагнул вперед.

— Нет! — его голос дрожал от убежденности. — Мы можем переписать код! Если у нас будет время, если мы—

— Вы видели, что происходит! — Добровский внезапно закричал, его голос сорвался в хрип. — Вы видели весь этот кошмар своими глазами! Вы держали за руку умирающих друзей!

Пульсация метеорита, мертвый свет, переливающийся на металле.

— Теперь выбор за вами, — Добровский опустил голову. — Уничтожить всё. Или... рискнуть.

Коул посмотрел на Тьерри. На Ярека. На метеорит.

— Как? — спросил он тихо.

Добровский показал на панель.

— В тех данных есть код самоуничтожения. Осталось только ввести его.

— А если сохранить? — встрял Тьерри.

— Тогда вы станете не лучше Корсо, — Добровский взглянул на него. — Потому что кто-то должен будет решать... кого превращать, а кого — нет.

Ярек засмеялся — коротко, жестко.

— Значит, выбора и нет.

Добровский не ответил. Он посмотрел на Коула.

— Решай.

Их разговор прервал металлический скрежет раскрывающихся дверей.

Из темноты шагнул Корсо. Его кожа из-за освещения приобрела мертвенно-серый оттенок. За ним — десяток солдат "Гипериона".

— Вы все еще верите, что можете победить? — голос Корсо звучал еще более зловеще. Он расправил плечи, и в его движениях было что-то неестественно плавное.

— Человечество уже проиграло. То, что случилось здесь — это не конец — это начало.

Коул поднял винтовку, но Корсо лишь усмехнулся.

— Вы цепляетесь за свою хрупкую плоть, как слепые щенки за теплую подстилку. Он шагнул вперед, его тень растянулась по стенам.

— Мы слабы. Мы боеем. Мы умираем. А они... Он кивнул в сторону метеорита. — Они предлагают нам стать сильнее.

— Сильнее? — взревел Ярек. — Ты называешь это силой? Он ткнул пальцем в сторону разрушенного города за стенами. Корсо не дрогнул.

— Горький-17 был ошибкой. Но наука требует жертв.

И тогда он достал шприц с густой, мерцающей жидкостью.

— Будущее начинается сейчас.

Он вонзил иглу себе в шею. Кости затрещали. Мышцы вздулись, рвались, перестраивались. Кожа лопнула, обнажая кристаллическую структуру под ней. Рост — два метра. Три. Четыре. Руки — две стали четырьмя, длинными, заостренными, как копы. Лицо — раскололось, вытянулось, превратившись в голову насекомого с массивными мандибулами. Инкубус родился.

— УБИТЬ ИХ.

Добровский зарычал, его тело закрутилось в спираль мутаций — когти, крылья, панцирь — он менялся на лету, разрывая солдат Гипериона с животной яростью.

Тьерри открыл огонь, его пули рикошетили от кристаллической брони Корсо.

— В глаза! Бейте в глаза! — крикнул Коул, нырнув под удар копьевидной руки.

Ярек откатился вбок, его бластер взвыл, выплевывая плазменный заряд. Инкубус взревел, когда луч прожег ему плечо, но не остановился.

"Incubus in my head is controlling my mind..." Строчка из песни старой польской метал-группы HeR пронеслась в голове Ярека. Было страшно. Было жаростно. Было невозможно остановиться.

Корсо двигался слишком быстро для своих размеров. Первая рука вонзилась в пол там, где секунду назад стоял Коул. Бетон раскололся, как стекло.

— Огонь! — закричал Коул, и отряд открыл шквал огня.

Пули отскакивали от кристаллической брони, оставляя лишь мелкие сколы.

Добровский снова превратился.

Его тело разорвалось, перестроилось, став гибридом волка и скорпиона — когти, хитиновый хвост, пасть, полная клыков. Он бросился на Инкубуса с яростью обреченного.

Корсо взмахнул рукой — энергетический разряд пронзил Добровского, прожигая плоть. Но тот не остановился. Его раны затягивались, мутировали, приспосабливались.

Ярек присел на колено, выпуская молнию ионизированной плазмы из бластера.

— Нахуй твои эксперименты! — заорал он. Разряд ударил Инкубуса в грудь, оставив черный ожог, но монстр лишь зарычал.

— Он слишком крепкий! — Тьерри откатился, доставая гранату.

— По суставам! — крикнул Коул, целясь в соединения кристаллической брони. Пули отскакивали, но некоторые пробивали — черная жидкость брызнула из ран. Ярек присел за укрытие, его бластер загудел, заряжаясь.

— Давай, давай...

Разряд ударил Корсо в живот, взрыв отбросил его назад, но монстр встал, его кожа затягивала раны.

— Он регенерирует! — закричал Тьерри.

— Чёрт!

Корсо развернулся с молниеносной скоростью. Удар. Четыре когтя пронзили Ярека насквозь, вышвырнув его через весь зал.

— ЯРЕК! — Коул едва успел поймать Ярека, как тот упал в ноги Добровскому.

Старик снова изменился — теперь это было нечто среднее между гигантской осой и человеком. Яд брызнул из жала, попадая Инкубусу в лицо. Тот завыл, ослепленный, но не остановился. Добровский поднялся, его тело снова менялось — теперь он стал чем-то змеиным, гибким, обвил ноги Корсо, стягивая его вниз.

— Сейчас!

Коул метнулся вперед, нож блеснул в синем свете — он вонзил его в шею Корсо, там где была мягкая не защищенная ткань, проворачивая.

Черная кровь хлынула. Но Инкубус ударил его в грудь, отшвырнув на несколько метров. Тьерри поймал его, и оба рухнули на пол.

Добровский больше не пытался сдерживаться.

— Я унесу его с собой.

Последний рывок. Кости трескали, кожа рвалась, щупальца вырывались из спины, из груди, изо рта. Мутировавший Добровский раздулся, превратившись в спруто-образного левиафана из плоти и хитина, его форма пульсировала, нестабильная, готовая разорваться.

— ДЕРЖИТЕ ЕГО! — крикнул он, его голос уже не был человеческим.

Коул понял.

— Огонь на отвлечение!

Они открыли огонь, целясь в глаза, в сочленения. Инкубус взревел, размахивая руками, но на секунду замешкался. Этого хватило и щупальца Добровского обвились монстра, впились в трещины в панцире, проникли внутрь.

— НЕТ! — взревел Корсо, его голос смешался с хрипом Добровского.

Энергия забурлила между ними, синие молнии заплясали по кристаллам, плоть Добровского начала светиться изнутри. Ослепительная вспышка разорвала тьму, ударная волна швырнула всех на пол. Кристаллы Корсо треснули, раскололись, рассыпались в пыль. Его тело взорвалось изнутри, клочья плоти разлетелись по комнате.

Свет замигал, на полу лежало лишь месиво из костей и осколков. Ни Добровского. Ни Корсо.

Кровь Ярека растекалась по холодному полу, смешиваясь с остатками гибридов. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, но губы все равно кривились в ухмылке.

— Ну что, Салли... — хрипел он, — будет о чём детям на ночь рассказывать. Заварушка та ещё вышла...

— Да уж. Только ты сначала не сдохни, а то рассказывать будет некому. — Коул похлопал Ярека по плечу.

Ярек закашлялся, и алые пузыри выступили на его губах.

Коул подошел к главной консоли, пальцы замерли над клавиатурой. Салливан ощутил тяжесть решения в каждой клетке своего тела. Код уничтожения. Всего несколько цифр - и человечество останется таким, каким было всегда. Уязвимым. Смертным. Но самим собой.

— "Pleasure, little treasure..."

Щелчок предохранителя.

— Не двигайся, Коул.

Голос Тьерри звучал отчаянным. Коул медленно обернулся. Француз стоял в пяти шагах, его пистолет был направлен прямо в грудь Коула. Рука дрожала, но взгляд был решителен. Линза очков была разбита, из-под нее сочилась кровь. Ярек попытался приподняться на локте, его лицо искажилось от боли.

— Французик... ну еб твою мать...

Одним резким движением Тьерри развернулся и ударил Ярека прикладом по голове. Поляк рухнул без сознания.

— Ты не можешь этого сделать! — голос Тьерри сорвался на крик. — Это единственный шанс! Ты видел, что творится снаружи! Без этих данных человечество обречено!

Коул не поднял оружия. Он смотрел Тьерри прямо в глаза.

— А если мы ошибемся? Если это повторится в глобальном масштабе?

— Мы исправим ошибки! — Тьерри сделал шаг вперед. Пистолет теперь почти упирался в грудь Коула. — Но, если ты уничтожишь всё сейчас — смерть Джоан окажется напрасной. Она умерла ни за что, понимаешь? НИ ЗА ЧТО!

Последние слова повисли в воздухе, словно нож, вонзенный между ребер.

— Ты думаешь, я не знаю? — голос Коула был тихим, но в нем бушевала буря. — Каждую ночь я вижу лица своих жены и сына. Но если мы сохраним это... сколько ещё таких как Джоан погибнет?

Тьерри нервно облизнул губы.

— Мы будем осторожнее. У нас есть знания, которых не было у Корсо.

— Знания? — Коул горько рассмеялся. — Ты видел, что эти «знания» сделали с Добровским. С городом. С нами.

Они стояли так — лицом к лицу, разделенные всего парой шагов, но пропасть между ними казалась непреодолимой.

В зале повисло напряженное молчание, прерываемое только слабым гудением метеорита. Две правды. Две жертвы.

Один выбор.

ЭПИЛОГ

Жук. Обычный, маленький, черный, с переливающимися крыльями. Он сидел на потрескавшемся асфальте, чистил усики, беззаботный, не ведающий о буре, что пронеслась над этим местом. Потом взлетел и тут же был сбит вихрем от винтов вертолета, уносившего последних выживших прочь.

Коул сидел у иллюминатора, его лицо было непроницаемым. Где-то там, внизу, проплывал разрушенный город.

Ярек лежал на носилках, его грудь поднималась едва заметно. Тьерри сидел мрачный, достал из смятой пачки сигарету, зажал одну в зубах. Пламя зажигалки мерцало в потоке воздуха. Он затаился, выдохнул дым, не сводя глаз с Коула. Вопрос висел в воздухе. Уничтожил ли он данные на самом деле? Или...

Что-то сохранилось? Коул молчал. Он лишь смотрел вдаль, где горизонт сливался с тьмой.

В неизвестность.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЁК В АДУ»

События этой главы происходят за несколько месяцев до начала основного сюжета новеллизации, в тот самый момент, когда Добровский устроил погром в лаборатории и спровоцировал взрывную волну Излучателя.

Отель «Версаль» даже в лучшие времена не оправдывал своего названия. Выцветшие обои, скрипучие полы, сырость и вонь дешёвого табака. Но сегодня его хозяин, толстый, потный Лешек Боровский, выглядел особенно бледным.

— Какого черта? — Боровский дрожащими руками поправлял очки. — Я же отстегнул в прошлом месяце!

Якоб «Бекон» Славский лишь усмехнулся, развалившись на стуле, закуривая сигарету. Его красно-синий спортивный костюм растянулся на мощных плечах, а коротко стриженные чёрные волосы блестели под тусклым светом лампы.

— Новые тарифы, Лешек. Инфляция, мать её.

За его спиной стояли двое «братков»: Марек «Глыба» Нердинский — двухметровая гора мышц с лицом, будто вырубленным топором, и «Крыса» — тощий, нервный тип с вечно бегающими глазами. Боровский что-то залепетал, но вдруг... Сначала — глухой гул, будто где-то далеко рухнул дом. Потом — вибрация, от которой задрожали стёкла.

— Чё за херня? — Крыса подскочил к окну.

И тут завывала сирена. Не гражданская оборона. Что-то другое — пронзительное, нервирующее, будто сигнал конца света. А потом раздался крик. Сначала на улице. Потом — в самом отеле. Кто-то забился в конвульсиях в коридоре.

Боровский вдруг захрипел, упал на колени. Его кожа порозовела, потом покрылась пузырями. — Блядь! — Глыба отпрыгнул.

Пальцы хозяина отеля вытянулись, ногти почернели, превращаясь в когти. Его рёбра трещали, раздвигаясь, будто что-то рвалось наружу.

— Валим отсюда! — Бекон бросился к выходу, но дверь уже распахнулась.

На пороге стоял консьерж. Точнее, то, что от него осталось. Его челюсть отвисла, превратившись в что-то вроде змеиной пасти. Руки неестественно удлиннились, пальцы срослись в перепончатые лапы.

— ОХУЕТЬ! — Крыса схватил пистолет и выстрелил.

Голова мутанта взорвалась, но тело продолжало дергаться. Улица превратилась в ад. Люди падали, их тела мутировали, перестраивались. Кто-то вырастил дополнительные конечности, кто-то покрывался шипами.

— БЕЖИМ К МАШИНЕ! — Бекон дал очередь из автомата в гибрид с головой собаки, но тот лишь зарычал и отпрыгнул.

Крыса умер первым. Из переулка вывалилось что-то массивное — гибрид быка и человека, с передними лапами, вросшими в куски бетона.

— НЕТ! НЕТ!

Бетонный блок разможжил ему череп. Славский и Марек заваливаются в свою старую тачку с тонированными стеклами. Глыба заводит, Бекон отстреливается.

— Гони, сука!

Машина рвётся с места. Но через несколько десятков метров тварь с длинными, как у богомола, конечностями, прыгает на капот. Лобовое стекло трещит.

— Сбрось её!

Глыба бьёт по тормозам. Тварь слетает, но машину заносит. Удар в столб. Капот сминается, двигатель заглох. Бекон бьётся головой о стекло.

— Бляя...

Глыба уже тащит его за шкуру:

— ВАЛИМ СКОРЕЕ! — Глыба схватил Бекона за рукав. — СЮДА!

Они ворвались в соседнее здание — старый притон, где когда-то «работали» девочки.

Темно. Вонь дезинфекции. Бекон запер дверь, прислонился к стене.

— ЧТО ЗА ХЕРНЯ ПРОИСХОДИТ?!

Снаружи кричали. Славский прижался к запотевшему стеклу, наблюдая, как улица превращается в живую бойню.

— Это пиздец... — прошептал он, сжимая кулаки.

На улице мутировавшая женщина в разорванном платье схватила выжившего мужчину. Ее живот вздулся, кожа порвалась — и оттуда, с хлюпающим звуком, вырвался гигантский червь, обвинил жертву и разорвал пополам. Кишки шлепнулись на тротуар, а женщина заголосила — не от боли, а от какого-то извращённого восторга. Бекон смотрит на свои руки. Человеческие. По какой-то неведомой ему причине, он не мутирует.

— Я ща блевану... — Глыба отвернулся, зеленея.

Они побежали наверх, по шаткой лестнице, где пахло плесенью и мочой. И тут услышали. Частое, прерывистое дыхание. Шуршание множества конечностей. Из темноты выползло нечто. Три головы. Отец. Мать. Сын. Сросшиеся в один уродливый комок, их тела слиплись, конечности вывернулись, превратившись в длинные, суставчатые лапы. Кожа переливалась лиловым, на спине пульсировали желтые нарывы.

— МАМА... ПАПА... БОЛЬНО... — завyli они втроём, голоса накладывались друг на друга, создавая жуткую какофонию.

Марек застыл, глаза широко раскрыты.

— Двигайся, уёбок! — рявкнул Славский, но монстр уже прыгнул.

Глыба инстинктивно схватил стул — и вмазал им по центральной голове (матери). Хруст. Череп продавился, но тварь не остановилась.

— ВАЛИМ ЕЁ!

Они набросились, толкая чудовище к лестнице. Оно забилось, завизжало, но сорвалось вниз, разбиваясь о ступени. Бандиты заперлись в квартире, откуда вылезло это. Внутри — нищета. Разодранный диван, пустые бутылки, шприцы на полу.

— Где-то тут должен быть ствол... — пробормотал Славский, обыскивая шкафы.

Нашли полкоробка спичек, две недопитые бутылки водки, старые тряпки.

— Коктейль Молотова собрался делать? — Глыба усмехнулся.

— Лучше, чем ничего.

Славский выглянул в окно. Старое массивное здание Музея, кирпичное, с чердаком. Выглядело крепче, чем этот гнилой притон.

— Нам надо туда. — кивнул он.

За окном — хаос. Люди кричали, бежали, мутировали. Один мужчина упал, его спина разорвалась, выпуская щупальца. Другого схватили несколько гибридов и разорвали, как голодные псы. Они осмотрели свое скудное снаряжение. У Славского был при себе автомат АК-47 и металлическая бейсбольная бита. Глыба был вооружен револьвером и затупленным ножом. Плюс пара коктейлей Молотова.

— Готов? — Спросил Марек, заряжая револьвер.

— Нет. Но поехали.

Долбёжка в дверь. БАМ. БАМ. БАМ. Дверь тряслась в косяке, дерево трещало под ударами.

Глыба отпрянул, крестя себя дрожащей рукой.

— Господи, помилуй нас, грешных...

Славский не молился. Он кинулся в уборную — не для того, чтобы отлить, а потому что заметил: пол прогнил.

— Глыба! Не стой, как валенок, блядь! Помоги!

Он взял биту, вставил под унитаз — и рычагом начал выдирать его из пола. Глыба присоединился, упёршись плечом. Скрип. Хруст. Треск ломающихся труб. И — бах! — унитаз вырвался, оставив дыру прямо в нижнюю квартиру.

— Нахуй отсюда!

В этот момент дверь слетела с петель. Шизо-Семейка ввалилась внутрь, три головы орали вразнобой:

— ГДЕ ВЫ?!
— МЫ ПОИГРАЕМ!
— БОЛЬНООО!

Глыба не растерялся.

— Нахуй иди! — рывкнул он, поднял унитаз — и швырнул прямо в голову отца. Фаянсовый трон разбился об изуродованную голову, мозги брызнули на стену. Тварь закачалась — и рухнула в окно, разбив его вдребезги.

— Прыгаем! — Славский нырнул в дыру.

Марек последовал за ним. Приземлились в лужу ржавой воды и дерьма.

— Сука... ботинки испачкал — выругался Славский.

Они вылезли из ванной — и увидели нового мутанта. Бывший человек. Его голова отделилась от тела, отрастила шесть длинных лап — и поползла по потолку, как паук.

— Да вы блядь издеваетесь?! — Славский выпалил очередь.

Две лапы отлетели, но тварь не остановилась. Она запрыгала по стенам, сдирая обои, ломая мебель.

— СГОРИ! — Глыба швырнул коктейль Молотова.

Вспышка. Огонь охватил тварь, потолок, шторы. Квартира вспыхнула. Визг мутанта стих только тогда, когда череп лопнул от жара.

Они выбежали через чёрный ход. Глыба трясся, крестился, бормотал:

— Это кара... за наши грехи... демоны пришли...

Славский ударил его в плечо:

— Хватит хуйню эту нести. Возьми себя в руки! Нам надо добраться до Музея...

Едва они сделали шаг — из тени выскочила тварь. Человек с вывернутыми суставами и головой с несколькими челюстями. Они не успели среагировать — раздался выстрел. Голова мутанта разлетелась. За углом стоял мужчина в потрёпанной кожаной куртке, с пистолетом в руке.

— Джеймс Сэшмон. Полицейский. — представился он. — Мы вас с ребятами повязать хотели... но, похоже, планы поменялись.

— Блядь... — Славский застонал.

— Мои люди... часть из них сошли с ума, часть превратилась в это. — Джеймс махнул стволом в сторону улицы, где творился кошмар. — Предлагаю объединить усилия, чтобы выжить. Идёт?

Славский плюнул, посмотрел на Глыбу.

— Ладно... никогда не думал, что буду с легавыми работать.

Джеймс кивнул. Где-то рядом завыл новый мутант, оставаться здесь больше было нельзя. Славский шел первым, автомат наготове. Марек тяжело дышал за его спиной, сжимая в потных лапах револьвер. Сэшмон замыкал шествие, выцеливая каждый проулок, каждое окно.

— Эй, коп, — прорычал Глыба, не отрывая глаз от переулка. — Ты хоть знаешь, что за херня тут творится? Или вы, мусора, тоже не сечёте в этом всём?

Сэшмон мрачно усмехнулся.

— Без понятия. Но видел фургоны военных на въезде. И видимо, не просто так они тут.

— Ну и? — Славский огрызнулся, не оборачиваясь.

— Несколько месяцев назад в море упал тот метеорит. Помните? Слухи ходили. А теперь вот... это. — Он махнул рукой в сторону горящего здания, из окон которого доносились чьи-то нечеловеческие вопли. Славский фыркнул.

— Бля, да это ж «Секретные Материалы» какие-то. Только без Малдера и Скалли. Глыба задумался, тяжело переставляя ноги.

— А может, это новый вирус? Ну, тех психопатов из «Новой Земли», про которых по телику говорили?

Сэшмон покачал головой.

— Вирус так не работает. Он людей в зомби не превращает. Это...

Рык из переулка оборвал его. Все замерли. Из тумана выползло что-то длинное, скользкое, со сросшимися конечностями.

— Бля... — прошептал Глыба.

— Тихо, — шикнул Славский, медленно поднимая ствол.

Тварь замерла, принюхиваясь. Потом резко рванула в их сторону. Раздались грохоты выстрелов. В этот самый момент, с моста, словно брошенный невидимой рукой, вылетел грузовик с горючим. Он протаранил ограждение, рухнул на асфальт в нескольких метрах от них — и взорвался. Бочки с горючим разлетелись, как снаряды. Огненная волна ударила в лицо, заставив всех инстинктивно отпрыгнуть в разные стороны.

Славский упал на спину, оглушенный. В ушах звенело, перед глазами плясали черные пятна. Он попытался встать — и увидел. Женщина-паук выползла из дыма, медленно, словно плыла по воздуху. Нижняя часть тела — брюшко паука, покрытое чёрными щетинками. Верхняя — женщина, но лицо... Лицо было искажено мутацией. Рот растянут до ушей, внутри — длинное жало с ядом. Глаза — большие, стеклянные, безумные.

— Марек! Вставай, блядь! — заорал Славский, хватая товарища за куртку.

Тот бормотал что-то несвязное, крестился, дрожал.

— Он... он нас наказует... за грехи...

— Да ты заебал! — Славский тащил его в сторону.

Глыба вдруг схватил его за руку:

— Сэшмон!

Славский огрызнулся.

— Да пошёл он нахуй, этот легавый! Как только всё уляжется — первым делом наручники нацепит на нас!

Глыба потрянул головой, глаза горят:

— Славский, блядь, посмотри вокруг! Какие нахуй наручники?! Ад уже здесь!

Славский замер. Вздохнул и закусил губу, взглянул на Сэшмона.

— Ладно... но если он нас потом попытается задержать — я лично ему башку оторву.

Коп лежал в полуметре от огненного пятна, всё ещё без сознания. Женщина-паук двигалась к нему, жало подрагивало в предвкушении.

— Жди... — прошипел Славский, прицеливаясь.

Глыба катнул в её сторону бочку. Тварь свалилась, зашипела, забилась в луже горючего. Славский выстрелил. Взрыв. Пламя взметнулось вверх, охватывая её. Визг разорвал воздух — пронзительный, нечеловеческий.

— Бежим!

Славский подхватил Сэшмона, волоком таща его от огня. Впереди — массивные двери Музея.

Они долбятся в них, кричат.

— Открывай, блядь!

Из-за двери донесся дрожащий голос.

— Я... я пытаюсь! Новый цифровой замок... он глючит!

— Да ебал я твой цифровой замок! — орёт Славский.

Сзади — шаги. Ещё один выживший, мужчина в рваной рубашке, бежит к ним.

— Спасите! Помогите!

Из-за угла выскакивает тварь — длинные руки, рот на животе. Хватает. Рвёт. Кровь брызжет на стены. Дверь наконец открывается. Они вваливаются внутрь. Глыба падает на колени, крестится, шепчет молитвы.

Мужчина перед ними — работник музея, Ян Курац. Кожа — зеленеет, покрывается чешуйками. Чёрные вены ползут по лицу.

— Слава Богу... хоть кто-то живой... — голос дрожит.

Славский отступает:

— Не подходи! Ты... ты заразный?

Ян качает головой:

— Я не знаю... но со мной что-то не так...

Сэшмон, приходя в себя, осматривается:

— Здесь безопасно?

Ян качает головой:

— Нет. Охранник... он стоял у экспоната с Крестonosцем... доспехи... они слились с ним...

Глыба вскакивает, тычет пальцем в Славского:

— Какого чёрта ты решил, что тут безопасно?! Это же не бомбоубежище, долбоеб!

Тот, всё ещё трясясь от адреналина, резко развернулся к Глыбе:

— Блядь, я что, стратег по-твоему?! Я думал тут безопасно, это ж сраный музей! Тут людей-то не бывает почти! Его пальцы впились в волосы, оставляя грязные полосы на лбу.

Сэшмон тем временем пристально смотрел на Кураца:

— Есть ли тут ещё люди?

Ян нервно сглотнул, его зеленоватые пальцы дрожали:

— Были... Кто-то из сотрудников... Кто-то успел забежать, как вы... Но я не знаю... Голос его сорвался. Я боюсь искать...

Сэшмон кивнул, оценивающе оглядывая зал:

— Нам нужно на крышу. Чердак может быть безопасным.

— Через зал викингов, — тут же отозвался Ян, показывая на массивную дубовую дверь. На второй этаж.

Глыба мрачно осмотрел свой револьвер:

— Тут оружие хоть какое-нибудь есть?

Ян неожиданно полез в карман и достал электрошокер:

— Это... я подобрал, когда охранник... ну, стал частью того Крестonosца. — Его рука дрожала, показывая оружие Сэшмону.

Они все двинулись вперед. Музей ещё сохранял видимость порядка, но следы хаоса уже проступали — разбитые витрины, поваленная статуя какого-то городского чиновника с отколотой головой, кровавые следы, ведущие в темноту. Курац, шагая рядом с Сэшмоном, вдруг спросил:

— Кого... кого нам звать на помощь? Военных? Правительство? Учёных?

Полицейский горько усмехнулся:

— Судя по всему, именно они всё это и устроили.

Стены музея, еще недавно хранившие историю, теперь впитывали ужас.

Выжившие услышали ее раньше, чем увидели — тихие всхлипы, переходящие в истеричный шепот.

— Лилит... Лилит, где ты? Не смотри на меня...

За поворотом стояла работница музея. Ее кожа уже серела, покрываясь трещинами, словно высохшая глина. Левая рука вытягивалась, кости ломались, перестраивались в костяное щупальце. А из спины — торчало что-то живое, пульсирующее, как паразит, медленно пожирающий ее изнутри. Она увидела их — и закричала.

— НЕТ! УХОДИТЕ! Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНА ВИДЕЛА МЕНЯ ТАКОЙ!

Сэшмон не колебался. Выстрел. Тихий щелчок курка — и гром в замкнутом пространстве.

Женщина рухнула, как сломанная марионетка. Курац зажмурился, его дрожащие пальцы впились в волосы.

— Боже... Боже, это не может быть правдой...

Следующий зал казался безопасным — манекены в исторических костюмах, застывшие в вечном безмолвии. И тень, что двигалась среди них. Крестоносец. Он повернулся к ним, доспехи скрежетали.

— НАРУШИТЕЛИ... ВАМ НЕ МЕСТО ЗДЕСЬ...

Курац шагнул вперед, голос дрожал:

— Стой! Это я - Курац! Мы свои!

Сэшмон схватил его за плечо:

— Он уже не понимает...

Крестоносец зарычал — и рванулся вперед. Глыба не успел отпрыгнуть. Меч взметнулся вверх — и тело разрезало пополам, кровь брызнула на манекены.

— НЕТ! МАРЕК! — Славский вскинул автомат.

Пули отскакивали от брони, оставляя лишь царапины. Сэшмон стрелял методично, целясь в щели — но Крестоносец не останавливался. Курац вдруг согнулся, скрючившись от боли. Его кожа зеленела быстрее, вены чернели, позвоночник выгибался.

— Что... что со мной...?

Он посмотрел на Славского и Сэшмона — и понял.

— БЕГИТЕ! — закричал Курац.

— Я ОТВЛЕКУ ЕГО!

Он рванул вперед, крича, размахивая руками.

— ЭЙ, УРОД! СЮДА!

Крестоносец развернулся, забыв про остальных. Курац бежал к лестнице, вниз, в темноту.

Его спина разрывалась — что-то росло, шевелилось под кожей. Он не оборачивался. Славский смотрел, как Крестоносец исчезает в темноте, преследуя Кураца.

— Блядь... блядь... — Он хватался за голову.

Сэшмон толкнул парня:

— Двигайся! Пока он не вернулся!

Они рванули к лестнице, к крыше. Дверь захлопнулась с глухим стуком, словно гробовая крышка. Славский сполз по стене, сжимая автомат.

— БЛЯТЬ! СУКА! МАРЕК! — его крик разорвал тишину, отразился от стен, вернулся к нему эхом — пустым, бесполезным.

Сэшмон прислонился к витрине, глаза бегали по трещинам на полу, ища хоть какую-то зацепку.
— Мне жаль твоего друга, — сказал он тихо, будто пробиваясь сквозь глухую ярость Славского.

Тот огрызнулся, зубы оскалились в звериной усмешке:

— Мы с детства в одной банде. Вместе дрались, вместе выживали на улицах. А теперь его разорвала какая-то неведомая хуйня!

Сэшмон вздохнул, потёр переносицу.

— Если выберемся отсюда живыми — разойдёмся. Уже не важно, что было до. Но пока надо держаться вместе.

Славский замер, глаза сузились.

— Я терпеть не могу легавых, — прошипел он. — Вы всю кровь из моей семьи выпили. Когда мне было 14, отца посадили ни за что...

Сэшмон не отвёл взгляда.

— Мне жаль. Среди копов действительно полно сволочей.

Хрупкое перемирие.

Запыхавшийся Ян прислонился к холодному подиуму в зале глубоководных существ, его дыхание вырывалось прерывистыми, хриплыми всхлипами. Крестоносец ушел, его тяжелые шаги затихли где-то в далеких коридорах, но внутри Яна бушевала своя, личная катастрофа.

Его тело предавало его. Кожа, еще час назад обычная, теплая, которую на прощание целовала его жена, теперь зудела и покрывалась мертвенно-зеленой чешуей. Голова раскалывалась — будто мозг выковыривали из черепа тупой ложкой. Боль фокусировалась в спине, между лопатками, где кости скрипели и двигались, будто что-то пыталось проложить себе путь наружу.

К горлу подкатила рвота. Он едва успел наклониться, как желудок вывернуло наружу. Он рыгал, давясь кислотной горечью, на глазах выступили слёзы.

— Что... что происходит со мной? — прошипел он, сплевывая остатки слюны.

Он нащупал в кармане телефон. Вероника. Нужно позвонить жене. Он тыкал в экран, но сеть была мертва, как и надежда. Сегодня был вторник. Обычный, скучный вторник. Они должны были после работы пойти в парк, купить сыну Томашу то самое мороженое с шоколадной крошкой...

Перед глазами встал Гжегож — добродушный усатый охранник, с которым они всегда перекидывались парой шуток, усач любил рассказывать ему про футбол. Вспомнил, как его тело слилось с латами рыцаря, как плоть и металл сплелись во едино. Как Натали... Её глаза, полные ужаса и мольбы, прежде чем Сэшмон нажал на курок. Её дочь Лилит осталась без матери.

Стиснув зубы, Ян поднялся. Мир плыл, как в лихорадочном бреду. Перед ним витрина — древние медузы, застывшие в камне. Его собственный голос эхом отозвался в памяти: «Они кажутся хрупкими, но их щупальца несут паралич. Природа не знает милосердия. Она просто... меняет им форму.»

Ирония. Его правая рука деформировалась на глазах. Кожа окончательно огрубела, из кончиков пальцев вылезли острые когти. Он в панике стал скрести по ним ногтями левой руки, но без толку.

Позвоночник хрустнул, повернувшись и он вскрикнул. Слезы текли по щекам, смешиваясь с потом и слизью. Отчаяние. Страх. Боль. Он смотрел на свою когтистую лапу, и в этот момент услышал шорох.

За углом макета гигантского кальмара, прижавшись к стеклу, сидела Лилит. Маленькая девочка, вся сжавшаяся в комок, она тряслась, заглушая рыдания в ладошках.

— Лилит! — голос Яна звучал теперь сам не свой. — Это я... Ян Курац!

Девочка вздрогнула и подняла голову. Её полные слез глаза были полны животного ужаса. Она видела не друга мамы - она видела в нем монстра.

— Помнишь меня? Я друг твоей мамы... — он попытался смягчить тон, сделать его привычным, но в горле что-то хрипело.

— Мама? Где она?! И что... что с вами? — её взгляд метнулся от его лица к страшной руке.

— Мама... Натали, она... — слова застряли в горле. Как сказать? Как выложить на ребенка весь этот ужас? — Мне очень жаль, — выдавил он наконец с горечью.

Тело ответило новой волной изменений. Челюсть свело судорогой, зубы заострились. Глаза, в которых еще теплилось сознание, начали чернеть, расширяясь, поглощая радужку. По спине пробежал леденящий озноб, а внутри запылал жар, плавивший кости. Он издал произвольный, низкий рык — звук, идущий из глубины превращающихся внутренностей.

Лилит замерла, парализованная страхом. Её детский мозг отказывался понимать, как знакомое лицо расплывается, трансформируясь в кошмар. Она медленно попятилась.

— Лилит, стой! — Ян инстинктивно шагнул вперед, протянув ту самую когтистую лапу.

Девочка закричала в ужасе. Она вскочила и помчалась прочь, её шаги затихли в лабиринте музея.

— Нет... — простонал Ян, пытаясь броситься вслед. Но его тело восстало против него. Спазм скрутил мышцы. Он рухнул на колени, кости хрустели и изменялись, принимая новую форму. Боль достигла апогея, а затем... начала притупляться, уступая место чужеродному, холодному спокойствию. Мысли о Веронике, Томаше, Лилит стали туманными, отдаленными, будто происходящими не с ним. Сквозь нарастающую пелену он в последний раз увидел своё отражение в стекле витрины.

Форма головы изменилась — череп стал шире, вытянулся вперед, обтянутый плотной, чешуйчатой кожей. Он не чувствовал своего лица — только костяной каркас и давление там, где должны быть глаза, рот.

Он упал на колени, и из его горла вырвался рёв. Не человеческий крик — низкочастотный, вибрирующий, наэлектризованный рык, от которого задрожали стёкла витрин. Его голос умер вместе с телом.

И тогда пришла вторая боль, острая и разрывающая, сосредоточенная между лопаток. Кожа и мышцы на спине вздулись, натянулись и порвались. Сначала слева, затем справа — из развершейся плоти выскользнули, извиваясь, два щупальцевидных отростка. Они были длинными, гибкими, покрытыми той же зелёной чешуёй, что и всё тело.

Боль достигла пика, превратившись в чистое, ослепляющее безумие, и Ян рухнул без сознания.

Сэшмон и Славский шли через зал экспонатов — разбитые витрины, поваленные стенды, хрустящее стекло под ногами. И тут — движение. Из-за угла выползло нечто.

Две женщины. Толстые, обрюзгшие, сросшиеся в один уродливый комок. Их верхние части тела слились с каким-то механизмом — металлическими шестернями, трубами, поршнями. Лица перекошены в вечной агонии.

— Они... нас... соединили... — зашипела одна из голов.

Механизм заскрежетал, завертелся — и выстрелил. Раскалённые болты прошили воздух, вонзились в стену рядом с Сэшмоном.

— В УКРЫТИЕ! — орёт он, отпрыгивая за разбитый стенд.

Славский присел за перевёрнутый стол, автомат наготове.

— Блять, ну и жиробасина...

Сэшмон осмотрелся, ища слабое место.

— Механизм питается от этого генератора! — крикнул он, показывая на торчащий аппарат за спиной гибрида. Славский усмехнулся.

— Значит, бьём по нему!

Они переглянулись. План родился мгновенно.

— Я отвлекаю, ты стреляешь! — Сэшмон выскочил, давая очередь из пистолета.

Болты полетели в него, но тот увернулся, катясь по полу. Славский прицелился — и нажал на спуск, выдав очередь. Генератор взорвался, пламя охватило механизм. Женщины закричали, их тела корчились, плавись. Тварь рухнула на разбитое стекло, дёргаясь в последних судорогах.

Славский тяжело дышал, вытирая пот со лба. Сэшмон поднялся, осматривая пистолет.

— Патронов мало. Дальше осторожнее.

Славский кивнул.

— Пошли, пока целы.

Крыша музея оказалась островком в океане ада. Славский прислонился к парапету, глаза щипало от дыма, поднимающегося с улиц. Внизу полыхали пожары, взрывались машины, кричали люди — те, кто еще оставался людьми.

— Ну вот и добрались, — пробормотал он, вытирая пот со лба грязным рукавом. — Теперь только отсидеться, пока за нами не придут спасатели.

Сэшмон не ответил. Он медленно обходил крышу, фонариком подсвечивая в темноте ржавые вентиляционные трубы, разбитые ящики.

— Ты вообще слушаешь? — огрызнулся Славский.

— Здесь что-то есть, — тихо сказал Сэшмон.

Он подошёл к лифтовому механизму, огороженному сетчатым забором. Фонарик скользнул по ржавой решётке — и вдруг... Рык. Громкий, животный, полный ненависти. Из темноты вспыхнули два огромных красных глаза.

— ЧТО ЗА?!

Тварь врезалась в сетку, когти цеплялись за металл, тело извивалось, ломая прутья. Коп отпрыгнул, пистолет уже наготове, но существо было быстрее. Оно вскарабкалось по забору и спрыгнуло на крышу, приземлившись с глухим ударом. Тварь была ужасающей. Две острые клешни росли из деформированной спины, суставы вывернуты в противоположные стороны, зеленая кожа пульсировала, покрытая язвами и трещинами.

Но голова... Голова была хуже всего. Челюсть разорвана, зубы торчали в разные стороны, глаза — огромные, красные, горящие безумием. Сэшмон застыл.

Василиск.

Старые мифы всплыли в памяти — чудовище, убивающее взглядом. Тварь зарычала, спина выгнулась, и вдруг — плюнула огнём. Пламя озарило крышу, едва не задев Сэшмона.

Крыша музея превратилась в арену смерти. Василиск ревел, его массивное тело сотрясалось от ярости. Клешни скрежетали по бетону, оставляя глубокие царапины.

— Блядь, ну почему эта тварь недохнет?! — Славский всадил очередь из автомата. Пули впивались в толстую кожу, из пулевых ран сочилась вязкая кровь, но монстр лишь сильнее ревел от ярости.

Сэшмон прицелился в левый глаз — выстрел. Тварь взвыла, закрыла морду клешнями, но не остановилась.

— Глаза — её слабое место! — крикнул Сэшмон.

— Охуенно! А у меня кончаются патроны! — Славский швырнул пустой магазин, доставая последний.

Василиск плюнул огнём. Пламя лизнуло бетон, едва не коснувшись Сэшмона.

— Чёрт!

Сэшмон взглянул вокруг — и увидел цепь, валяющуюся у вентиляционной шахты.
— Славский! Отвлекай его!

— ЧТО?!

— Я обмотаю цепь вокруг его шеи!

Славский проклял всё на свете, но кивнул.

— Ладно, блядь! Но если я помру — я тебя в аду найду!

Он кинулся в сторону, крича, стреляя в глаза твари. Василиск зарычал, развернулся к нему — и Сэшмон прыгнул сзади. Цепь впилась в шею монстра. Тот забился, зашипел, клешни метались, пытаясь достать копа.

— Тяни его к краю! — орал Славский.

Сэшмон изо всех сил тащил цепь, ноги упирались в бетон. Василиск отчаянно сопротивлялся, но шаг за шагом приближался к пропасти. Патроны кончились. Славский швырнул автомат, схватил лежавшую под ногами монтировку — и врезал твари по голове, проломив ей череп. Василиск взревел — и вонзил клешню в грудь Сэшмона, проткнув его насквозь. Кровь хлынула изо рта копа. Славский кинулся к нему — но вторая клешня распорола ему живот.

— А-а-аргх!

Боль пронзила всё тело. Кровь. Много крови. Но Славский не сдался. Дрожащей рукой он достал последний коктейль Молотова, чиркнул спичкой.

— Подавись, ублюдок...

Бутылка полетела, разбилась об голову твари. Огонь вспыхнул. Василиск забился, завыл, шагнул назад — и сорвался с крыши. Цепь натянулась, раздался хруст ломающейся шеи. Тело Василиска рухнуло на арматуру, торчащую из груды мусора.

Славский полз. Кровь тянулась за ним по бетону. Он дополз до каморки, ввалился внутрь, захлопнул дверь.

Тьма. Тишина. Боль.

Якоб дрожащей рукой достал сигарету и чиркнул зажигалкой. Огонёк замерцал в темноте и осветил его лицо — бледное, в поту, в крови. Он затаился, закашлялся, выплюнул кровь.

— Весёлый денёк сегодня был, да?

Снаружи город горел. Но здесь, в этой тесной комнатке, вдруг стало очень тихо.

Спустя несколько часов Ян пришел в себя, его разбудил новый сигнал — не боль, а щекочущий, раздражающий импульс на конце левого отростка. Он открыл глаза — вернее, воспринял свет через новые, сложносоставные линзы.

Существо, похожее на облезлую крысу, впилось зубами в его щупальце. Реакция была мгновенной и неосознанной.

По нервным окончаниям отростка пробежала дуговая вспышка — синевато-белый сгусток энергии. Раздался сухой треск. Тварь отлетела к стене и затихла, обугленная.

Ян попытался встать. Сначала он не осознавал ничего, кроме фундаментального дискомфорта во всех точках своего существа. Его тело не слушалось. Оно было растянuto, перекручено, сломано и собрано заново из чужих деталей. Кости встали по-новому, мышцы прилепились к ним в непривычных местах. Он завалился набок, щупальца беспомощно забили по полу. В голове — абсолютная каша, логика расплавлена, память разорвана в клочья.

Кто он? Он девственница-улитка, запертая в раковине из плоти? Он скитающийся дервиш, потерявший и бога, и дорогу? Он хреновая 3D-модель, выгруженная в неподготовленный движок реальности? Он дополз до разбитой витрины и увидел там своё новое отражение.

Человека там больше не было. Там, где должен был быть Ян Курац, отец, муж, ихтиолог, зеленело что-то иное. Существо с головой треугольной формы — нечто среднее между рептилией и насекомым. Большие, выпуклые, абсолютно чёрные глаза, отражающие лишь свет и страх. Широкий, горизонтальный разрез рта с кривыми острыми зубами. Зелёная, бугристая кожа. И два гибких, несущих смертельный разряд щупальца за спиной.

Воспоминания о прошлой жизни были почти стёрты, смазаны, как мелом по мокрой доске. Остались лишь смутные тени, сны во сне. Вероника, парк, вторник — всё это стало принадлежать кому-то другому, далёкому и незнакомому. Но способность мыслить — грубая, примитивная, словно после тяжелейшего инсульта, — осталась. Он смотрел в глаза чудовища в стекле, и чудовище смотрело на него.

Он пялился на отражение долгие, тягучие минуты. Потом медленно, неуклюже поднялся. Ноги дрожали.

Он повертел головой, ощущая новую шею. Взглянул на свои щупальца. Ощутил их — его новые конечности. Сконцентрировался. Кончики дрогнули, изогнулись. Он попытался поднять одно — оно дернулось и шлёпнуло его же по спине.

Затем он попытался заговорить. Гортань, не предназначенная для речи, скривилась, пытаясь издать хоть что-то знакомое.

— Я... Ян.. Ку...Куратс. Курвиц. Курец. Яд Корец..Ян. Я-я-я-ян...

Звуки выходили странными, раскатистыми, неправильными. Произнесенные слова тут же теряли всякий смысл для него. Он повернул голову, уставился на стенд с надписью и попытался прочитать, что там было написано. Этот навык ещё сохранился. Зрительный центр мозга со скрипом сопоставил символы со значением.

— Ме-ду-за. Ме-ду-за, — пробубнил он по слогам.

Он дотронулся лапой к своей голове, провёл по щупальцу.

Мысль, медленная, тяжёлая, как валун, покатилась по уцелевшим нейронным тропинкам. Ян. Медуза. Ян. Медуза. Два понятия. Два существа. Одно в прошлом, другое в настоящем. Они должны соединиться. Это — единственная нить, связывающая его с «кем-то».

— Ян Ку-рац. Ме..медуза, — бубнил он, пробуя слоги. — Ян Курац... Меду-у-у-за.

Новая, страшная идентичность кристаллизовалась в его сознании, заменив утерянную. Он — Ян Медуза.

Медуза побрёл вглубь музея. Его шаги были тяжёлыми и неуверенными, щупальца дергались, нависая у него над головой. Он бормотал, плевался, бубнил обрывки слов, фраз, пытаясь собрать из них хоть что-то осмысленное, хоть какое-то доказательство того, что внутри этого чуждого тела ещё теплится что-то, способное осознать само себя.

Впереди были тёмные коридоры. Где-то там пряталась Лилит. Где-то там рыскал Крестоносец. А он брел, единственный в своём роде, забытый и богом, и эволюцией, на самой грани между тем, что было, и тем, чем ему суждено было стать.

Природа просто изменила форму.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Как одному из самых больших фанатов этой игры, мне всегда было обидно, что по Gorky-17 было ничтожно мало фанатского творчества. Казалось, что арты VanRipper'a (да, тот самый, что создал Helltaker) это единственный фанатский контент, который вообще существует по этой игре. В 2018-м году я загорелся идеей написать фан-фик по игре и главной моей целью было написать хорошую, крепкую историю, которая бы переосмысляла и расширяла многие события в игре. Почему именно новеллизация, а не, скажем, создание модов для других игр, комикс или другой вид фанатского творчества? Как человек, любящий научно-фантастическую литературу, я посчитал, что такой формат позволит куда глубже и подробнее поработать с миром игры.

Но уже в самом начале работы над основой сценария я столкнулся с довольно серьезной проблемой, которая и застопорила весь дальнейший процесс - сюжет в самой игре был, мягко говоря, очень рваный. Нам всю игру намекали на какие-то заговоры, и ощущался элемент тайны. Но чем дальше, тем становилось все рванее и запутанней. А в самом конце на игрока вываливалась огромная стена текста с лором и описанием событий, которые вообще к тому моменту не имели никакого значения, что мне никогда не нравилось. Масла в огонь подливали наши локализаторы в лице Snowball и Гоблина, которые, услышав из уст персонажа поляка Ярека Овича фразу «i don't like russians», всполошились настолько, что вместо того, чтобы её просто вырезать, перелопатили весь сюжет игры на свой лад и каждый по своему, что создавало ещё большую мешанину и затрудняло восприятие сюжета. Особенно отличились Snowball, сочинив свою предысторию игры, которая дальше мануала так и не ушла и в самой игре абсолютно никак не фигурировала.

Персонаж Добровского, он же Грачев, он же Сусанин, он же Эксперимент ВТ-6213 (столько вариаций имен персонажа я не помню со времен переводов книг про Гарри Поттера, честное слово), центральная фигура в игре, был для меня натуральной головной болью. В какую сторону его вести? Делать откровенным злодеем или более сложным персонажем, ведущим свою собственную игру? Я и еще несколько прожжённых фанатов игры устраивали мозговые штурмы в конфе, где перебирали идеи, прикидывая, что работает, а что нет. Так же предстояло решить, что делать с персонажами Козова/Барсукова и Генерала Ламара. Работы предстояло очень много, а мои писательские скиллы были сильно ограничены. Несмотря на сложности, я продолжал прорабатывать элементы истории.

Открывающая сцена с МакФадден и уничтожением её отряда гибридами была вдохновлена фильмом "28 дней спустя", мне было важно передать хаос происходящего, чтобы читатель задавался вопросом "что происходит?", но при этом появлялся интерес узнать, что будет дальше. Этот отрывок был выложен все в том же 2018м году в фан-группе Vk по игре, но позже я его удалил, т.к. мне не нравилось качество написанного материала. В 2019м году, я и мой кореш Арнольд выпытывали информацию о разработке игры из разработчиков для подготовки статьи об истории создания игры. Адриан Хмеляж - главный геймдизайнер игры, прислал нам оригинальный дизайн документ, где был детально прописан не только сюжет игры, но и намеки на целую франшизу, которой, увы, так и не случилось. Именно ранний сюжет из дизайн-документа в дальнейшем помог мне с тем, в каком направлении развивать персонажа Добровского, плюс я взял оттуда ещё кое-какие элементы в свою работу.

В 2020-м написание встало на паузу. Творческая энергия была направлена на другие мои проекты, а новеллизация была заброшена, т.к. в одного мне было очень сложно перерабатывать сюжет, и я сильно выгорел. Я пробовал обращаться за помощью к другим авторам, которые имели более высокие навыки в написании полноценных произведений, но не получилось. На момент 2020-го было написано много разрозненных черновиков, каких-то конкретных сцен и диалогов, которые я не мог свести к общему знаменателю своими силами.

Ситуация кардинально изменилась в апреле 2025-го, когда я начал активно пользоваться текстовыми нейросетями для решения бытовых и личных проблем и попробовал с помощью ИИ отполировать свои задумки для новеллизации. Благодаря ИИ я смог не просто воскресить проект, но и довести его до ума.

Однако это не значит, что я просто написал в Deepseek "Хочу новеллизацию по игре GOЯKY-17" и получил уже готовую около 200 страничную работу, нет. ИИ помог мне с доведением почти всех моих идей и наработок до вменяемого результата, но были и свои нюансы. Многое приходилось менять, переписывать по несколько раз, совмещать три, а то и четыре результата вместе, более тщательно прописывать каждую сцену, каждый экшен эпизод, каждый диалог и акцентировать внимание на определенном моменте, чтобы получить желаемый результат. Так же текст вычитывался и редактировался, чтобы убрать уж совсем кривые нейросетевые хвосты.

Ключевое отличие моей истории от игры - с нуля написанная предыстория. На то она и новеллизация, чтобы можно было по-новому исследовать какие-то аспекты игры, а не пережевывать уже имеющийся сюжет. В этом плане на меня оказала влияние новеллизация игры ICO за авторством Миюки Миябэ, которая по-своему переработала мир игры и добавила от себя много нового. Да, возможно мне стоило более плотно придерживаться сюжета из диз-дока, чтобы быть ближе к изначальному замыслу авторов, но мне хотелось показать свое собственное видение.

Мне откровенно никогда не нравился этот около-политический флер вокруг игры. Определенно надо держать в уме кем и в какое время она была сделана, но как позже признавал сам Хмеляж, он перегнул палку, и им стоило сгладить углы, "американизировать" и упростить сюжет, это могло бы им лучше продавать игру на Западе. Мне не нравилась вся эта откровенная муть в предыстории про отряды НАТО, советские бункеры, секретные города для тренировки шпионов, аллюзии на холодную войну со злыми русскими генералами и сомнительными персонажами без внятной мотивации. Мне импонировал подход выбранный Пучковым, и я в итоге сосредоточился на приключении отряда и их взаимоотношении друг с другом в заброшенном городе, кишашем разными монстрами.

Моя версия представляет собой альтернативную вселенную игры, где события происходят в относительно недалёком для нас с вами будущем, в 2030х годах. Эко-террористы из организации "Новая Земля" распространяют по миру смертельный "Вирус Декстера", который вступая в контакт с обычными болезнями, делает их летальными. Вирус постоянно мутирует, и учёные не могут изготовить против него лекарство. По прогнозам экспертов, если вирус не устранить, то человечеству отведено ещё несколько поколений до вымирания. Какое-то время вирус удастся сдерживать, но вакцина не справляется. Проходит пять лет и в море возле портового польского города Горький-17 падает загадочный метеорит. Ученые начинают его изучать и выясняют, что он содержит в себе генетический код, который поможет человечеству пережить эпидемию. Однако, скоро исследованиями ученых заинтересовалась ЧВК "Гиперион" во главе с одержимым фанатичным генералом Себастьяном Корсо, который имеет на данный артефакт свои планы.

Завязка с вирусом была придумана ещё в 2018-м году, за два года до глобальной пандемии, так что это чисто совпадение, даже в 2020м с другом шутили по этому поводу. Она нужна была для того, чтобы логически объяснить, зачем ученые в новеллизации начали ковырять метеорит, чтобы показать, что люди в отчаянии начали искать спасение даже в инопланетных артефактах. Намеки на инопланетян были еще и в раннем сюжете, а также на них жирно намекал старый промо-сайт компании Monolith (R.I.P), которая издавала игру в США.

В оригинале все крутилось вокруг устройства квантовой телепортации, но если в изначальном сюжете оно использовалось военными для своих целей и тайных операций, то в финальной версии игры данное устройство непонятным образом использовалось уже как раз для излечения людей от непонятного рецессивного "гена Декстера", который так же был угрозой для человечества. Почему телепортационное устройство должно было лечить от болезней, это вопрос тот ещё, и мне это казалось всегда очень странным. В одном из своих черновиков я пытался выстроить сложную систему, как это должно было работать, но в конечном счете пришел к выводу, что авторы к концу разработки просто пытались хоть как-то связать между собой порезанный сюжет игры и решил идти другим путем.

Главной темой новеллизации для меня стал вопрос: что делает нас людьми, когда граница между спасением и безумием стирается? Должны ли мы измениться, чтобы выжить, или умереть, оставаясь собой?

При написании своей работы я в основном придерживался сюжетного каркаса оригинала в плане локаций, но наращивая мясо из разных деталей. Почти полностью изменен весь сегмент на улицах города, после того как герои выбрались из Музея. Мне всегда эта часть игры, где тебя просто безостановочно закидывали боями, казалась очень спорной. Полицейский участок был введен в сюжет под впечатлением от игры "Resident Evil 2", так же эта локация нужна была в основном для того, чтобы герои пришли в себя после кровопролитных стычек с монстрами и ещё глубже раскрылись их характеры.

Почему я решил использовать команду главных героев из оригинала (канадец, поляк, француз) а не из версии Snowball или Гоблина? Помимо того, что мне хотелось сохранить верность оригиналу, мне так же казалось, что такая интернациональная команда выглядит куда более интересной в плане создания химии между персонажами. Вообще, проработка и создание более живых и многогранных характеров была для меня одной из самых трепетных, важных и сложных аспектов написания новеллизации. Я хотел, чтобы главные герои ощущались как живые люди со своими травмами и переживаниями. Они паникуют, ругаются, шутят, спорят, анализируют - то, как бы вели себя в подобных ситуациях реальные люди.

Характеры троих главных героев в моей новеллизации были вдохновлены... Черепашками-Ниндзя. Неожиданно, неправда ли? Однако архетипы зеленой четверки идеально подошли для моих версий персонажей. Коул - суровый лидер и стратег под стать Леонардо, Тьерри - человек науки и технарь как и Донателло, Ярек же стал сочетать в себе характеры Рафаэля и Микеланджело - вспыльчивый, грубый берсерк, постоянно пытающийся разрядить обстановку своим странным чувством юмора.

В отряд Коула были добавлены совершенно новые персонажи - Марк Новак, Антон Вазовски и Шеймус Тартаковский, чтобы лучше показать динамику отношений в отряде. Это позволило прописать несколько новых экшен сцен и расширить некоторые моменты из оригинала. Эти персонажи нужны были скорее для того, чтобы показать, что главные герои столкнулись с чем-то до этого невиданным, опасным и смертоносным, что даже закаленные в боях солдаты могут погибнуть в неравном бою с гибридами. Основной фокус был на пятерке персонажей из игры - Коул, Ярек, Тьерри, МакФадден и Медуза.

Все арки этих персонажей были кардинально пересмотрены, существенно расширены и проработаны. В игре многие моменты затрагивались очень поверхностно. Например, я прописал прогрессирующие мутации Медузы и то, как он постепенно сходит с ума, как отчаянно пытается сохранить последние крупницы ясного сознания. Хотя Медуза был моим самым любимым персонажем из всей игры и мне понравилось создавать сцены с ним, но больше всего удовольствия мне доставило прорабатывать характер Ярека - грубый, живой, вспыльчивый, опасный, словно стихия. Было очень интересно прописывать его взаимоотношения с Медузой - то, как он ненавидел мутанта, но в последствии изменил свое отношение к нему.

Сначала я не хотел добавлять персонажей Хатчинс и Славского в сюжет новеллизации. Когда в игре после смерти МакФаддена нам в команду прибывала Хатчинс, это всегда казалось очень странным - у нас отбирают прокаченного бойца с бафом на лечение и выдают это недоразумение, да еще и практически под самый финал игры. Так что в новеллизации ей была уготована участь фигурировать лишь в лабораторных отчетах как одна из подопытных, где она подверглась мутациям.

Славский изначально должен был так и остаться трупом в чердачной будке на крыше музея, но в последствии я решил посвятить ему пару дополнительных глав, где смог закрыть кое-какие сюжетные недосказанности - например объяснил отсутствие в основных событиях новеллизации гибрида Василиска и заодно показать ужас и хаос, творившийся в первые часы заражения в городе.

Персонаж Добровского стал в моей новеллизации ученым, и куда более приближенным к своей версии из раннего дизайн документа, где он был описан как трагическая фигура. Использовал в его новой биографии элементы из черновика "Code Red" - планировавшегося приквела про него в жанре шутера от первого лица. Теперь он не просто какой-то мутный тип как в игре, который появляется в самом начале, сваливает и лишь в самом конце игры появляется как финальный босс. У него теперь появилась внятная мотивация и ясные цели - почему он противостоит Корсо, как незримо направляет отряд Коула, как пытается исправить то, что сам натворил.

Генерал Козов, изначально фигурировавший в моих ранних черновиках, посредством творческих решений стал одиозным фанатичным Генералом Себастьяном Корсо, который в отличие от своего игрового прототипа имеет куда более весомую роль в сюжете. Было решено отказаться от полноценного участия Генерала Ламара, т.к. я хотел сосредоточиться на персонаже Корсо, потому что считал, что лучше один ключевой антагонист, чем два или три.

Существа, созданные по-хорошему отбитым воображением художника Ирека Кониора, были визитной карточкой игры. Уродливые, гротескные, абсолютно поехавшие дизайны, вдохновленные работами Гигера и различными аниме типа "Гайвера". Одной из моих задач стояло передать через описания их отвратительный внешний вид и смертоносность. Постарался передать через описания сражений игровую механику с резистами противников, на примере сцены боя с Крестоносцем. Почти все гибриды попали в новеллизацию кроме Монстра-Отморозка с азотной пушкой, Монашек и Жнецов. Был добавлен бой в канализации с вырезанным из релизной версии игры монстром под названием Шоггот. Так же в дополнительной главе про Славского были использованы описания других монстров, так и не попавших в игру.

Гибриды Люси, она же Суккуб у Гоблина, Гарсии, он же Жираф, и Ракетчика Элмера из рядовых противников были переписаны в ранг элитных солдат Корсо, первые удачные эксперименты по созданию суперсолдат, т.к. в игре это были одни из немногих монстров, владеющих огнестрелом.

Гнетущая атмосфера была так же одной из сильнейших сторон игры. Я постарался передать то самое ощущение от первого прохождения, когда игрок ещё не знает слабых сторон монстров. Каждый бой, начинающийся с пронзительного скрипа шестеренки, был внезапным и заставлял поломать голову, а некоторые из твоих спутников могли внезапно покинуть отряд, прихватив с собой ценное снаряжение прямо перед особо сложным боем. Персонажи в новеллизации далеко не бессмертные - они получают серьезные ранения, у них кончаются патроны, им приходится импровизировать, используя подручные средства и окружение, чтобы выжить, ведь каждый бой для них может стать последним.

Для придания реалистичности некоторым экшен сценам я в еще в 2018-м году специально консультировался с людьми, имевшими боевую подготовку. Таковым был экшен-эпизод с убийством Новака и перестрелкой с сошедшим с ума командиром отряда МакФадден Кристенсеном.

В новеллизации полно отсылок как на разные переводы игры, так и на другие произведения. Так, например, Коул вспоминает про военную операцию на Северном Кавказе, где он и отряд бойцов нашли устройство телепортации. Это одновременно отсылка и на "Горький-18" Гоблина, и на флешбэки Коула из раннего сюжета, и на локализацию от Snowball. Идея с кибер-имплантами Ярека была позаимствована из дизайн-документа не вышедшего сиквела Gorky-21.

Ярек в одном из диалогов в шутку называет Добровского "Сусаниным", а на крыше музея Тьерри находит монтировку и тут же вспоминает про одну старую видеоигру, где ученый в очках сражался с её помощью с разными монстрами – речь конечно же идет про Half-Life. Изучая строение тела Медузы, Тьерри так же задумывается о том, чтобы сделать экзо-костюм с механическими щупальцами, что является отсылкой на игру Phoenix Point - тактическую пошаговую РПГ, где был юнит техника, явно вдохновленный Медузой. Так же некоторые экшен-сцены были написаны под впечатлением от сессий в Left 4 Dead, например сцена боя с Мухой и её выводком агрессивных личинок.

По мимо игр, я искал вдохновение в других работах: «Дитя человеческое» с его ощущением безнадёжности, «Псы Войны» с его кровавым экшеном, где отряд солдат противостоит сверхъестественным существам, «Район №9» с темой мутации и потери человечности, даже «Сталкер» Тарковского с его философским подтекстом.

В заключении могу сказать, что мне доставило огромное удовольствие работать над новеллизацией. Это невероятное ощущение, когда твои старые идеи буквально оживают на твоих глазах благодаря нейросетям и это позволило погрузиться в работу с новыми силами. Получилась не просто адаптация, а альтернативная версия Gorky-17 — мрачная, философская и, надеюсь, захватывающая.